



ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.344.42

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА

О.Д. Зарова

Саратовский государственный университет
E-mail: olya_zarova@mail.ru

Статья посвящена анализу концептуальных оснований властвующей элиты. Определение властвующей элиты как творческого субъекта развития социума коренится в ее социальной природе. Функциональные особенности современной властвующей элиты, обусловленные интеллектуальными ресурсами, позволяют охарактеризовать ее как наиболее оптимального и действенного субъекта развития нового формирующегося общества.

Ключевые слова: субъект развития общества, властвующая элита, функции властвующей элиты, интеллектуальные ресурсы.

The Social Nature of Dominating Elite of the Society

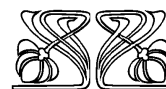
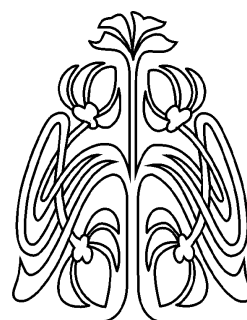
O.D. Zarova

Article is devoted the analysis of the conceptual bases of dominating elite. Definition of dominating elite as creative subject of development of society roots in its social nature. The functional features of modern dominating elite caused by intellectual resources, allow characterizing it as the optimal and effective subject of development of a new formed society.

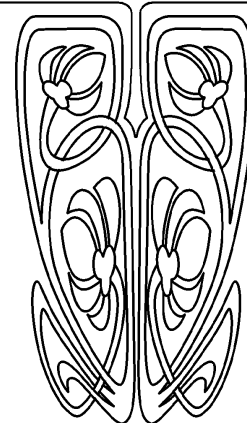
Key words: the subject of development of the society, dominating elite, functions of dominating elite, intellectual resources.

В эпоху трансформации общественных процессов изменяются концептуальные основания осмысления бытийственности социальных общностей. Нарастающая неопределенность глобализирующегося мира усиливает социальную ответственность субъектов развития общества. Обращение к исследованию субъективных оснований глобального развития позволяет выявить тенденции усиления тех или иных направлений в изменении приоритетов социального сознания. Особенно актуальным становится обращение к движущим силам развития общества, таким как элиты, так как элита – это не просто наиболее активные в своей профессиональной деятельности люди, даже если говорить о политической элите, а корпоративные сообщества, влияющие на направление и динамику развития национальных социумов. Массы, вовлеченные в политическую жизнь, осуществляющие построение того или иного общественного строя, в своей деятельности зависят от деятельности элит общества.

Исследование социальной природы элиты основывается на определении элитарных групп как неотъемлемых для функционирования всей социальной структуры. *Историко-философский подход* обращается к историческому происхождению самой элитарной культуры, согласно которому на всех этапах развития общественного организма выделяется особый слой, обладающий привилегированными знаниями. Подобная элитарность навыков



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





и знаний являлась фундаментом формирования тонкого профессионализма, что и сейчас служит развитию исторического прогресса, формированию и росту ценностного и смыслового содержания общества, в процессе чего выстраивается своеобразная иерархия ценностей и социальных ориентиров.

Функциональный подход основывается на выявлении основных функций элитарных групп, которые заключаются в выработке основных направлений развития общества (стратегическая), необходимости учитывать при этом интересы основной массы населения, представляя собой национальную элиту (коммуникативная), организовывать массы населения (организаторская, стабилизирующая), осуществлять поддержку трансляции ценностных установок и ориентиров как национальных, так и общечеловеческих (ценностная)¹.

Аксиологический подход рассматривает ценностные характеристики формирования социальной идентичности элитных групп. Ценности и смыслы правящих слоев не остаются неизменными, они подвергаются трансформации и переосмыслению. Этот неизбежный процесс способствует формированию более гибкой системы ценностей, новых смыслов, соответствующих повседневным реалиям. При этом важно сохранить свою духовную самобытность, чтобы не допустить деградации и саморазрушения. Встает вопрос и о духовном взаимодействии правящих групп и массы.

Проблема трансляции элитарных ценностей на массовое сознание особенно остро возникла в период формирования посткнижной культуры. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что в процессе всеобщей информатизации усиливается возможность влияния на массовое сознание общества. Транслируемые элитой ценности приобретают доминирующий характер. Исследователь настаивает на необходимости подобной доминации, иначе народ, дезориентированный в современном мире, просто погибнет². Человек массы, лишенный ответственности, перестает ощущать хрупкость существующего общества, воспринимая его как данность, в то время как в историческом пространстве невозможно су-

ществование без осмысленного и целенаправленного действия. Кроме того, в настоящем наблюдается нарастание пространственно-временных нарушений восприятия реальности, что приводит к разрушению исторической памяти. Именно элита как творческое меньшинство берет на себя ответственность за создание, сохранение и транслирование социальных смыслов для предотвращения саморазрушения общества.

Ценности и ориентиры властвующей элиты, включенные в социальную память, являются необходимой потребностью для группы и возможности ее формирования. Социальные смыслы, закрепленные в пространстве элиты, нуждаются в определенных мнемических образованиях, дающих возможность для их трансляции во времени. Властвующую элиту можно назвать целевой социальной группой, которая берет на себя ответственность за выполнение определенных функций, имеет необходимость в консолидации, сохранении и передаче опыта. В доиндустриальном обществе особо развитая социальная память была присуща социальным группам, осуществляющим управление социальными процессами. Исследователи обращают внимание и на психологический аспект, на внутреннюю потребность человека в управлении. Р. Михельс считает эту потребность неотъемлемой чертой человеко-массы³. Масса некомпетентна и нуждается в руководстве и организации. Крайней степенью подобной особенности неизбежно становится тотальное подавление воли масс элитарными структурами, что приводит к олигархии.

Онтологический аспект формирования элит предполагает выявление роли властных структур в функционировании этих групп, осмысление укорененности во власти, в институциональных основаниях человеческого бытия⁴. Специфика философского взгляда на проблему власти, раскрывающего разнообразные аспекты ее функционирования, состоит в том, что власть рассматривается, прежде всего, как реализация волевой деятельности социального субъекта. Особое значение категория власти приобретает при рассмотрении властных структур общества,



которые не ограничиваются только политическим или экономическим аспектами.

С позиций социальной философии возможно обращение к концепту власти, которое позволяет говорить о выделении категории властвующей элиты, отличной от политической, культурной, экономической. Основываясь на определении властвующей элиты через концепт власти, можно прийти к выводу, что она представляет собой волевой, деятельностный субъект развития, обладающий легитимностью, определенным запасом знаний, абсолютным доступом к информационным потокам и возможностью контролировать их и управлять ими. Значительную степень в определении властвующей элиты занимает понятие экспертной власти, способствующей разработке стратегических решений.

Объединяющим началом для деятельности элит является их коммуникационная связь и взаимодействие с массами. Элита не может существовать сама по себе, иначе она будет признана неэффективной, далекой от народа, что приведет к последующей смене элит на более «эффективные». Немаловажным является и усиление роли элит в современном обществе, что отражается на углублении их функциональности. Возрастает ответственность за принятие решений и сохранение социальной системы от саморазрушения. Системные действия элит зависят от ресурсов.

Интеллектуальные ресурсы представляют собой вектор формирования властвующей элиты. Направляющей тенденцией современности становится разрастание информационной подвижности. Формированию информационной валентности элит способствует накопление и конструктивное использование интеллектуальных ресурсов, составляющих интеллектуальный капитал властвующей элиты. Инновационные подходы, применяемые в различных сферах жизни, увеличивают возможности накопления интеллектуального капитала. Ресурсы современного научного сообщества становятся востребованными в управленческих структурах на самом высоком уровне. К основным особенностям интеллектуальных ресурсов исследователи относят способность к само-

возрастанию и самореализации⁵. Это позволяет обладателям и носителям интеллектуального капитала занимать решающие позиции в формировании стратегических управленческих решений.

Состояние интеллектуального капитала задает темп и характер обновления технологий. Интеллектуальный капитал, основанный на предыдущих капиталах (человеческом, материальном), вбирает в себя следующие черты: развитие интеллектуальной собственности, становление нового типа творческого мышления, формирование своеобразного интеллектуального центра.

Интеллектуальный капитал имеет собственное движение и влияние на структуру общественной системы. Формирование интеллектуального капитала невозможно без организованного формирования накопления и упорядочивания знаний. Системообразующим фактором формирования интеллектуального капитала является наука, центральными характеристиками – образование и квалификация. В то же время контроль информационных потоков сосредоточен в руках властвующей элиты. Интеллектуальный капитал социальной группы представляет собой опыт, знания, навыки и умения. Таким капиталом обладает любой член группы, а в зависимости от степени закрытости группы этим капиталом могут воспользоваться и внешние субъекты.

Интеллектуальный капитал нередко обозначают как капитал человеческий, и особенно это справедливо в отношении интеллектуального капитала элит. Для воплощения идеалов группы в жизнь недостаточно одного потенциала: большое значение имеет воспитание, природные данные, такие как упорство и креативность, развитые профессиональной подготовкой и специализацией обучения. Это позволяет создать определенный творческий менталитет, являющийся основой и фундаментом прогрессирующей силы интеллектуального капитала.

Представляется, что основными интеллектуальными ресурсами элиты являются знания, информация, причем их область выходит далеко за границы экономических и политических знаний. Можно говорить о пе-



ресечении областей исследования интеллектуальных ресурсов (экономического, политического, социального концептов), поэтому увеличивается роль исследований в образовании – именно образованные, обладающие знаниями люди научного сообщества могут занять лидирующее положение в современном информационном обществе. Возникает вопрос о степени заинтересованности научного сообщества в данном процессе и востребованности самих людей науки во власти. Представляется, что актуальные реалии открывают дорогу научным экспертам, которые могут дать объективную оценку современным социальным процессам. Благодаря этому изменяется процесс рекрутирования элит, находящихся у власти.

Интеллектуальные ресурсы властвующей элиты отличаются особенностью самой социальной группы, на развитие и формирование которой они влияют, а именно тем, что способствуют завладению и удержанию власти. В современном обществе, когда большую роль играют инновации, когда мир перенасыщен информацией, роль знаний приобретает особое значение. С одной стороны, переполненность информацией может свидетельствовать о затруднении процесса ее анализа и экспертной оценки. С другой стороны, при инновационном мониторинге той или иной сферы открываются пути к управлению через использование информации.

Интеллектуальный потенциал элиты влияет на характер ее основных функций. Исследователи отмечают, что важнейшей функцией элиты, которая конституирует ее видообразующий признак, является выбор дальнейшего направления развития общества, принятие стратегических решений и обеспечение их трансляции на уровень массового сознания и поведения⁶. Интеллектуальный ресурс становится вектором развития властвующей элиты, поскольку он определяет характер успешного функционирования ее акторов, возможности осуществления ими поставленных задач, способность адекватно реагировать на изменяющиеся обстоятельства и выстраивать подходящие направления развития социума.

Трансляция знаний производится по определенной институциональной схеме. Характеристикой современной реальности становится средоточение информационных потоков в пространстве элитных групп, которые стремятся управлять ими. В свою очередь, современное научное сообщество отмечает усиление роли информации в глобализирующемся мире⁷. Информационное общество, выступающее как новый качественный этап развития социума, формирует иные черты социального пространства. Влияя на пространственные структуры общества, информационная среда способствует формированию нового типа личности, ее новых ценностей, смыслов и жизненных ориентиров. В таком обществе интеллектуальные ресурсы элит также подвергаются трансформации. Благодаря всеобщей информатизации возрастает роль знания как такового и специального, экспертного знания в различных областях. Знание становится самоценным, его характерной чертой является способность к самонакоплению, благодаря чему оно становится неисчерпаемым капиталом для поддержания власти. Интеллектуальные ресурсы приобретают особый статус одного из основообразующих векторов формирования властвующей элиты. В связи с этим властвующие элиты становятся не просто наиболее активным и деятельностным субъектом развития, но и конструктивным, созидательным фактором общественных процессов.

Необходимо отметить глубокую противоречивость этого процесса. Властвующие элиты не только преследуют интересы всего общества, но и стремятся организовать свои корпоративные интересы, которые могут идти в ущерб национальным интересам. Подобные действия характерны, например, для элиты глобализирующегося сообщества, когда личные интересы элитарных структур, которые стремятся войти в элиты глобального общества, начинают превалировать над интересами и ориентирами народа.

Таким образом, основываясь на определении властвующей элиты через концепт власти, можно прийти к выводу, что она представляет собой волевой, деятельностный субъект развития, обладающий легитимностью,



определенным запасом знаний, абсолютным доступом к информационным потокам и возможностью контролировать их и управлять ими. Значительную степень в определении властвующей элиты занимает понятие экспертной власти, способствующей разработке стратегических решений. Формированию функционирующей экспертной власти способствует накопление и использование интеллектуальных ресурсов, составляющих интеллектуальный капитал властвующей элиты. В связи с тенденциями увеличения информационных потоков интеллектуальный ресурс становится одним из ведущих векторов формирования властвующей элиты, которая становится наиболее активным и деятельным субъектом развития современного общества.

Примечания

- ¹ См.: *Краснов Б.П.* Теория власти и властных отношений / Б.П. Краснов // Социально-политический журнал. 1994. №3–6. С.76–85.
- ² См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- ³ См.: *Михельс Р.* Социология политических партий в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. 1991. №3. С.42–45.
- ⁴ См.: *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. М., 1994.
- ⁵ См.: *Климов С.М.* Интеллектуальные ресурсы общества / С.М. Климов. СПб., 2002.
- ⁶ См.: *Гаман-Голутвина О.Г.* Определение основных понятий элитологии / О.Г. Гаман-Голутвина // Политические исследования. 2002. №3. С.97–103.
- ⁷ См.: *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. М., 2004.

УДК 1:316:502/504

СИСТЕМО-СТРУКТУРНЫЙ МЕТОД В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М.Н. Маркова

Поволжская академия государственной службы
им. П.А. Столыпина, Саратов
E-mail: pishite_marinke@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению системно-структурного метода и двух подходов в экологии. Оба подхода имеют ограничения в решениях экологических проблем. Была сделана попытка их обобщения и восполнения имеющихся пробелов с помощью системно-структурного метода и экоэтики.

Ключевые слова: структура, экология, системно-структурный подход, экоэтика, экофеминизм.

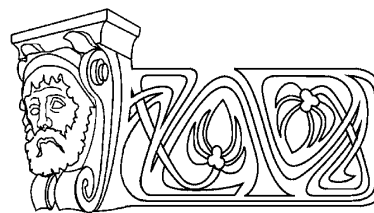
Systemic-Structural Method in Ecological Investigations

M.N. Markova

This article is devoted to consideration of systemic-structural method and two ecological approaches. Both of approaches have restrictions in solving ecological problems. Author tries to summarize both of approaches and to meet a lack of approaches using systemic-structural method and ecoethics.

Key words: structure, ecology, systemic-structural method, ecoethics, ecofeminism.

В последние десятилетия особенно катастрофичными для человека, общества и для природных систем были такие явления и процессы, как стихийные аномалии в виде наводнений, засух, пожаров, температурных колебаний, урага-



нов; сокращение площадей, занимаемых лесами, снижение плодородия почв, сокращение биоразнообразия; сокращение жизненно важных природных ресурсов, необходимых для общества; изменение некоторых географических показателей, таких как озоновый слой, газовый состав атмосферы, радиационное загрязнение и т.п. Обострение экологических проблем поставило под вопрос безопасность и само существование человеческого общества, а также его способность адекватно реагировать на возникшие угрозы и вызовы. Масштабы этих явлений столь велики, что многие называют их ситуацией экологического кризиса¹.

Трудно ответить на вопросы: как же учитывать и контролировать последствия нашего воздействия, что нужно делать, чтобы предотвратить экологическую катастрофу?

Системно-структурный метод исходит из того, что любая система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов и одновременно является частью иных систем. Этот



подход дает возможность определить способы взаимосвязи и взаимодействия образующих систему элементов, а также позволяет раскрыть её состав и строение. Структура понимается как строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей². Системно-структурный метод ориентирован на изучение строения и состава системы.

Типичным признаком целого ряда современных философских систем является то, что в качестве системообразующих в них выступает методология. Превращение метода из простого источника развития философии в центральный системообразующий фактор связано, по-видимому, с новым инструментальным пониманием философии как средства для решения интеллектуальных проблем, которое явилось следствием общего прогресса науки и техники в западном мире.

Однако общая теория систем не укладывается в рамки проблем методологии. Для обозначения этой более широкой сферы применяется термин «системный подход». Он не существует в виде строгих методологических концепций, но это не значит, что их не стремятся построить.

При рассмотрении системы как метода исследования в экологии необходимо выделить два подхода: радикально экологический и умеренно экологический; рассмотрим каждый из них и выявим их возможности и ограничения.

Радикально-экологический подход проявляется в различных формах и видах: экофеминизм, «освобождение животных» или борьба за «права животных», теории экологических сообществ (идеальное естественное равновесие на Земле может быть достигнуто только при условии отсутствия человека), социальная экология (М. Букчин) и т.д.

Объектом критики экофеминистов является то, что культура и общество отделены от природного мира, а наука и экспертные знания вытесняют традиционное народное знание. С их точки зрения, обладающие ценностью общественные отношения вырваны из всего комплекса человеческого существования, большая часть которого остается в частном, домашнем мире³.

Это течение в экологии базируется на базисном принципе: все живые организмы должны рассматриваться в отношении к их природному окружению. Экосистема любого живого организма накладывает ограничения на условия его существования. Неспособность человечества соблюдать свои экологические пределы приводит к

современному экологическому кризису. Представители движения зеленых, в свою очередь, делятся на тех, кто признает, что общество, используя свою технологическую и техническую изобретательность, способно преодолеть экологические проблемы или адаптироваться к ним (light ecology), и тех, кто считает, что человечеству необходимо фундаментально переосмыслить свое отношение к природному миру (deep ecology).

Экофеминизм склоняется к точке зрения глубинной экологии (deep ecology). Природный мир и человечество рассматриваются в его рамках как взаимосвязанное и взаимозависимое целое. Преодоление сложившейся тенденции развития этой целостности связано с пересмотром оснований и принципов взаимодействия ее частей. Экофеминизм показывает неспособность экологического движения и его теоретиков адекватно соотнести причины экологических проблем с последствиями мужского доминирования и женского подчинения в культуре. Эта неспособность обусловлена, главным образом, мужским доминированием в самом движении «зеленых». Хотя не стоит отрицать того, что теоретики «зеленых» и активисты экологического движения уделяют феминизму больше внимания, чем большинству других политических перспектив.

Глубинные экологи (экологи, которые придерживаются радикальных природоохранных мировоззрений) отстаивают тезис, что лишь преобразование западных антропоцентризма и дуализма человечества и природы спасет биосферу от разрушения.

Второй подход – *умеренная экология* – предполагает, что экологический кризис случился не в результате антропоцентризма, а в силу иерархических и авторитарных установок, появившихся в обществе и потом перенесенных на отношение к природе. Экологи, придерживающиеся умеренных взглядов, не одобряют никаких форм насилия и отрицают действия, разрушающие собственность или причиняющие вред (ущерб) людям. При проведении акций и кампаний они применяют драматические методы прямого воздействия и прибегают к манипуляциям средствами массовой информации. Так, например, экологи Европейского сообщества по защите окружающей среды разработали очередную (шестую) программу действий сообщества в области окружающей среды. В этой программе сразу бросается в глаза то, что в окончательном варианте исчезло её название «Окружающая среда 2010 – наше будущее, наш выбор». Как и планировалось, шестая программа учреждена сроком на 10 лет, до 21 июля 2012 г.



Эта программа экологических действий в целом направлена на обеспечение трех условий проведения экологических мероприятий сообщества:

1) интеграция потребностей окружающей среды в различные направления деятельности Европейского союза (ЕС) и имплементация принципа экологической обусловленности деятельности сообщества, изложенного в ст. 6 Договора об учреждении ЕС;

2) продолжение мероприятий, направленных на обеспечение устойчивого развития;

3) проведение экологических мероприятий с расчетом на текущее и будущее расширение Европейского союза, т.е. вступления в него новых государств⁴.

Однако невзирая на расхождения между двумя подходами, все защитники окружающей среды согласны в том, что человечество нуждается в новом понимании самого себя, которое устранил «дуализм человечества и природы» и эксплуатацию последней.

Для решения экологических проблем оба подхода непродуктивны, так как ни один из них не достиг ощутимых результатов. Необходимо найти такой, который включал бы в себя достоинства предыдущих концепций (взаимозависимость как состояние природы и основа для определения человеческого поведения по отношению к ней) и исключал недостатки, крайние точки зрения (животные это не объекты, они, как и люди, должны обладать правами). Ценность природы огромна, но природный баланс склоняется в сторону человека.

Нынешние специалисты развивают этическую теорию в полном отрыве от её метафизических основ. Кроме того, они игнорируют историю философии и культурные контексты, в которых возникали те или иные идеи и теории. Чтобы избежать ошибок предыдущих направлений, выделим для себя объект и предмет исследования. Объекты исследования экологии – системы выше уровня отдельных организмов: популяции, биоценозы, экосистемы, а также вся биосфера. Предмет изучения – организация и функционирование таких систем.

Метафизика взаимосвязанности позволит осознать, что весь природный мир является частью нас самих, а мы являемся его частью, когда осуществляется взаимовлияние и сотрудничество. Подлинно активная личность предпримет непосредственные действия во имя сохранения природного мира, поскольку подлинно зрелый человек понимает, что такое сохранение в интересах его самого, его эго, его как личности.

Системно-структурный метод позволяет разделить экологию на составляющие части и решить их проблемы, а затем определить, не повредят ли данные решения всей системе. Система делима, ее расчленив на множество мелких, а можно собрать в новую систему.

Системы различной природы могут иметь большое число разнообразных свойств, многие из которых являются специфическими, присущими только данной. На основании выделения групп свойств можно определенным образом классифицировать все системы. В первую очередь, это касается групп, характеризующих структуру, отношение систем к внешней среде, а также тип их управления.

Системный подход способствует постановке проблем в науке и выработке эффективной стратегии. Методология, специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

В системно-структурном методе важнейшим элементом является *экологическая этика* – междисциплинарная наука о взаимоотношениях человека и природы, обосновывающая единство природных и человеческих ценностей. Например, нетрудно доказать, что сохранение биоразнообразия есть благо для человека. И наоборот, здоровый, умеренный образ жизни способствует устойчивому развитию мира, снижает потребление ресурсов и количество отходов. В настоящее время вмешательство человека в природный мир носит недостаточно управляемый характер и ситуация крайне быстро ухудшается. Выделяют следующие принципы экологической этики:

знание законов развития биосферы и взаимодействие на этой основе человека с биосферой;

установление общих правил отношения человека и Природы;

жизнь в условиях коэволюции биосферы и общества;

обеспечение жизни будущих поколений;

право наций на расходование ресурсов в соответствии с количеством населения;

избегание воздействия на природные циклы круговорота веществ;

квоты на расходование ресурсов определяются учеными и не зависят от политической обстановки⁵.

Экологическая этика призвана регулировать не только отношения отдельного индивида с окружающей его природой, но и отношения государств и человечества в целом.



Эколого-нравственная проблематика актуальна не только в плане сохранения окружающей среды от загрязнений и других отрицательных влияний хозяйственной деятельности человека, но и для предотвращения стихийного воздействия людей на природу, сознательного, целенаправленного, планомерно развивающегося взаимодействия с нею. Такое взаимодействие осуществимо при наличии у каждого человека достаточного уровня эколого-нравственной культуры, экологического и нравственного сознания, формирование которых начинается с детства и продолжится всю жизнь.

Примечания

¹ См.: Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский // Успехи современной биологии. 1944. Т.18, вып.2. С.188–191; Чижев П.Г. Философия и эколо-

гические проблемы / П.Г. Чижев // Вызовы современности и философия: материалы круглого стола, посвященного Дню философии ЮНЕСКО / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2004. С.97–102.

² См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981.

³ См.: Карпенко Е.И. Сущность и тенденции современного экофеминизма / Е.И. Карпенко // Гуманитарный экологический журнал. 2002. Т.4, вып.1. С.67–73.

⁴ См.: Калинин П.А. Комментарий к Шестой программе действий Европейского сообщества в области окружающей среды [Электронный ресурс] / П.А. Калинин // URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/okr_sreda/bprog.htm (дата обращения: 10.02.2009).

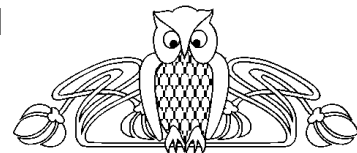
⁵ См.: Моисеев Н.Н. Концепция экологической этики [Электронный ресурс] / Н.Н. Моисеев // URL: <http://virlib.eunnet.net> (дата обращения: 21.01.2009).

УДК 111.6

ТЕХНОЛОГИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И ФУНКЦИЙ

А.В. Мельник

Саратовский государственный университет
E-mail: melnikalex@list.ru



В статье с позиции гуманитарно-философского дискурса рассматривается сущность технологии, ее формы, структура и роль в обществе. Отмечается, что технология, имея деятельностную природу, является одной из современных специализированных форм развития деятельности. Современные технологии, связанные с социокультурным контекстом эпохи, определяют социальное значение техники.

Ключевые слова: деятельность, технология, техника, современное общество.

Technology: Determination of Essence and Functions

A.V. Melnik

The article deals with the essence, form and structure of technology and the role of the same in the society from a perspective of humanitarian and philosophical discourse. The author states that technology, while having activity-related nature, is one of the modern specialized forms of activity development. Modern technologies related to the socio-cultural context of the epoch determine social importance of technique.

Key words: activity, technology, technique modern society.

В настоящее время необходимым атрибутом бытия общества является технология, а также связанная с ней техника. Тотальное проникновение обеих во все сферы жизни современного общества определяет их значение. В своем единстве с техникой технология обеспечивает не только функционирова-

ние, но и трансформацию современного общества. Благодаря применению современных технологий осуществляется конструирование социальной реальности, которое носит рациональный характер. Агентами рациональной организации жизни общества являются современные технологии.

Для гуманитарно-философского дискурса свойственна человекообразная интерпретация смыслов технологии, которые носят универсальный характер. В частности, этот тип дискурса обращает внимание на выявление сущности, форм, структуры и роли технологии в обществе, которые в этом исследовании требуют своего последовательного изучения, обусловленного недостаточной философской рефлексией над проблемой технологии. Как отмечает А.В. Миронов: «Новый феномен “технологий” остается неопределенным и таинственно неразличимым за понятием “техника”. Более того, в настоящее время в философской литературе порою происходит отождествление понятий “технология” и “техника”, в результате чего возникает некоторая неопределенность результа-



тов исследования»¹. Во избежание подобных ситуаций необходимо, прежде всего, обратиться к прояснению понятий «техника» и «технология».

Понятия «техника» и «технология» происходят от одного древнегреческого корня τέχνη, который в своем латинском варианте «*téchnē*» получил широкое распространение в европейской культуре. Первоначально понятие «*téchnē*» означало «искусство или мастерство плотника и строителя, а в более общем плане – искусство во всякого рода производстве»². Впоследствии значение этого слова расширяется, с одной стороны, до мастерства в различных сферах человеческой деятельности, с другой – до способности изобретать стратегии, планы чего-либо.

Существенное уточнение о природе *téchnē* дает работа М. Хайдеггера «Вопрос о технике». В ней немецкий философ отмечает, что, с одной стороны, *téchnē* есть «название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств»³. С другой стороны, еще более важное понимание *téchnē* заключается в том, что «с самых ранних веков вплоть до эпохи Платона слово τέχνη стоит рядом со словом ἐπιστήμη. Оба слова именуют знание в широком смысле. Они означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно есть раскрытие потаенности»⁴. Далее М. Хайдеггер утверждает, что ключевое значение греческого слова τέχνη состоит именно в «раскрытии потаенности». «Решающая суть τέχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, τέχνη и оказывается про-из-ведением»⁵.

Миссия «раскрытия потаенности» как основное значение τέχνη для философа есть существо техники. Для прояснения существа техники М. Хайдеггер вводит собственное понятие «по-став». Именно по-став как миссия раскрытия потаенности есть существо техники. М. Хайдеггер в по-ставе видит «собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии.

По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим»⁶. В сферу влияния по-става попадает все техническое: технические устройства и техническое манипулирование, т.е. технология, при этом они сами неспособны не то что формировать по-став, но даже и воздействовать на него.

В технической проблематике М. Хайдеггер, делая основным предметом своего исследования по-став, не проводит демаркации понятий «техника» и «технология». Хотя она уже обозначается во второй половине XIX в. и продолжается вплоть до настоящего времени. К этому времени выработано несколько основных значений в понятиях «техники» и «технологии».

В понятии «техника» выделяют следующие значения:

артефакта культуры;

инструмента, т.е. средства, орудия, удовлетворяющего определенные человеческие потребности;

самостоятельного мира, противостоящего природе, всему естественному;

специфически инженерного способа использования сил и энергии природы⁷.

Проясняет природу технического понятия «технология». Оно, как и предыдущее, имеет несколько значений. Автором первого из них является А. Эспинас. В своей работе «Возникновение технологии» (1890) он предлагает рассматривать её в качестве учения о различных видах искусств и техник как различных видах деятельности. Технология, по мнению А. Эспинаса, изучая основные законы человеческой практики, должна представлять собой «общую праксеологию», заполняя тем самым пробел в системе современных знаний – отсутствие «философии действия»⁸. Единое деятельностное понимание различных «техник» позволяет устанавливать между ними связи. Так, «техника строительства» и «техника живописи» есть виды деятельности, которые осуществляются в соответствии с наличием условий деятельности, имеют определенную последовательность операций и правила, позволяющие достичь желаемого результата.



Проблема определения сущности технологии в русле деятельностного подхода отечественными исследователями решается таким образом: «Технология (от греч. *téchne* – навыки, мастерство, умение и *logos* – закон, разум, учение, наука) – целостная деятельностная динамическая система, включающая аппаратно-орудийные средства, операции и процедуры, правила, стандарты, эталоны и нормы технологической деятельности, управление технологическим процессом, необходимые для этого информацию и знания, энергетические, сырьевые, кадровые и иные ресурсы, а также совокупность ее экономических, социальных, экологических и иных последствий, определенным образом влияющих и изменяющих социальную и природную “среду обитания” данной системы»⁹.

О деятельностной природе технологии свидетельствуют её дополнительные смыслы. Отечественный философ В.М. Розин, изучающий техническую проблематику, утверждает, что «...с понятием технологии связан такой смысл, как возможность *целенаправленного повышения эффективности техники*»¹⁰. Кроме того, он обозначает второй смысл технологии: «Постепенно под технологией стали подразумевать *сложную реальность*, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные *цивилизационные завоевания* (т.е. является *механизмом новаций и развития*), а по сути представляет собой *сферу целенаправленных усилий* (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.)...»¹¹.

Технология как осознанная техника человеческой деятельности включает в себя три основных, относительно самостоятельных элемента и этапа осуществления:

1) совокупность знаний об эффективных, оптимальных и рациональных способах и средствах практического достижения цели, в том числе, осуществления производственного процесса;

2) деятельность относительно применения этих и других видов знаний для решения определенных практических задач;

3) сами технологические процессы, т.е. предметно осуществляемые, на рациональной основе построенные способы и средства

преобразования вещества, энергии, информации, а также методы организации производства и управления ими¹².

В соответствии с этой схемой технологические знания, технологическая деятельность и объективные технологические процессы в своем единстве образуют относительно самостоятельный, завершённый цикл «технического» как существенного признака человеческой деятельности. В этом плане технология выступает в качестве системы, в которой технический артефакт является ее элементом, и это есть широкое, системное понимание технологии, в совокупности всех своих структурных компонентов образующей техносферу, о которой говорит В.М. Розин¹³. Но, с другой стороны, сама технология может быть сведена до уровня некоторой последовательности технических операций, необходимых для достижения какой-либо цели, например изготовления техники¹⁴. В этом узком смысле технология является аспектом техники, но не любой техники, а только современной, где изготовление артефактов включает применение научного знания, следование правилам и принципам, оптимизирующим деятельность, управление техникой. Два способа понимания технологии – широкое и узкое – в своем единстве задают целостное и многомерное видение современной технологии.

Для понимания феномена технологии необходимо иметь представления о множественности её современных форм. Сейчас технологии получили широкое распространение, среди наиболее значимых можно выделить: «...средства телекоммуникации (компьютерные технологии) и средства массовой информации, транспортные технологии, разнообразные производственные технологии, медицинские и биотехнологии и т.д., а также технологии, связанные с управлением социальными процессами»¹⁵.

Все современные технологии стали возможны благодаря достижениям, сделанным в области науки. В современном обществе наука, техника и технология представляют собой неразрывный союз, эта взаимообусловленность позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных компонентов единого образования. Каждый член данной



триады имеет собственное назначение в современном обществе. А.В. Миронов определяет роль науки, техники и технологии в обществе таким образом: «...наука (science) **объясняет, что можно сделать** с подвластным человеку миром, **техника выступает инструментом преобразования, технология – способом преобразования**»¹⁶.

Обладая различными функциями, наука, техника и технология имеют и различные степени воздействия на современное общество. По мнению учёного, в настоящее время наука оказывает меньшее влияние на общество, чем техника, а техника – меньше, чем технология¹⁷. Подобная логика рассуждений основана на том, что на современном этапе наука не имеет прямого «выхода» в общество: её влияние опосредовано техникой и технологией. Техника же реализуется в контексте имеющейся технологии. Сама же технология непосредственно связана с социокультурной ситуацией эпохи и является продуктом социокультурных факторов.

Важнейшим, если не самым важным, аспектом технологии является ее социокультурная обусловленность. Технология имеет неразрывную связь с социокультурным контекстом эпохи. Укорененность технологии в общественном бытии определяет ее социальный и культурный смысл. Согласно А.В. Миронову, технологии создают устойчивые социальные коммуникации, которые невозможны вне общества и без использования техники и науки. Это – основное свойство технологий, а для отдельных технических устройств создание социальных коммуникаций является случайным действием. Сама техника обретает социальный смысл в контексте технологии. «Возьмусь утверждать, что каждое техническое устройство приобретает социальное значение, только будучи включенным в соответствующую технологию»¹⁸. Вне технологий техника остается бессмысленным статичным набором артефактов, но будучи включенной в технологию, она проникает в повседневную жизнь общества и тем самым обретает свое социальное значение. Например, «... в развитом обществе лодка становится частью технологии рыбной ловли, торговли и других устойчивых коммуникаций, именно в этих техно-

логических отношениях лодка приобретает социальную значимость, позволяет формировать социальные статусы»¹⁹. Именно технология задает правила применения техники, а от того, на достижение каких целей направлена технология, зависит и применение техники. Обращают на себя внимание общества те цели технологии, которые потенциально содержат в себе угрозу эскалации различного рода кризисов: экологического, антропологического, культурного, экономического. Постановка гуманных целей технологии возможна на основе диалога специалистов естественно-научных, технических, гуманитарных дисциплин. Выработка более целостного взгляда на проблему технологии является залогом ее безопасного использования в жизни современного общества.

Примечания

¹ *Миронов А.В.* Наука, техника и технологии: техноэтический аспект / А.В. Миронов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.7. Философия. 2006. №1. С.28.

² Цит. по: *Шадевальд В.* Понятия «природа» и «техника» у греков / В. Шадевальд // Философия техники в ФРГ: Сб. ст. / Сост. и предисл. Ц.Г. Арказаняна, В.Г. Горохова. М., 1989. С.97.

³ *Хайдеггер М.* Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С.225.

⁴ *Хайдеггер М.* Указ. соч. С.225.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.229.

⁷ См.: *Розин В.М.* Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники / В.М. Розин // Вопр. философии. 1996. №3. С.24–25.

⁸ Цит. по: *Философия техники: история и современность / Отв. ред. В.М. Розин.* М., 1997. С.38–40.

⁹ *Ракитов А.И.* Технология / А.И. Ракитов // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003. С.1004.

¹⁰ *Розин В.М.* Философия техники: учебное пособие для вузов / В.М. Розин. М., 2001. С.72.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Философский словарь / Под общ. ред. проф., д-ра филос. наук А.П. Ярешенко.* Ростов н/Д., 2004. С.447.

¹³ См.: *Розин В.М.* Философия техники и культурно-исторические реконструкции... С.26.

¹⁴ *Попкова Н.В.* Философия техносферы / Н.В. Попкова. М., 2008. С.212.

¹⁵ *Попкова Н.В.* Указ. соч. С.35–36.

¹⁶ *Миронов А.В.* Наука, техника и технологии... С.29–30.

¹⁷ *Миронов А.В.* Указ. соч. С.30–33.

¹⁸ Там же. С.32.

¹⁹ Там же. С.31.

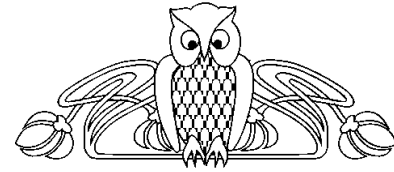


УДК 78.01

КРИТИКА ЯЗЫКА: РАЗРУШЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ МУЗЫКИ

И.Н. Нехаева

Саратовский государственный университет
Ira-Nekhaeva@rambler.ru



В статье представлен критический взгляд на символическую природу музыкального искусства, являющийся условием определения музыки как незаинтересованного, не-символического, беспредметного, а также не-знакового пространства.

Ключевые слова: символ, художественный образ, знак, изобразительность, историческое разрушение.

Critics of Language: Destruction of Symbolical Nature of Music

I.N. Nekhaeva

In article is submitted the critical sight to symbolical nature of the musical art, being by a condition of definition of music as disinterested, symbolical, pointless and also signless space.

Key words: symbol, artistic image, sign, representness, historical destruction.

Совершенно очевидно, что рассмотрение музыкального искусства в плоскости его символической интерпретации является благодатной почвой для исследований искусствоведов и культурологов. Однако нынешнее положение дел, которое, в частности, связано с глобальными изменениями, произошедшими в области анализа языка, заставляет отнестись не столь упрощенно и поверхностно к поставленному вопросу, но критически, начиная с сомнения в непосредственной данности символического характера музыки.

В связи с этим, если *символом* считать определение знаково-образной функции способности воображения, и в переводе с греческого *σύμβολον* – знак, опознавательная примета, то наиболее существенной представляется специфика самой способности воображения, которую, с точки зрения Канта, возможно отнести как к чувственной форме, так и к рассудочной, поскольку она разворачивается в актах созерцания, всегда чувственных, то и «...способность воображения ввиду субъективного условия, единственно при котором она может дать рассудочным понятиям соответствующее созерцание, принадлежит к чувственности...»¹. При этом сама деятельность воображения, осуществляемая в

синтезе, проявляется спонтанно в акте определения, поскольку не является только определяемым, подобно чувствам, следовательно, способность воображения может а priori определять чувство согласно его форме и соотношению с единством апперцепции, что «...есть действие рассудка на чувственность и первое применение его (а также основание всех остальных способов применения) к предметам возможного для нас созерцания»². Таким образом, воображение как способность в своем осуществлении обладает неоднородной природой, что также дает основание говорить о двойственном характере структуры символа: с одной стороны, символ – это *образ*, с другой – *знак*, поэтому необходимо прежде рассмотреть феномены «образа» и «знака» как самостоятельные и противоречивые в установлении онтологических аспектов музыкального искусства. Затем определим внутренние условия, диктуемые природой данных феноменов и проявляемые ими в процессе саморазрушения символа.

Прежде всего, обратимся к «образу», но не в интерпретации «художественного образа» в различных сферах искусства, а соотносительно с самим его естеством, с осуществлением процесса становления образа в его непосредственности. Речь пойдет о *диалектическом образе*³, о формообразовании, трансформации, являющихся следствием непрерывных *деформаций*. Если образ рассматривать в *вертикальном* и *горизонтальном* отношениях, то вертикалью будет его диалектичность, а горизонталью – историчность. Согласно мнению В. Бенямина, определение диалектического образа должно учитывать смысл переплетения произведенной формы и постигнутой, т.е. «прочтенной», переработанной в письме. При этом смысл формы, выявленной в письме, являет-



ся *фигуративным* и представляется носителем и производителем истории⁴. Следовательно, деформирующее начало образа заложено в нем изначально и не может являться отправной точкой в определении оснований музыкального искусства.

Следует далее отметить, что образ в своей диалектичности неоднозначен, поскольку диктует смысл символа, сквозь образ смысл становится прозрачным, поэтому с самого начала необходимо конкретизировать те условия, при которых возникает потребность говорить о «смысле». Следует признать, что это происходит в момент осуществления эквивокального акта, в результате которого совершается «накидывание» определенного содержания на тот или иной музыкальный материал, т.е. «музыкальный смысл», четко отделяясь от самой музыкальной ткани (когда мы говорим о смысле определенного музыкального произведения, то невозможно не заметить всегда присутствующий зазор между музыкальным материалом и смыслом, причем последний может быть любым), как бы дополнительно накладывается на музыкальное звучание. Следовательно, «музыкальным смыслом» можно назвать определенный образ или содержание, возникающее в результате осуществления эквивокального акта способностью воображения; напротив, часто встречающееся выражение «музыкальная мысль» необходимо интерпретировать как последовательное (связное) интонирование. Согласно Б. Асафьеву, интонация является носителем музыкального содержания, которое, вероятно, имеет некое иное наполнение, чем «содержание» в обычном представлении, и в этом музыковед видел специфическое отличие музыки от речи, где главная смысловая нагрузка лежит на слове, а интонация играет лишь вспомогательную роль.

Необходимо особо подчеркнуть, что для познания, которое осуществляется, скорее, при помощи языка, нежели музыкальной материи, нужно иметь, прежде всего, понятие, посредством которого вообще может мыслиться предмет, а также созерцание, через которое предмет дается. В противном случае,

понятие без сопутствующего ему созерцания предмета было бы мыслью по форме, но осуществлялось бы без продуцирования знания, что невозможно. Соответственно, понятие «музыкальная мысль» есть метафора, поскольку она, во-первых, не имеет интенции на предметы действительности; во-вторых, в связи с отсутствием данной интенции, она не поглощается предметом и, являясь неограниченной, «показывается» в способе своей данности как таковая; в-третьих, лишена значения, поскольку смысл данной формы мысли, если о таковом вообще возможно говорить, не требует определения истинности при переходе в свое значение, упоминание о котором приводит данное положение дел к абсурду. Таким образом, мысль, которая с необходимостью несет определенный смысл в рамках языка, имеет априорную способность к переходу от смысла к значению. В этом раскрывается принципиальная оппозиция музыки и языка, поскольку любое суждение с необходимостью содержит переход от уровня мыслей к уровню значений, при этом наличие мысли представляется недостаточным потому, что нас, прежде всего, интересует ее *истинностное* значение⁵. Отсюда вполне очевидным является сам факт отсутствия значения в музыке, так как музыкальное произведение, безусловно, не может быть истинным или ложным.

Известно, что процесс смыслообразования подчинен определенным правилам, которые не ограничивают, а образуют смысл, поскольку он не может появиться при полной свободе или при полном ее отсутствии, в связи с чем режим смысла – это режим контролируемой свободы⁶. Данное представление созвучно мнению Ю. Кристевой, которая акцентирует произвольный характер⁷ символической природы, в частности, отмечая, что различие, приводимое в широко известной классификации знаков Ч. Пирса между *иконой*, *индексом* и *символом*, основано, прежде всего, на типе отношений между знаком и объектом, символу же дается следующее определение: «[символ] отсылает к объекту, который он обозначает в соответствии с *законом*, обычно посредством соединения



некоторых общих идей»⁸. Напротив, в музыке если и возникает «музыкальный образ», то он всегда уже *после* звучания музыки, что объясняется обычным функционированием способности воображения в отношении к восприятию музыкального материала. При этом некорректно то, что возникает после звучания, определять в качестве основания музыкального пространства, поскольку данный образ мог бы и не возникнуть или возникнуть в ином качестве, т.е. конкретика образа не обладает предикатом всеобщности и необходимости. В связи с этим один из современных западных музыковедов Х. Эггебрехт отмечает: «музыкальный смысл можно реально описать лишь музыкальным способом»⁹. Исходя из этого следует, что приписывание музыке не-музыкальных, а в данном случае – языковых характеристик некорректно, поскольку такой подход уничтожает всякую возможность исходить из природы самого музыкального феномена. Это приводит к поверхностному и упрощенному взгляду, спецификой которого является, с одной стороны, интенция вовне, «опредмечивание» мысли, которое рождает вполне конкретное и определенное содержание, отсутствующее в музыке, поскольку она не отсылает к предметам реального мира и не познает их. С другой стороны, осуществляется, если так можно сказать, полное обесточивание деятельности познавательной способности, или, вернее, происходит ущемление возможности этой способности разворачиваться в нужной для нее плоскости, и, в данном случае, этой плоскостью является именно музыкальное искусство, а не языковое пространство с его смыслами, символами, знаками.

Отнюдь неслучайно суть вышеизложенных рассуждений совпадает с представлением И. Канта о «символическом», а вместе с ним и об *изобразительности*, которая непосредственно связана с символом и тем самым является еще одним условием разрушения символической характеристики музыки, поскольку музыкальное искусство не может ничего изображать или отображать, а если последнее и случается, то всему причиной стремление «перевести», понять, объяснить

музыкальное произведение путем выявления вполне конкретных смыслов, которые в результате своего производства всегда разные¹⁰. Однако И. Кант идет дальше: он рассматривает уже не отношение означающего и означаемого, в результате чего возникает символ, а характеризует саму способность *представления*, которая вырабатывает данный феномен «символичности». Так, в частности, рассматривается интуитивный способ представления, который может быть разделен на *схематический* и *символический*. Они оба являются *гипотипозами*, т.е. изображениями (exhibitions), а не просто характеристиками или обозначениями понятий посредством сопутствующих чувственных знаков. Последние не содержат ничего, что принадлежало бы к созерцанию объекта, поэтому служат исключительно средством репродуцирования по присущему воображению закону ассоциации и тем самым принадлежат к субъективному намерению. Таковыми являются слова либо зримые (алгебраические, даже мимические) знаки в качестве выражений для понятий¹¹.

Вместе с тем существует иная точка зрения, согласно которой «...в отличие от обычных знаков символ содержит в себе возможность дальнейшего развертывания (развития) свернутого в нем смыслового содержания»¹². Из сказанного следует, что именно наличие акцентированной содержательной стороны, или означаемого, отличает символ от знака, что совпадает с мнением Р. Барта, который писал: «...знаковая система основывается не на отношениях означающего и означаемого (такое отношение может быть основой символа, но не обязательно знака), а на отношениях между означающими; *глубина* знака ничуть не придает ему определенности; важно, какое место он занимает, какую роль играет по отношению к другим знакам, каким образом он систематически походит на них и отличается от них; любой знак существует благодаря своему окружению, а не благодаря своим корням»¹³. Без сомнения, данная констатация выявляет еще одну причину, согласно которой становится



возможным говорить о разрушении символической природы музыки, а именно – об историческом разрушении.

Существует мнение, что позднее Средневековье (XII–XV вв.) – это переходный период в истории европейской культуры, поскольку на смену символическому мышлению приходит знаковое, а до XII в. символическая модель, характерная для общественной жизни Европы, находит яркое проявление в литературе и живописи. Следует подчеркнуть, что семиотическая практика до XII в. космогонична, поскольку ее элементы (символы) отсылают к одной или нескольким универсальным, трансцендентным сущностям, не репрезентируемым и не познаваемым. Таким образом, трансцендентные сущности связаны однозначными отношениями с намекающими на них единицами, и символ не «похож» на символизируемый им предмет, к тому же два пространства (символизируемое – символизирующее) отделены друг от друга и не сообщаются между собой. Вместе с тем одной из особенностей символической семиотической практики является то, что «ключ» символического дискурса дается уже в самом начале, тем самым траектория семиотического развертывания предстает в виде кольца, где конец одновременно есть начало. Следовательно, функция символа предшествует самому символическому высказыванию, а отсюда проистекают общие особенности символической семиотической практики – количественное ограничение символов, их повторение и обобщенный характер. Начиная с XII по XV в. понятие символа, постепенно размываясь, однако, полностью не исчезает, но поддается трансформации, создающей условия для его перехода в знак. С этого момента подвергается сомнению трансцендентная сущность, лежащая в основе символа и, якобы, являющаяся его потусторонней опорой. Соответственно, символ уступает место напряженной амбивалентности знаковой связи, которая стремится достичь схождения и отождествления соединяемых ею элементов, возникает диалог между двумя несводимыми друг к другу, но сходными элементами.

Таким образом, тип мышления, характерный для перехода от символа к знаку, характеризуется, прежде всего, способностью означивающей единицы сочленяться не только с самой собой, т.е. повторяться, но и с другими, часто противопоставленными ей, что приводит к замене моновалентной структуры (символической) гетеровалентной, разорванной, двойственной. Рассмотренный в отношении семантического уровня данный переход знаменуется заменой дискурса, проповедующего доброту, нежность, любовь, который преобладал в XIII в., иным дискурсом, подчеркивающим страдание, боль, смерть.

Наконец, решающим этапом при переходе от символа к знаку в средневековом дискурсе является *номинализм*, который, выступая против символического мышления, представленного как в реализме, – речь идет об учении платоновского толка, в котором универсалии, или абстрактные единицы, рассматриваются как существующие независимо от интеллекта, – так и в концептуализме, в котором они признаются существующими, но производными от разума, прежде всего, отрицает реальное существование универсалий, вследствие чего система символов лишается былого равновесия, поскольку единичное не может быть универсальным. Упор делается на единичности каждой вещи и она рассматривается как автономная по отношению к ее трансцендентному фону, так как представляется невозможным, что при одном понимании одна и та же вещь может быть единичной и одновременно, но при другом понимании, универсальной, ибо вещь как единичная сама по себе никаким образом не может быть универсальной ни при каком понимании. Следовательно, любая реальность единична, а универсальное существует лишь в понятии.

В итоге, констатируя различие между «понятием» и «термином» и сделав акцент на втором, номинализм открыл дорогу такому типу мышления, которое оперирует «терминами» (именами) как знаками, а не символами. Таким образом, знаки, означивающие сами по себе, т.е. без опоры на репрезентируемую ими идею или на свойства смысла или



атрибуты, которыми они могли бы обладать независимо от повествовательной комбинаторики, куда они входят, обладают специфическим свойством, олицетворяющим переход от символа к знаку¹⁵.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что определением основных причин разрушения символической интерпретации природы музыки являются отчасти причины внешние, касающиеся исключительно процесса развития самой символической формы, однако при этом продолжающаяся элиминация музыки языковым пространством требует иного, метасимволического прочтения, поскольку в процессе созревания символическая форма, во-первых, приходит к своему историческому разрушению, т.е. возникает естественный переход от символического способа мышления к знаковому; во-вторых, непосредственная соотнесенность символа с «предметностью» или с его содержательной наполненностью, а также неперенное присутствие означающего и означаемого способствуют определению конкретности образа, что является чуждым самой музыкальной природе; в-третьих, диалектичность образа и лежащая в его основе деконструкция символа, казалось бы, содействуют и отвечают музыкальной специфике, однако по своей структуре образ всегда имеет привязку к слову или предмету, некую соотнесенность с чем-то вне его существующим или не существующим¹⁵, что сразу его «опредмечивает» и тем самым противопоставляет музыке. В-четвертых, исходя из третьей посылки, следует особо отметить ассоциативную природу символа, его гипотипозичность (изображение *subjection sub aspectum* – наглядное изображение). Таким образом, музыкальное искусство, лишаясь возможности обладать «символическостью», тем самым освобождается от «языковой призмы», сквозь которую оно вынуждено влачить «не-свое» существование, поскольку как только мы провозглашаем музыку языком, она теряет

свою природу, свое Я. При этом в результате такого «очищения» появляется надежда на возможность иного подхода к музыке с неперенным учетом ее индивидуальной природы, специфики и особенностей, что, без сомнения, накладывает на искусствоведов и культурологов дополнительные обязательства, а последние требуют усилий, не для того, чтобы идти по проторенной, однажды выбранной дороге, а чтобы попытаться критически отнестись к своим достижениям и постараться по-новому взглянуть на музыкальное искусство.

Примечания

- ¹ Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. М., 1994. С.110.
- ² Кант И. Указ. соч. С.110.
- ³ См.: Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Ж. Диди-Юберман. СПб., 2001. С.148.
- ⁴ См.: Benjamin W. Paris, capital du XIX siècle. Le livre des Passages / W. Benjamin; ed. R. Tiedemann. P., 1989. P.479–480.
- ⁵ См.: Фреге Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избр. работы. М., 1997. С.25–49.
- ⁶ См.: Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. М., 2003. С.197.
- ⁷ См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. М., 2006. С.79.
- ⁸ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. М., 2004. С.413.
- ⁹ Цит. по: Чердниченко Т.В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики / Т.В. Чердниченко // К анализу методологических парадоксов науки о музыке. М., 1989. С.55.
- ¹⁰ См.: Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен / Ж. Деррида. СПб., 2002.
- ¹¹ См.: Кант И. Критика способности суждения / И. Кант. М., 1994. С.194–195.
- ¹² См.: Щербинин М.Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии) / М.Н. Щербинин. Тюмень, 2005. С.21.
- ¹³ См.: Барт Р. Система моды... С.61.
- ¹⁴ См.: Кристева Ю. Указ. соч. С.413–420.
- ¹⁵ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. М., 1989. С.297.

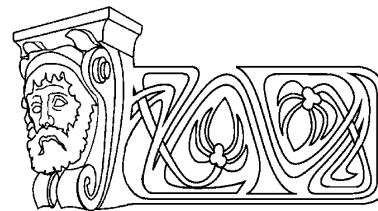


УДК 165.731.3

КИТАЙСКАЯ КОМНАТА ДЖ. Р. СЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С.Ю. Нечаев

Саратовский государственный университет
E-mail: donotdespair@yandex.ru



Статья посвящена ключевому моменту в философии искусственного интеллекта – постановке проблемы соотношения синтаксиса и семантики. Анализируется мысленный эксперимент Дж. Р. Серля – Китайская комната, который опровергает всякую возможность создания сильного искусственного интеллекта. Прослеживается история этого вопроса, начиная с теста Тьюринга и заканчивая его интерпретацией С. Харнадом. Высказываются идеи по устранению аргумента Дж. Р. Серля.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, тест Тьюринга, сильный искусственный интеллект, Дж. Р. Серль, Китайская комната, квалиа, абдукция.

J.R. Searle's Chinese Room in the Problem Context of the Philosophy of AI

S.Y. Nechaev

This article is related to the key moment of philosophy of AI by statement of a correlation problem between syntax and semantics. Author analyzes J.R. Searle's mental experiment called Chinese Room, which denies any opportunity of the "strong AI" creation. The history of this question is retraced, since Turing test till its S. Harnad interpretation. The author suggests express ideas on elimination of J.R. Searle's argument.

Key words: philosophy of AI, Turing test, strong AI, J.R. Searle, Chinese Room, qualia, abduction.

В середине XVIII в. французский философ-материалист Ж.О. де Ламетри анонимно опубликовал свое главное сочинение «Человек-машина», принесшее ему широкую известность и впервые в философии затронувшее проблему соотношения человека и безжизненного аппарата, где человек рассматривался как набор пружин и представлял собой нечто подобное часовому механизму. Наивные взгляды де Ламетри не подтвердило дальнейшее развитие науки, однако он сумел поставить новый вопрос гносеологии, область которой вслед за Р. Декартом именуют дуализмом в философии. Придерживаясь крайнего дуализма, де Ламетри утверждал полное отличие разума и тела и абсолютное подобие механической природы человека всему остальному миру, что сыграло большую роль в становлении общего механицизма.

Спустя два столетия философия вернулась к этой идее, но совершенно с противоположной стороны, а именно – может ли машина в каком-то смысле являться подобием человека, и может ли человек искусственно не только воссоздать тело, но и наделить его разумом. История этого вопроса начинается в середине XX в. с публикации ставшей уже классической статьи английского математика А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум», в которой на основе высказанного ранее совместно с американским математиком и логиком А. Черчем тезиса о вычислимости некоторой функции предлагался тест для определения интеллектуальности вещи. Такой *тест Тьюринга* должна пройти гипотетическая *машина Тьюринга*, в ходе которого, опираясь на результаты системы вопросов-ответов (или входов-выходов), при невозможности отличия собеседников – человека от компьютера, мы вынуждены будем признать наличие искусственного интеллекта (ИИ) у испытуемой машины.

Критерий Тьюринга выглядит намного обоснованнее с точки зрения точной науки, по сравнению с утверждениями материалистов Нового времени. Декарт определял дуализм познания в качестве простой интроспекции, тогда как Тьюринг развил бихевиористский подход вслед за философскими концепциями второй половины XIX в. На протяжении почти тридцати лет предложенный Тьюрингом эксперимент не вызывал никаких сомнений, более того, он был подкреплён гипотезой американских ученых А. Ньюэлла и Г. Саймона о правомерности существования компьютера, оперирующего физически символическими системами. Впоследствии он будет назван *сильным искусственным интеллектом* (strong AI). Создавались первые



прототипы «машин Тьюринга», а писатели-фантасты обрели новую пищу для расцветающего литературного жанра киберпанка.

В 1980 году американский философ Дж. Р. Серль публикует небольшую статью «Сознание, мозг и программы», в которой при помощи созданного им мысленного эксперимента доказывает абсолютную невозможность создания сильного искусственного интеллекта, подобного человеческому мозгу¹. Эксперимент получил название *Китайской комнаты* и вызвал бурную полемику среди ученых разных стран.

В такую комнату Серль поместил человека *A*, абсолютно ничего не понимающего в китайских символах, но знающего английский язык. В его распоряжении находятся три корзины с «данными»: в первой текст (рукопись) на китайском языке; в следующей – китайские символы и правила на английском, позволяющие сопоставить первую корзину со второй (рассказ); в последней – еще один набор правил на английском для сопоставления первых двух корзин с третьей (вопросы). Собеседник *B*, находящийся вне комнаты и свободно разговаривающий по-китайски, посылает вопросы, на которые получает соответствующие ответы из комнаты. Путем простого оперирования символами трех корзин *A* сможет выдать логически верные ответы на вопросы *B* относительно одного из рассказов. Таким образом, *A* пройдет тест на знание языка, легко убедив в этом своего собеседника, хотя и не понимает ни одного знака в наборе китайских иероглифов.

Представим теперь цифровой компьютер *C*, который на основе своих программ моделирует работу *A*. Точно таким же образом он сможет пройти тест, оперируя системой символов, но не понимая их значения. Аргумент Серля, как видим, направлен против теста Тьюринга и исключает любую возможность создания сильного искусственного интеллекта. Достоинств слабого искусственного интеллекта (weak AI), которые заключаются в простом моделировании человеческой деятельности, оказывается, не хватает для сопоставления ментальности биологического мозга с работой компьютерного про-

цессора. Бихевиористский критерий Тьюринга будет недостаточным, и Серль выдвигает как минимум два тезиса против сильного искусственного интеллекта: 1) синтаксис не определяет семантическое содержание символов, точно так же, как компьютер обращается с данными, не придавая им никакого значения; 2) человеческий разум контролируется мозговой деятельностью, и это биологический процесс, тогда как аппаратное обеспечение (hardware) не соотносится таким же образом с программным обеспечением (software) компьютера.

Статья Серля завершалась вопросами из Йельского и Массачусетского университетов, университета Беркли и других, на которые были получены шесть последовательных ответов². Первый вопрос предполагал, что если человек в комнате не знает языка, то сама комната как система знает китайский язык. Ответ Серля (ответ от систем) показывает, что сама система комнаты ничем не отличается от человека в ней. Мы можем представить, что человек выучит наизусть все символичные данные, предоставленные ему, но он также не будет обладать знанием этих данных, так как овладеет синтаксисом, а не семантикой. Следующий вопрос предполагал наличие компьютера внутри робота, руководящего его движениями изнутри. Серль продолжает утверждать (ответ от робота), что повторение простых моторных функций не соответствует каузальной деятельности человеческого мозга и не может быть расценено как интеллектуальная активность. Мы можем поместить человека в робота, подобно человеку в комнате, и он будет руководить роботом, совершенно не осознавая его общей деятельности, а лишь обрабатывая конкретные входные области данных в выходные данные. Третий основной вопрос заключался в полном моделировании компьютером работы головного мозга человека. Ответ Серля вполне прост: биологический мозг – самый сложный орган в природе, его структура и принципы действия до сих пор до конца не изучены, поэтому идея в точности повторить процессы взаимодействия нейронов и синапсов мозга оказывается еще более абсурдной, чем создание самой интеллектуальной вещи.



Кроме того, этот вопрос странен в том смысле, что сторонники сильного искусственного интеллекта изначально пытались понять, как работает сознание (насколько это возможно), и оно не было связано непосредственно с биохимическими процессами головного мозга.

Как видим, аргумент Серля о Китайской комнате выглядит более чем убедительно и выдерживает всю направленную на него критику. Позиция философа подкрепляется современной аналитической философией сознания, в частности, такой ее важной категорией, как *квалиа*. Вслед за идеями, высказанными в книге американского исследователя Х. Дрейфуса «Чего не могут вычислительные машины» (1972), Серль уделяет много внимания биологическому аспекту человека³. Он утверждает, что машины не обладают интенциональностью в смысле аналитической и лингвистической философских традиций, то есть их «сознание» не обусловлено субъективной компонентой. Такой компонентой выступает «квалиа» в качестве свойств чувственного опыта. Другими словами, компьютеры не способны к простому проявлению чувств, которые во многом формируют человеческое сознание. Однако робот-андроид ASIMO, представленный в 2005 г. корпорацией «Хонда», уже способен к распознаванию движущихся объектов, различает звуки и узнает до десяти человеческих лиц, умеет пользоваться Интернетом и локальными сетями.

Утверждение Серля о квалиа сознания отрицается американским философом Полом Черчлендом, который в соавторстве с Патрицией Черчленд в 1990 г. продолжил полемику с Серлем⁴. Черчленды предположили, что нервная система человека может соответствовать архитектуре сети параллельных машин, в ответ на утверждение Серля о том, что импульсы в организме распространяются в миллионы раз быстрее моделируемых импульсов какого-либо робота. Такая сеть, по их мнению, не только сможет ускорить процессы передачи данных, но и позволит обрабатывать их одновременно разными путями, что и происходит в отношении нейронных синапсов головного мозга. Это избавит сис-

тему от большего, по сравнению с ошибками локального компьютера, числа ошибок и поможет в создании кратковременной памяти машины, которая станет формировать собственное «квалиа» компьютера⁵.

Знаменитый польский писатель и философ С. Лем в своей статье по поводу комнаты Серля попытался раскрыть ее «тайну», представив несколько измененные варианты этого мысленного эксперимента⁶. Что если запрограммированный компьютер и человек собирают головоломку (*puzzle*) из кусочков различной формы, подходящих друг к другу только в единственно верном случае: будут ли их ментальные действия схожи между собой? Результатом решения такой загадки может быть картина какого-нибудь художника или обычное слово на обороте собранного «паззла», но ни человек, ни компьютер не знают заранее о нем, пока не соберут все части головоломки. Вдвоем они совершают одни и те же логические операции, что приводит к одинаковому интеллектуальному выводу. Лем сомневается и в значимости «китайского языка» в эксперименте Серля. Если представить, что человек в комнате оперирует символами языка, близкого его «родному», то станет очевидно, что вопросы во многом детерминируют ответы. Поэтому, допустим, из трех вариантов ответов всегда можно выделить один наиболее интеллектуально интересный, и он всегда будет самым абстрактным. Следовательно, мы не можем исходить из простого «ответа» на вопрос, когда нужно установить и сам уровень этого ответа. И, наконец, Лем предлагает радикальный вариант эксперимента, а именно – закрыть самого Серля в «китайской комнате», пройдет ли он собственный тест и каковы будут его результаты?

Неужели мы опять вернулись к тому, с чего начали? Поистине «игры разума» творят чудеса и слишком часто заводят в тупик. На данный момент ни одна из известных машин не приблизилась к прохождению теста Тьюринга, и по оценкам специалистов это произойдет не раньше 2020 г. Мало того, как мы видим, тест Тьюринга (*weak AI*) недостаточен для определения интеллектуальности вещи, и более того, эксперимент Серля



(strong AI) также в этом отношении неоднозначен. Эта проблема философии искусственного интеллекта находит свое продолжение в виде *полного теста Тьюринга*, который в 1990 г. предложил канадский философ венгерского происхождения С. Харнад⁷. В свое время именно в журнале, основанном им в 1978 г., была напечатана знаменитая статья Дж. Серля.

Харнад следует идеям, которые высказали американские ученые Ю. Черниак и Д. МакДермотт в своей книге «Введение в искусственный интеллект» (1985), предложив «робототехнический» критерий для определения интеллектуальности машины. Полный тест Тьюринга предполагает не только символическое моделирование, но и физическую имитацию человека – обладание, прежде всего, зрением, способностью реагировать на звуки и другими органами чувств, которые будут определять моторные способности и сознательные действия такой механической «копии» человеческого организма. Видимо, полнота интеллектуальных тестов этим не исчерпывается, и в дальнейшем они будут только усложняться. В итоге это приведет философию искусственного интеллекта все к тому же критерию интроспекции Декарта и к последнему экзамену для машины в качестве знаменитого утверждения *cogito ergo sum*. И, кто знает, возможно, биологические андройды не только приобретут квалиа сознания, но и станут экзистенциально переживать свое существование, испытывая, к примеру, страх смерти, подобно главным героям знаменитого фильма Р. Скотта «Бегущий по лезвию».

Помимо определения интеллектуальности вещи, но не ее создателем, а самой этой вещью, необходимо учитывать и аспект самообучения машины. Теоретически предполагается, что робот может стать более совершенным объектом, чем сам человек, в том числе, и интеллектуально, так же, как и цифровой компьютер опережает в скорости вычислений работу головного мозга. С этической точки зрения это несет огромную угрозу человеческому существованию в принципе и, несомненно, нарушит знаменитые «три закона робототехники» Айзека Азимова.

Статья Серля о Китайской комнате не только поставила новые вопросы философии искусственного интеллекта, но и в некотором плане притормозила развитие этой области аналитической философии сознания. Позиции ученых разделились, по крайней мере, в виде двух направлений: 1) философы продолжили изучать отношения синтаксиса и семантики, сознания и критериев интеллектуальности; 2) инженеры забросили «тесты Тьюринга» и принялись за создание роботов, имитирующих основные функции человеческого организма.

Однако существенным является последний вопрос, направленный на защиту сильного искусственного интеллекта. Представим компьютер, обрабатывающий данные вычислительного или символического характера, в какой степени результаты его работы мы сможем утвердить интеллектуально значимыми? Это будут те результаты, которые приводят к новому знанию. Вероятно, такую способность невозможно полностью отрицать: машина на основе своих вычислений абдуктивно может производить гипотезы, которые будут приниматься на пробу. Логика научного открытия во многом исходит из гипотетических предположений, и хотя компьютер не будет осознавать собственных процессов, результат его деятельности можно расценивать как интеллектуальный. Примером может служить программируемая игра в шахматы.

Абдуктивное мышление как научный метод, разработанное американским философом Ч. С. Пирсом, качественно дополняет дедуктивно-индуктивное познание, учитывая творческий элемент, и является, пожалуй, единственным общим критерием ментальности человека и компьютера. В остальном цель аналитической философии сознания, и философии искусственного интеллекта в частности, заключается в создании определенной деятельности машины, которая будет иметь уникальные разумные характеристики, отличные от человеческих мыслительных процессов. Произойдет это или нет, покажет будущее.



Примечания

¹ См.: Серль Дж.Р. Сознание, мозг и программы / Дж.Р. Серль // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М., 1998.

² См.: Harnad S. Searle's Chinese Room Argument / S. Harnad // Encyclopedia of Philosophy. Macmillan Reference. 2006. Vol.2. P.239–242.

³ См.: Серль Дж.Р. Разум мозга – компьютерная программа? / Дж.Р. Серль // В мире науки. 1990. №3. С.7–13.

⁴ См.: Черчленд П.М., Черчленд П.С. Может ли машина мыслить? / П.М. Черчленд, П.С. Черчленд // Там же. С.14.

⁵ См.: Kentridge R.W. Computation, Chaos and Non-Deterministic Symbolic Computation: The Chinese Room Problem Solved? / R.W. Kentridge // Grounding Symbols in the Analog World with Neural Nets. Think 2: special issue on «Connectionism versus Symbolism» / Eds. D.M.W. Powers, P.A. Flach. 1993. P.44–47.

⁶ См.: Лем С. Тайна китайской комнаты / С. Лем // Молох. М., 2005. С.246–255.

⁷ См.: Harnad S. What's Wrong and Right About Searle's Chinese Room Argument? / S. Harnad // Essays on Searle's Chinese Room Argument / Eds. J. Preston, M. Bishop. Oxford, 2001.

УДК 378:1

ВОСПРОИЗВОДСТВО ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

М.С. Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: Mihrutkanik@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена потребительства как социально-культурной практики. Показано, что потребительство обладает свойством самовоспроизведения (ауторепликации). Потребительская этика направлена на гомогенизацию социально-культурных практик современного человека, что приводит к кризису идентичности, существенной трансформации его субъектности.

Ключевые слова: общество потребления, потребительство, социально-культурные практики, референтная группа, репликация, субъектность.

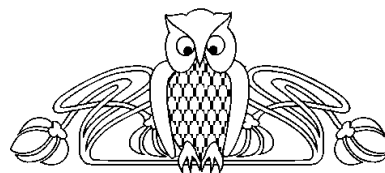
Replication of Consumer Socio-Cultural Practices in the Contemporary Society

M.S. Nikolaev

The article is devoted to the research of consumerism as socio-cultural practice. It is shown that consumerism has a feature of auto-replication. Consumer ethic tends to homogenise socio-cultural practices of contemporary men, which leads to the identity crisis and sufficient change of their subjectivity.

Key words: consumer society, consumerism, socio-cultural practices, reference group, replication, subjectivity.

Французский социолог и философ Ж. Липовецки в работе «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» отмечает, что в современном (постмодерном) обществе происходят глубинные изменения в стиле жизни, в основаниях самой культуры. Появляется новый способ социализации и индивидуализации, характерный для общества массового потребления. Как результат, фор-



мируется особый тип человека с гипертрофированным вниманием к самому себе, собственной телесности, бесконечно стремящийся к получению удовольствий. Этого человека исследователь именует нарциссом. «Постмодернистская культура – это культура feeling и индивидуальной раскрепощенности, вне зависимости от возраста и пола»¹.

Сам термин «общество потребления» впервые вводится Ж. Бодрийяром в 1968 г., который рассматривает потребление как часть нового формирующегося общества. В эпоху постмодерна все социальные отношения становятся отношениями потребления, иными словами потребление подчиняет себе все другие отношения. «Общество потребления – это не просто общество изобилия, где вдоволь всяких вещей. Это общество, в котором потребление сделалось главным содержанием общественной жизни, оттеснив на второй план производство и накопление». Таким образом, по мнению Бодрийяра, потребление не сводится к удовлетворению потребностей, а выражает отношение человека к вещам, идеям, другим людям, к миру в целом².

Выступая против единых, всеобщих оснований этики, отстаивая многообразие жиз-



ни, постмодернизм как тип мировоззрения проповедует раскрепощение личности, подвергает анафеме аскетизм и пуританизм, реабилитирует гедонистические потребности человеческой плоти. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, провозглашая фундаментальными ценностями индивидуальное развитие, субъективное своеобразие, уникальность личности, этика постмодернизма (потребительская по своему существу) работает на «выравнивание» социокультурных практик, усиливает их однородность. Под социокультурными практиками будем понимать такую творческую, созидательную деятельность, при которой преобразование общественных и духовных условий человеческого бытия сопровождается изменением самих субъектов.

На рубеже XX–XXI вв. особую роль приобретает безличная, неперсонифицированная форма власти, формирующаяся под влиянием экономических, политических, культурных, информационных процессов – власть потребления. Она есть результат экономической эволюции общества, которое, достигнув стадии развитой рыночной экономики, сталкивается с проблемой сбыта произведенных товаров. Как следствие, одной из основных проблем становится поиск новых рынков сбыта. Однако объективно количество рынков ограничено, и в этой ситуации единственным выходом становится формирование у потребителя все новых и новых потребностей. С этой целью используется целая совокупность средств: психологических, культурных, которые всячески провоцируют людей почувствовать необходимость в приобретении тех или иных вещей. Подобная деятельность направлена на качественную трансформацию потребителей, которые служат средой, обеспечивающей необходимые условия для процветания потребления. Однако это уже не просто потребление как материальная практика, а его иная форма – потребительство.

В современном бессловном обществе во многом под влиянием культуры постмодерна потребление перерастает из материальной практики в социокультурную, доминируя над другими аспектами жизнедеятельности человека и сферами общества. И в

этом случае оно становится определенной смысло-жизненной стратегией личности, габитусом, определяющим мировоззренческие приоритеты. Потребляемые товары и услуги репрезентируются как символы социального статуса, они становятся эквивалентами успешности и удовлетворенности жизнью. Потребительство становится условием социальной мобильности, той «заветной дверью», которая дает возможность проникнуть в элитные слои общества.

Социально-культурные практики современного человека начинают все в большей степени реализовываться через потребительскую культуру, т.е. становятся практиками потребления (сиюминутных радостей и удовольствий). В результате, они становятся однообразными (гомогенными), отличающимися поверхностным, гедонистическим отношением к действительности и, как следствие, бессубъектностью. При этом потребительство может быть репрезентировано как в явных, открытых формах, так и в латентных. Явные формы характерны для людей обеспеченных, которые могут многое себе позволить и манифестируют это. Латентные формы, соответственно, присущи людям малообеспеченным и бедным и выражаются в мечтах о богатстве, зависти к тем, кто много имеет, и стремлении им подражать. Отечественный исследователь А. Панарин в этой связи отмечает, что современное «бессловное общество характеризуется определенным единством социокультурных стандартов – общим полем притязаний, которые, однако, для одних групп оказываются реалистическими, адекватными, а для других – менее достижимыми, но от этого не перестающими быть захватывающими»³.

Главное, что характеризует потребителя по сути – это неизбывная жажда потребления, обладания, которую невозможно утолить. Она неизбежно ведет к формированию чувства неудовлетворенности от пребывания в социальной группе, к которой принадлежит индивид (в терминологии Р. Мертона – группа взаимодействия). Нормы и ценности непосредственного социального окружения перестают быть для него авторитетными и привлекательными. Как следствие социально



желаемой становится группа, которая в социальной психологии и социологии называется эталонной или референтной. Её члены являются «авторами» определенных социально-культурных практик, их уместно называть субъектами процесса репликации (от лат. *replisare* – отражать) или ауторепликации – создания себе подобной структуры. Репликатор – «самовоспроизводящаяся единица информации, объект, побуждающий определенные среды к своему копированию», т.е. функция репликатора – создавать свои копии, конкурируя с другими репликаторами в борьбе за материальный ресурс репликаций⁴. Репликатор транслирует программу поведения и действует по принципу «делай как я». В этой связи полезно обратиться к понятию *мимесис* (подобие, воспроизведение, подражание), которое использует А. Тойнби, и основанием которого выступает репликация. Мимесис рассматривается им как средство и источник «механизации» человеческой природы: средство – потому, что вырабатывает у людей навыки подражания и подчинения и представляется видом социальной тренировки; источник – так как способность к подражанию заложена в природе человека. Недостаток подражания в том, что, подражая, человек заимствует способ действия, не предполагающий собственной инициативы. «Таким образом, действие, рожденное мимесисом, ненадежно, ибо оно не самоопределено»⁵. При этом люди, для которых референтная группа является социальным образцом, всего лишь объекты этого процесса, они служат средой, обеспечивающей необходимые условия для копирования потребительских социально-культурных практик. В этом плане их можно рассматривать в качестве ресурса самовоспроизводства (репликации).

Открытие феномена референтной группы принадлежит американскому социальному психологу Г. Хаймену. В современной науке это понятие распространяют на все объединения, которые выступают для индивида эталоном при оценке им собственного социального положения, действий и т.д. При этом в качестве референтной группы может выступать как группа, членом которой является индивид, так и группа, членом которой

он хотел бы быть. Отличительной чертой общества потребления служит знаковое поведение людей, которое делает процедуру репликации наглядной. Исходный тезис постмодернистской теории потребления Ж. Бодрийера заключается в том, что вещи приобретают характер знаков, образующих специфический дискурс. Потребление в целом рассматривается как символическая практика манипулирования знаками, посредством которой строй производства захватывает сознание людей и интегрирует их в себя в качестве одновременно сообщника и жертвы. Ж. Бодрийер обращает внимание на двойственность предмета: товар существует в поле экономических обменов, в условиях рынка, но одновременно потребление демонстрирует другую, неэкономическую логику поведения, логику различения. Особенно остро она проявляется в ситуации избыточного потребления, в качестве примера Бодрийер приводит аукцион, где важны не потребительские свойства картины, а ее престиж⁶.

Таким образом, предметы культуры потребления характеризуются не своим непосредственным назначением (в этом отношении они могут быть бесполезны), а знаковой функцией. Благодаря ей обладатель той или иной вещи может заявлять о своей принадлежности к определенному социальному слою. Гомогенизация социально-культурных практик под знаком потребительства, в основе которого лежат единые стандарты поведения, рождает все большее количество людей, чьи реальные возможности, опыт и социальное окружение находятся в состоянии антинормии с желаемым положением и с их притязаниями. «Возникает феномен массового социокультурного отчуждения от своей профессии, своей социальной группы, принадлежности к которым начинает восприниматься как неудача или даже как знак отверженности»⁷. Подобная тенденция на фоне нарастающего в современном обществе кризиса идентичности ведет к утрате субъектной целостности, ощущения причастности и преемственности. Гедонизм потребительской культуры вызывает духовно-нравственную редукцию субъектности, ведь субъект обнаруживается и проявляется в актах своей само-



самодетельности, а потребительские социально-культурные практики нельзя причислить к таковым. В современном обществе сформировался огромный ресурс репликации потребительства – ценностно пустой социально-культурной практики, превращающей человека-консьюмера в объект, заслоняющей от него подлинно человеческое бытие.

Примечания

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. СПб., 2001. С.40.

² Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. М., 1995. 172 с.

³ Панарин А.С. Агенты глобализма [Электронный ресурс] / А.С. Панарин // URL: <http://www.libereya.ru/biblus/panarin> (дата обращения: 14.05.2010).

⁴ Пойзнер Б.Н., Ситникова Д.Л. Воспроизводство неустойчивости в культуре / Б.Н. Пойзнер, Д.Л. Ситникова // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / Отв. ред. О.Н. Астафьева. М., 2003. С.479–489.

⁵ Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. М., 1990. 730 с.

⁶ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. М., 2003.

УДК 1:792 + 316.74:792

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

М.И. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: mih-orlov@mail.ru

Интеллектуальные элиты являются важным элементом общественной жизни, выполняющим целый ряд социальных функций: систематического внедрения инноваций, критики и селекции культурных достижений, сохранения традиции. Механизм воспроизводства интеллектуальной элиты осуществляется посредством системы высшего образования.

Ключевые слова: интеллектуальные элиты, элита и масса, инновация, циркуляция элит, рекрутирование элиты.

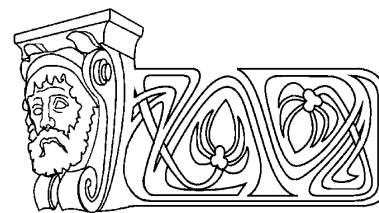
The Social Functions of Intellectual Elites

M.I. Orlov

Intellectual elites (intellectuals) are essential element of the social life making certain social functions: function of innovation; function of critics and selection of cultural resources; function of saving of tradition. The reproduction of the existing samples of behavior is an important mechanism of social development, the multiplication of those gives the pledge of the viability of the society. The mechanism of circulation of the intellectual elites is a reproduction through the system of post-graduated school.

Key words: intellectual elite, innovation, society of knowledge, the circulation of elites, the recruiting of elites.

Термин «элита» вошел в словарь социальной философии относительно недавно, хотя явления, зачастую обозначаемые с его помощью, встречаются в самых различных типах общественного устройства и, соответственно, в разных политических и теоретических дискурсах. Этимологически термин «элита» в его современном понимании соот-



носится с французским словом elite — «лучший, отборный, избранный», первоначально он использовался для обозначения купцами качества своего товара. Впоследствии для выделения элиты стали использовать самые различные критерии – от экономического благосостояния до политического могущества, хотя уже у Платона название высшего сословия – «аристократия» – дословно означает «власть лучших людей», причем в это понятие входит, в первую очередь, соответствие высокому уровню интеллектуального и морального развития. Представители классической парадигмы в трактовке термина «элита» обычно постулируют совмещение своего идеала с реальной действительностью (как, например, в «идеальном государстве» Платона). На уровне малых социальных групп этот подход, действительно, оказывается чуть ли не идеальным, поскольку позволяет совмещать в одной фигуре функции формального и неформального лидера. Но при переориентации исследовательской интенции на макроуровень возникают сложности с воплощением в жизнь данной установки, поскольку даже сам Платон отыскивал примеры людей с идеальными душевными чертами



среди представителей господствующих слоев населения. Иначе говоря, даже для древнегреческого мыслителя ведущим критерием выступала принадлежность к правящему слою, а душевные черты правителя оставались делом последующего объяснения¹. К тому же стабильность социальной системы – действительный идеал консерваторов – требует преемственности элиты, а для наиболее откровенных реакционеров это – переход элитных позиций от отцов к детям с минимальными возможностями доступа к ним «аутсайдеров»².

Элитаристы, напротив, выводят на передний план этический критерий и пытаются представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, что легко оборачивается открытой апологетикой элиты. Подобные суждения в настоящее время кажутся немного наивными, и совершенно обоснованной выглядит ответная реакция на них со стороны современных исследователей элит, которые обращают внимание на то, насколько высок среди представителей элиты процент людей, не отвечающих требованиям античной добродетели. Чтобы считать, что именно представители властвующей элиты являются наиболее достойными, высокоморальными членами общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление.

Родоначальники собственно элитологической теории Г. Моска и В. Парето в большей степени обратили внимание на социальные механизмы трансформации элиты в качестве субъекта управления общественными процессами. В. Парето приводит ту дефиницию термина «элита», которая на определенном этапе существования политической науки стала доминирующей: «элита – это лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности»³. В другой своей работе этот исследователь пишет, что люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния политического

и социального могущества, так называемые «высшие классы» и составляют элиту, поскольку «большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными – которые обеспечивают власть»⁴.

Другую точку зрения на элиты предложил Г. Моска. Согласно его определению, элита (или в его авторской терминологии «политический класс») – это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством. Превосходство организованного меньшинства рассматривалось Г. Моска как вечный и неизменный исторический закон, проявляющий себя на всех стадиях развития общества и во всех типах общественного устройства. Как предпосылку зарождения ценностного подхода к анализу элит можно оценить имеющееся у итальянского исследователя замечание по поводу того, что правящий класс отличается от неправящего не только степенью организованности/неорганизованности, но и вполне определенными качествами, сообщаемыми этому классу «материальное, интеллектуальное и моральное превосходство»⁵. Например, Моска считал воинскую доблесть именно тем качеством, которое позволяет в примитивных обществах индивиду войти в состав привилегированного класса.

Учёный, вдохновляемый идеями Н. Макиавелли, считал, что правящий класс одержим идеей любой ценой сохранить принадлежащий ему объем власти и передать эту власть по наследству. Вместе с тем всегда находятся носители «элитарных» качеств из низших слоев населения, стремящиеся отнять у ослабевшего правящего класса принадлежащую ему власть. Прерывание стабильного существования социальной системы вследствие международных контактов, войн, новых религиозных или идейных движений ведет к тому, что наиболее активные представители низшего класса получают реальный шанс пробиться на самые верхние ступени социальной лестницы. Этот приступ



вертикальной социальной мобильности (в терминологии П. Сорокина) приводит либо к кардинальной смене элиты, либо к ее существенному обновлению за счет представителей низших классов, которые привносят в правящий класс не только свой социальный субстрат, но и новые ценностные основания. Чередование в обществе относительно стабильных промежутков существования элит и периодов обновления за счет вливания в их ряды новых представителей со своими ценностями и идеями и является, по мнению Г. Моска, нормальной картиной социальной динамики.

Лишь в последнее время особое внимание в рамках социально-философских исследований начинает уделяться прослойке населения, не принадлежащей непосредственно к правящей верхушке, но интеллектуальный авторитет которой позволяет ей разрабатывать и внедрять в массовое сознание модели поведения и осмысления социальной действительности.

Социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс дают одно из наиболее современных обобщенных определений элиты: «Элиты по определению – люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита – те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролирует большую часть собственности и имеют наивысший престиж»⁶. По их мнению, эта социальная страта очень мала по объему, но чрезвычайно велика по сосредоточенным в их руках властным полномочиям.

Наиболее употребительным термином для обозначения данной социальной группы выступает «интеллектуальная элита», хотя многие представители социально-философской мысли предпочитают использовать другую терминологию – от «класса интеллектуалов» (Л. Альтюссер) до «эксперткратии»

(А.Ю. Ашкеров). Термин «интеллектуальная элита» выступает наиболее сбалансированным и концептуально корректным, поскольку другие определения выглядят идеологически нагруженными и оценочными, в то время как социальная философия должна стремиться к объективной оценке роли и функций определенной социальной группы, а интеллектуальная элита является той группой, влияние которой в ситуации информационного плюрализма не только не уменьшается, но и возрастает в арифметической прогрессии. Интеллектуальная элита – это социальная группа, представители которой, если воспользоваться терминологией Бурдьё, обладают интеллектуальным капиталом, т.е. в глазах остального общества они выступают наиболее компетентными в решении культурных, экономических или политических вопросов⁷.

В отличие от русской «интеллигенции», чей социальный статус определялся и определяется особенностями социальной структуры и ценностными приоритетами исключительно российского общества, интеллектуальная элита в западно-европейском социальном пространстве занимает вполне определенные позиции. Как правило, интеллектуал на Западе – это человек, профессионально занимающийся мыслительной деятельностью, которая с точки зрения рынка труда является основным видом его деятельности, а с точки зрения экономики – основным источником дохода. Б.В. Дубин выделяет три основные функции интеллектуальной элиты, которые следует рассмотреть более подробно:

- 1) систематическое стремление к инновационной деятельности;
- 2) критика и селекция социокультурных и социально-политических достижений общества;
- 3) хранение и ретрансляция ценностей и знаний, составляющих интеллектуальный ресурс общества⁸.

Инновационность мышления неслучайно находится на первом месте среди социальных характеристик интеллектуальной элиты, потому что именно нетрадиционность способов разрешения поставленных перед



обществом проблем закрепляет социальный статус элиты за счет недостижимости устанавливаемых ею интеллектуальных стандартов для основной массы населения. Инновация представляет собой способ поведения, подразумевающий поиск новых идей, продуцирование моделей действия, ценностей и политических программ, имеющих уникальный характер. В этом смысле социокультурное пространство благодаря усилиям интеллектуальной элиты неуклонно расширяется и приобретает все новые и все более объемные измерения, поскольку происходит отход от общепринятых стандартов поведения и мышления, увеличивается количество новых смыслов, не совпадающих с «интеллектуальным багажом» отдельных социальных групп или общества в целом.

Важным обстоятельством инновационности является ее личностный характер: все изменения в общепринятых моделях поведения «пропускаются» представителем элиты через собственную индивидуальность, являются продуктом авторской интерпретации той или иной проблемы. Разумеется, предлагаемое решение еще не наделяется свойствами общепринятого, но расширяет потенциальный набор вариантов, которыми обладает политическая элита при определении стратегии своего существования и развития. Данная функция, а именно – функция разработки инновационных подходов – позволяет ставить вопрос о взаимоотношении двух типов элит – интеллектуальной и политической. О.В. Гаман-Голутвина справедливо указывает, что использование термина «интеллектуальная элита» только в отношении политического процесса сужает его содержание, поскольку интеллектуалы начинают восприниматься исключительно как «поставщики идей», обслуживающие политическую верхушку общества⁹. В этом случае необходимым является различие между интеллектуальной элитой, которая только разрабатывает инновационные точки зрения, и теми социальными группами, совокупной функцией которых является внедрение одной из данных точек зрения в массовое сознание (р-менеджеры, специалисты по рекламе, про-

граммисты), но которые к интеллектуальной элите общества не относятся.

Другая точка зрения предлагается неомарксистами, которые предпочитают видеть в интеллектуальной элите принципиальных противников господствующего режима, сама принадлежность которых к интеллектуалам определяется их оппозиционностью¹⁰. Такая позиция неоправданно сужает спектр ценностных ориентаций интеллектуальной элиты, которые могут быть диаметрально различны, но все равно наделяться в сознании общества или отдельных социальных групп характеристиками истинности и объективности.

Более сбалансированным представляется определение данной социальной функции интеллектуальной элиты как критическое осмысление накопленных обществом моделей поведения. «Эксперты или интерпретаторы озабочены не собственно проблемами порождения новых смыслов, их задача – оценить степень нового, исходя из уже существующих взглядов и представлений, т.е. согласовать его с имеющимися направлениями или партиями, концептуальными системами, научными парадигмами или школами»¹¹. Сам акт критического осмысления имеющихся моделей поведения содержит не только оценку (явную или неявную), но и латентное воспроизводство совокупности ценностных установок, обеспечивающих воспроизводство определенной социальной группы или общества в целом. Критика – это всегда сравнение с неким образцом, который легитимизирует само существование общества, без чего социальное пространство превращается в простую совокупность отдельных индивидов. В этом смысле гласность эпохи перестройки выступила эпохой возрождения той части интеллектуальной элиты, которая ответственна именно за выполнение критической функции, поскольку расширение сферы критики на образцы культурной и социальной жизни, поддерживаемые директивными методами, но не соответствующие потребностям общественной жизни, способствовало селекции общественных норм и трансформации ценностных ориентиров советского общества.



В обществе, где ведущую роль играют средства коммуникации (СМИ, Интернет), возрастает количество точек зрения и дискуссий по поводу тех или иных вопросов, касающихся социальной проблематики, но одновременно возрастает и роль хранителей традиции, которые стремятся сберечь совокупность социальных ценностей, обеспечить их воспроизводство и, тем самым, оградить общество от «беспамятства». В институциональном аспекте носителями сохраняющей функции интеллектуальной элиты выступают музеи и библиотеки, поскольку без эффективной системы ретрансляции и кодификации знаний невозможны ни устойчивость общества, ни его адаптация к изменяющимся условиям.

По словам Б.В. Дубина, все вышеперечисленные функции «образуют единую динамическую систему воспроизводства культуры, передачи идей, образцов поведения, оценок, стандартов вкуса и прочего от группы более специализированной к менее, но численно большей или статусно ниже стоящей, равно как и от поколения к поколению»¹². Механизм циркуляции элит, по выражению В. Парето, который, с его точки зрения, состоял в смене двух типов элиты – находящейся у власти и пребывающей в оппозиции, приобретает, при отвлечении от узкополитического значения, функционально насыщенный социальный смысл. Интеллектуальная элита, отвечающая за сохранение существующих моделей поведения и нормативных императивов, а также за построение на их основе инновационных способов осмысления стоящих перед обществом проблем, нуждается в механизмах своего воспроизводства и налаженных каналах передачи данных способов широким слоям населения. Важно отметить, что эти каналы должны не только выполнять функцию передачи информации, но и обеспечивать сохранение

статусного преимущества интеллектуальной элиты по отношению к другим слоям населения. Что касается механизма воспроизводства интеллектуальной элиты, то им выступает система высшего образования (разумеется, в лице своих отдельных представителей), что требует более тщательного социально-философского исследования с целью выявления структурно-функциональных характеристик элиты и закономерностей ее функционирования.

Примечания

¹ См.: Платон. Государство / Платон // Соч.: в 4 т. М., 1994. Т.3. С.116–261.

² См.: Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» / Д.В. Бадковский // Полис. 1994. №6. С.42–58.

³ Парето В. Элиты и государство / В. Парето // Личность. Общество. Культура. 2002. Т.IV, вып.3–4. С.231.

⁴ Цит. по: Арон Р. Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер / Р. Арон // Полис. 1993. №2. С.115.

⁵ Моска Г. Метод в политической науке / Г. Моска // Личность. Общество. Культура. 2001. Т.III, вып.3. С.149.

⁶ Shlapentokh V. Introduction / V. Shlapentokh, C. Vanderpool // New Elite in Post-Communist Eastern Europe / Eds. V. Shlapentokh, C. Vanderpool, B. Doktorov. Collage Station. Texas, 1999. P.3–26.

⁷ См.: Кагарлицкая С.Я. Пьер Бурдьё: художественный вкус и культурный капитал / С.Я. Кагарлицкая // Массовая культура: «за» и «против» / Под ред. Н.А. Хренова. М., 2003. С.431–453.

⁸ См.: Дубин Б.В. Европейский интеллигент: апология субъективности / Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков // Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009. С.113.

⁹ См.: Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий / О.В. Гаман-Голутвина // Полис. 2000. №2. С.98–104.

¹⁰ См.: Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллигентов: против нового страха перед просвещением / Р. Дарендорф // Полис. 1997. №6. С.5–14.

¹¹ Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры / Б.В. Дубин. М., 2004. С.143.

¹² Дубин Б.В. Европейский интеллигент... С.112.



УДК 111.32(470)

СВОБОДА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

С.П. Позднева

Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Статья посвящена принципу свободы как ведущему принципу в русской религиозной философии.

Ключевые слова: свобода, бытие, человек.

Freedom of Human Being in Russian Religious Philosophy

S.P. Pozdneva

The article is devoted to the principle of freedom as the guiding principle of Russian religious philosophy.

Key words: freedom, human being, human.

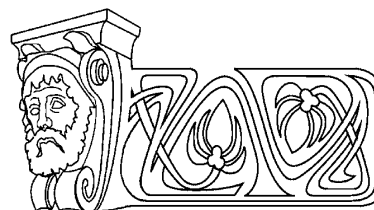
В современном обществе чрезвычайно велика значимость свободы личности, которая формально воспринимается как одно из прав человека и гражданина. Но при этом трактовка категории свободы неоднозначна. Традиционная интерпретация свободы как «осознанной необходимости» нуждается в серьезном осмыслении. Свобода как одна из основных философских категорий характеризует сущность человека и его существование. Исследователи считают, что исторически сложились различные интерпретации свободы.

Фаталистический подход соотносит категорию свободы с понятием Судьбы как необходимости, имеющей сверхъестественный характер (Аристотель, Сократ, Эпикур, Августин Блаженный, Фома Аквинский).

Субъективистский подход связан с отрицанием объективных закономерностей в трактовке свободы (А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Ф. Ницше, А. Камю, К. Ясперс).

Гносеологический подход описывает свободу как оппозицию необходимости в познании (Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Э.В. Ильенков, Т.И. Ойзерман, Э. Фромм).

Деятельностный подход рассматривает свободу в рамках диалектики познания и социальной деятельности (В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Я.Ф. Аскин, В.Б. Устьянцев, В.П. Барышков, Т.А. Погршаева).



И, наконец, *аксиологический подход* осмысливает свободу как ценность (Вольтер, Ж.Ж. Руссо, М.А. Бакунин, К.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев). Именно этот подход в русской религиозной философии представляется наиболее перспективным.

Наиболее адекватное понимание свободы с точки зрения религиозной философии, по нашему мнению, содержится у С.Л. Франка. В работе «Саратовский текст» приведены мысли С.Л. Франка о свободе: «1. *Свобода*. Свобода означает совокупность условий, при которых окружающие лицо объекты подчиняются воле индивидуума, свобода есть понятие отрицательное, она есть всегда свобода *от чего-нибудь*, или отсутствие определенной зависимости. В широком и общем смысле свобода, следовательно, означает отсутствие зависимости человека от окружающих внешних условий – или, что то же – полное господство над окружающей средой, всемогущество и полная нестесненность *воли*; свобода есть самодержавие воли <...> Сюда входит: 1) свобода от внешней природы – идеал *технического прогресса*; 2) свобода от власти людей – идеал *политического и правового прогресса* (частью которого является прогресс социальный, достигающий свободы от косвенной, экономической зависимости) и 3) наконец, свобода от собственных несвободных, то есть не исходящих от чистого внутреннего “я” побуждений – идеал *прогресса морального*»¹. Такая точка зрения соответствует *аксиологическому подходу*.

Только понимание свободы как потенциальной способности человека к свободному выбору, как возможности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения дает личности возможность обретения духовной



свободы. Например, В.С. Соловьев пишет: «От начала истории три коренные силы управляли человеческим развитием. Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни <...> Но вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная, она стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности <...> Всеобщий эгоизм и анархия... – вот крайнее выражение этой силы <...> Но человечество <...> и история не есть механическое движение, и поэтому необходимо присутствие третьей силы, которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целостность общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю <...> жизнь»².

Возможно, именно поэтому сегодня можно обратиться к точке зрения одного из выдающихся русских философов, который еще в первой половине XX в. выделил тему свободы личности. Наряду с точкой зрения В.С. Соловьева интересна позиция С.Н. Булгакова, который подошел к проблеме свободы и необходимости более широко. Вопрос о синтезе свободы и необходимости, полагает С.Н. Булгаков, нуждается в разъяснении. «Прежде всего, что такое свобода, как ее понимать? Для правильной постановки этого вопроса необходимо исключить то ложное его истолкование, при котором вопрос рассматривается лишь применительно <...> к идее механической, каузальной закономерности <...> Мы знаем, что наука есть познание природы как механизма <...> Поэтому свободе и нет места в науке <...> Свобода в таком понимании есть лишь недетерминизм и не имеет никакого положительного определения»³. «Всё живое самопричинно <...> и в этом смысле все живое свободно. Всё живое самопроизвольно, но настоящая свобода, полагает С.Н. Булгаков, принадлежит только

духу, следовательно, тем живым существам, которые являются духоносными, т.е. человеку. Свободой увенчивается личность <...> И перед этим непосредственным, живым самосвидетельством свободы бессильны уверения детерминизма»⁴.

Наиболее полную версию свободы человеческой личности мы находим у Н.А. Бердяева: он не только выделил проблему свободы личности как центральную в философской мысли, но и предложил пути ее решения. Как отмечают многие исследователи творчества Бердяева, идея свободы личности у него окрашена прямо противоположными настроениями: трагизмом и решимостью совершить «революцию духа», переживаниями одиночества и порывом к всепобеждающей соборности, чувством «падшести» бытия и истории и верой в преображающую и спасительную силу человеческой свободы. По мнению Г.П. Федотова, «четыре понятия, взаимно связанных, в сущности разные аспекты одной идеи определяют философскую тему Бердяева: Личность, Дух, Свобода и Творчество». Как и его друг Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов считал политическую свободу и свободное творчество неотъемлемой частью культурного созидания⁵.

Философия Бердяева носит персоналистический характер: он сторонник ценностей индивидуализма. «Истинное решение проблемы реальности, проблемы свободы, проблемы личности – вот настоящее испытание для всякой философии», – считает он. Н.О. Лосский пишет: «В особенности же Бердяев интересовался проблемами личности <...> она не часть общества, напротив, общество – только часть или аспект личности. Личность – не часть космоса, напротив, космос – часть человеческой личности»⁶. Бердяев поглощен экзистенциальным интересом к человеку. В «Самопознании» он отмечает: «Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу»⁷. Бердяев пишет: «Свобода, личность, творчество лежат в основе моего мироощущения и мирозерцания <...> Свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать»⁸.



Философ приходит к неизбежности допущения существования несотворенной свободы. Он считает, что свобода не создана Богом, но он сам рождается из свободы, из Ничто. Так как свобода не создана Богом, он не обладает властью над свободой. Бог-Творец всемогущ над бытием, но не обладает никакой властью над небытием, над несотворенной свободой. Бердяев предпочитал абсолютизировать свободу, отделить ее от Бога и человека. Это открывало путь к гармонизации бытия, которая осуществлялась с помощью творчества. Но поскольку творчество, по убеждению философа, также проистекает из свободы, то именно противоборство зла и творчества составляет сущность новой эпохи – эпохи «третьего откровения», ожиданием которой наполнено большинство произведений Бердяева.

Н.О. Лосский считает, что «Бердяев отвергает всемогущество Бога и утверждает, что Бог не творит воли существ вселенной, которые возникают из Ungrund, а просто помогает тому, чтобы воля становилась добром...»⁹. По мнению Бердяева, личность и субъективное находятся в конфликте с общим и объективным, личность восстает «против власти объективированного „общего“». В книге «Царство духа и царство кесаря» он писал: «Объективация есть выбрасывание человека вовне, экстерииоризация, подчинение условиям пространства, времени, причинности, рационализации. В экзистенциальной же глубине человек находится в общении с духовным миром и со всем космосом». Таким образом, объективация представляет собой не раскрытие, обнаружение духа, а, наоборот, его закрытие, обеднение. Философ видит природное зло не только в жестокости борьбы за существование, в страдании и смерти, а в самом факте необходимости, несвободы, которая составляет сущность материи. Философ утверждает примат свободы над бытием. Бытие вторично, есть уже детерминация, необходимость, есть уже объект, считает автор. «Свобода не есть сознательная необходимость, как учили германские идеалисты. Необходимость есть дурная, бессознательная свобода <...> *Необ-*

*ходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии»*¹⁰.

Философ убежден, что свобода трагична: если она составляет сущность человека, то, следовательно, она выступает как обязанность; человек поработан своей свободой. Он ответственен за свои поступки и происходящее в мире. «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри <...> не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Само состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности <...> даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем»¹¹. Бердяев воспринимает свободу «не как легкость, а как трудность». По мысли писателя, даже простая политическая свобода, свобода выбора убеждений и поступков – это тяжелая и ответственная обязанность. Он пишет: «В этом понимании свободы как долга, бремени, как источника трагизма мне особенно близок Достоевский <...> Свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание <...> люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя»¹², – эта идея философа перекликается со взглядами Достоевского. У Достоевского свобода – не право человека, а обязанность, долг. «Человек есть существо свободное, духовное и творческое, и свободное творчество духовных ценностей он предпочитает счастием»¹³.

Таким образом, взгляд Бердяева на проблему свободы человеческой личности представляется следующим. Личность – это ноуменальный центр мироздания, обнаруживаемый через выявление бесконечности и всеобъемлемости духа конкретного человека. Даже трансцендентное открывается в духе и через дух личности. Однако присущая ей свобода двойственна: она дана человеку и от Бога как просветленная свобода к добру, истине, красоте, вечности и от Божественного «ничто», которое заключает в себе возможность зла и отпадение от Бога.

Философия свободы есть философия богочеловечества – вот идея Бердяева. В ней



трансцендентный прорыв из необходимости естества в свободу божественной жизни. Для Бердяева важна «проблема индивидуальной судьбы в вечности». Растворение личности, неповторимой индивидуальности в безликой божественности противоположна христианской идее.

Суть «персоналистической революции», объявленной Бердяевым, раскрывается им в концепции творчества, центральным стержнем которой становится идея творчества как откровения человека. Философия творческого антропологизма получила развернутое выражение в его книге «Смысл творчества», основная тема которой – идея творчества как главной задачи человека. В этой книге философ ставит вопрос об отношении творчества и искупления, об оправдании человека в творчестве и через творчество. Его целью служит искание смысла, который является ценностью, и потому ценностно окрашено всякое творческое стремление. Творчество создает особый мир, оно «продолжает дело творения», уподобляет человека – Творцу. Бердяев считает, что всё достоинство творения, всё совершенство его по идее Творца – в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке заключено абсолютное совершенство плана творения. Бердяев пишет: «Творчество предполагает ничто, меон. И этот меон есть тайна изначальной, первичной, домирной, добытийственной свободы в человеке. Тайна творчества и есть тайна свободы»¹⁴. «Творчество – это цель жизни человека на земле», – утверждает он. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) философ заявляет, что не только этика искупления, но также этика творчества есть путь в царство небесное.

В «Смысле творчества» Бердяев выражает мысль, что «творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы». При этом мыслитель поясняет, что «творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который приводит во всякий подлинный творческий акт»¹⁵.

Кроме того, философ говорит о трагедии человеческого творчества. Он видит ее в несоответствии его результатов первоначальному замыслу, в том, что «творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новое бытие <...> на преобразование мира»¹⁶. Подтверждение своей мысли Бердяев видит в том, что великие русские писатели чувствовали конфликт между совершенной культурой и жизнью и стремились к совершенной, преобразованной жизни. В том отношении очень показательны Гоголь, Толстой, Достоевский. Реалистическое творчество, считает он, было бы преобразованием мира, возникновением нового неба и новой земли, так как творческий акт <...> предвосхищает начало мира нового, новой эпохи Духа.

В произведениях писателя можно проследить связь между исключительным отношением его к творчеству и достаточно пессимистическим отношением к действительности. Он считает, что творческий акт всегда был трансцендированием, выходом за границу имманентной действительности, прорывом свободы через необходимость. Творчество для него не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность. Бердяев понимает под творчеством «потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию». Именно в творческом опыте «раскрывается, что “я”, субъект, первичнее и выше, чем “не-я”, объект»¹⁷. «Творчество всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы»¹⁸. Творчество – это откровение «я» Богу и миру, в нем оправдание человека, как бы ответный шаг на его пути к трансцендентному.

Благодаря гуманизму своей философской позиции и таким отличительным ее чертам, как восстание против любых форм тоталитаризма, неустанная защита свободы, отстаивание первичности духовных ценностей, антропоцентрический подход к проблемам, персонализм, искания смысла жизни и истории Бердяев сумел возвыситься до подлинной самобытности, открыть перед русской духовностью новые горизонты мысли.



Под «личностью» Бердяев понимает неповторимую, уникальную субъективность. Благодаря присущей ей свободе и возможности свободного творчества она направлена на созидание нового мира. В этом с ним солидарны многие русские философы, и, в частности, Б.П. Вышеславцев: «Личность человека не есть отрешенный дух, отрешенный ум, отрешенная свобода <...> В христианстве духовная личность есть воплощенный дух, воплощенный ум, творческая свобода, свобода воплощения своих идей»¹⁹.

Бердяев всегда отстаивал нередуцируемость свободы к необходимости, ее неприкосновенность перед лицом экспансии детерминизма. Возможно, именно поэтому относимый в исторической хронологии к первой половине XX в. Н.А. Бердяев и русские философы Серебряного века остаются во многом нашими современниками, призывающими при решении всех философских проблем ставить в центр человека, отстаивать его свободу и творчество.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (Проект № 2.1.3/6499).

УДК 1:316.4

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ

В.А. Ручин

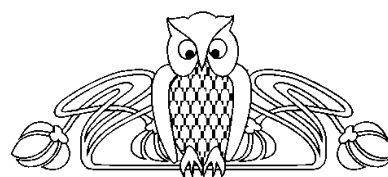
Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: r-vl@yandex.ru

Статья посвящена теоретической разработке понятий, значимых для построения оптимальной модели социализации молодежи в транзитивный период российского общества. Обосновывается сходство и различие процессов, нацеленных на развитие человека, а также определяется сущность понятия «образование» как универсального. Исходя из интерпретации «широкого» и «узкого» представлений о феномене образования в рамках его функциональности, рассмотрены понятия «воспитание» и «социализация», характеризующие специфические стороны этого феномена.

Ключевые слова: образование, воспитание и социализация, феномен, «широкий» и «узкий» смыслы образования.

Примечания

- ¹ Франк С.Л. Саратовский текст / С.Л. Франк; Отв. ред. В.В. Прозоров. Саратов, 2009. С.60–61.
- ² Соловьев В.С. Три силы / В.С. Соловьев // Смысл любви. Избранные произведения. М., 1996. С.28–29.
- ³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. М., 1990. С.166–167.
- ⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С.169.
- ⁵ Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. М., 1990. С.8.
- ⁶ Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. М., 1991. С.303.
- ⁷ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. М., 1991.
- ⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. М., 1989.
- ⁹ Лосский Н.О. Указ. соч. С.303.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н.А. Бердяев. М., 1994. Т.1. С.155.
- ¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С.99, 117.
- ¹² Там же. С.99.
- ¹³ Там же. С.117.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М., 1990. С.152.
- ¹⁵ Там же. С.213–214.
- ¹⁶ Бердяев Н.А. Философия свободы... С.523.
- ¹⁷ Бердяев Н.А. Самопознание... С.210–211.
- ¹⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы... С.255.
- ¹⁹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. М., 1994. С.287.



Education, Upbringing and Socialization: Resemblance and Differences of the Notions

V.A. Ruchin

The article is devoted to theorizing notions, meaningful for creation of the optimal model of the youth socialization in the transitive period of the Russian society. The resemblance and differences of the process, aimed at the human development, are substantiated and the meaning of the notion «education» as a universal phenomenon is defined. The specific aspects of the phenomenon «education» as well as the notions upbringing and socialization are taken into consideration on the basis of its interpretation of «wide» and «narrow» meanings of the phenomena education in frames of its functionality.

Key words: education, upbringing and socialization, phenomenon, «wide» and «narrow» meanings of education.



Определяющими условиями успешного социального развития, бесспорно, являются качественные образование, воспитание и социализация молодежи, особенно в транзитивный период общества. Для современной России, где актуальны проблемы общества риска¹, эти условия приобретают особую значимость не только с точек зрения настоящего или будущего, но и для самого существования нашей страны с малой плотностью населения.

Даже внешний анализ представлений об образовании, воспитании и социализации позволяет прийти к заключению, что как понятия они весьма сходны: под *образованием* понимается процесс получения человеком профессиональных знаний, под *воспитанием* – усвоение норм и способов поведения, *социализацией* – приобретение социального опыта. Таким образом, традиционная практика употребления этих понятий фиксирует единый предмет – процесс развития человека и единый механизм, базирующийся на известной триаде «знания–умения–навыки».

Кроме того, сходство представлений о рассматриваемых понятиях можно обосновать и единым научным объектом различных областей гуманитарных знаний – Человеком разумным², понятием, безусловно, всеобъемлющим. Это сходство подтверждается и междисциплинарным характером большинства исследований Homo sapiens, в которых эти понятия являются ключевыми. Аргументом в пользу этого заключения служит, например, тот факт, что современные исследователи обращаются к изучению социализации с позиций теории и практики воспитания³, по существу, придавая этим понятиям многофункциональный характер.

Сегодня понятия *образование*, *воспитание*, *социализация* широко употребляются в педагогике, социологии, психологии и, как результат, в рамках этих наук сложился ряд теоретических подходов и концепций, а в педагогической практике в течение длительного времени реализуются образовательные модели интеллектуального развития и социальной адаптации подрастающего поколения⁴. Как правило, основные идеи каждой

такой образовательной модели базируются на определенной философской системе и воплощают мировоззренческие установки авторов.

Осмысляя различия данных понятий, поставим задачу выявления сущности качественного образования или, иначе говоря, образования как такового. Очевидно, что качественное образование способствует процессу успешного вхождения молодого человека в социум. Этот процесс, называемый конструктивной социализацией, при рассмотрении с точки зрения педагогического и социологического аспектов, как нам представляется, поможет открыть новые стороны социальной адаптации молодежи в условиях общества риска и определить перспективу социальных преобразований.

Выбор понятия *образование*, одного из трех обозначенных в названии статьи обоснован логикой рассуждений, опирающейся на факт большей распространенности этого понятия в гуманитарных науках по сравнению с понятием *воспитание* и с более поздним по происхождению – *социализация*. Приоритетность определяется и тем, что понятие *образование* более универсально: например, существуют масштабные международные проекты по формированию единого образовательного пространства, такие как европейская программа ТЕМПУС. Очевидно и то, что сложившийся в современной мировой педагогике подход к феномену *образование* при пристальном к нему отношении пока остается односторонним, и выявить смысл феномена как понятия, отражающего наиболее существенные свойства *самости* образования, возможно только осмыслив его с позиций философской теории и методологии.

Философский подход к образованию должен проистекать, как нам представляется, из истории функционирования данного феномена, являющего себя и называемого *смыслом бытия*. В то же время образование есть *категория*, с той точки зрения, что ею что-то обозначается, открывается. «Такое открывание», по М. Хайдеггеру, «обнаружение, совершается через слово, поскольку это последнее ослепляет некоторую вещь – во-



обще нечто сущее – в том, что она (оно) есть, именуя ее как такую-то и так-то существующую»⁵. Несомненно, мы согласны и с тем, что образование есть категория, обнаруживающая название сущего в «аспекте того, чем сущее как таковое по своему устройству является»⁶.

Исходя из интерпретации «широкого» или «узкого» представления о феномене в рамках его функциональности и сущностных характеристик, определим наиболее значимые свойства *самости* как некоего *социального явления*. Под образованием в широком смысле нами понимается взаимодействие не только двух сторон (в рассматриваемом случае – учителя и ученика), но и более многозначный спектр данного явления: прежде всего его историчность, ибо ведущая тенденция исторического развития и конкретная сущность того или иного общественного устройства определяют реальное содержание факта образования, обуславливая в целом его как некую закономерность. Здесь связываются воедино сущность человека, его деятельность, практика по освоению и преобразованию природы и общественной среды.

Образование в узком смысле нами определяется как нечто, связанное с субъективной стороной процесса, в котором задействован индивид с его качествами человека разумного (и в этом узком смысле образование не идентично обучению, воспитанию, так как определенному «обучению» подвергаются и некоторые представители животного мира). Индивид выступает субъектом образования, это определяется родовой сущностью человека, его субъективностью: потребностями, интересами, волей, способностями к мышлению, выработке умозаключений, понятий и т.д.

К широкому пониманию сущности образования можно отнести, например, определение Гердера⁷, который трактует данное явление как «возрастание» человека к гуманности, или гегелевское осмысление образования, исходящее от индивида как единичного и ориентированного на «всеобщее». Образование, по Гегелю, – «преодоление природного состояния человека, а потому оно является ничем иным, как освоением “чужого” и

выходом ко всеобщему. Самосознание достигает власти над миром только благодаря образованности»⁸. Образование – «делание человека» духовным существом во всех отношениях, со стороны человека это жертвование «особенным» ради всеобщности. Образование есть нахождение себя в «другом», в «овладении духом как заданной субстанцией».

Таким образом, ввести понятие образования в ранг философской идеи, именующей собой то, что философии по самому ее существу надлежит осмыслить, – значит увидеть в феномене не только понятие, но и социальное явление (его представленность в широком и узком смысле) как объективно-субъективную деятельность. В этой связи можно сказать, что пространство взаимодействия образования в узком и широком смысле – это сфера образования, а социализация – один из сегментов этой сферы или одна из сторон процесса образования, обращенная к социуму. В сфере образования происходит соединение внутреннего субъективного и внешнего объективного миров, и ее можно представить как форму жизни, в которой происходит рождение человеческой личности. Именно она обладает культурным пространством, в котором существуют благоприятные условия для рождения личности. Фактически, форма жизни – это элемент той культуры, к которой и принадлежит личность.

В философии «форма жизни» обозначает способ ценностной ориентации человека в процессе познания мира. Наиболее известна трактовка этого понятия в философской концепции Л. Витгенштейна, согласно которой в каждой «форме жизни» устанавливается свой критерий «следования правилам»⁹. Формы жизни есть протофеномены любой культуры и в то же время этапы естественной (биологической) истории человека. Можно сказать, что философия – искусство созерцания границ естествознания, ее функции виделись Витгенштейну похожими на функции «трансцендентальной критики» И. Канта, однако без его регулятивных идей «чистого разума», поскольку они, очевидно, не подпадают под определение «форма жизни». С по-



зиций такого подхода «образование суть форма жизни» и данный феномен можно представить в широком смысле. Социокультурный аналог образования здесь налицо, и в дело вступает различие «внешнего» и «внутреннего».

«В образовании, – пишет К. Ясперс, – как форме жизни, его стержень – дисциплина в качестве умения мыслить. А среда образованность – в качестве знаний. Его материалом являются созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языками»¹⁰. Философ отмечает также, что в античности идея образованности впервые была постигнута так, как она с тех пор применялась, но тем, «кто ее понимает», – делает он оговорку. «Все великие взлеты человеческого бытия, – по мнению Ясперса, – происходили на Западе посредством соприкосновения и размежевания с античностью. Там, где о ней забыли, наступило варварство»¹¹. Но главное для К. Ясперса – субъект образования, «материалом» для последнего являются способность к созерцанию, познанию мира и другие свойства субъекта.

Образование в узком смысле определяется, по К. Ясперсу, как исходящее из мышления, знания, познания и владения языком, в отличие от внешнего, т.е. от тех обнаруживаемых взаимоотношений людей и вещей, которые выражаются как явления, представленные в виде отдельно взятого общественного института.

В работе М. Хайдеггера «Учение Платона об истине»¹² образование рассматривается в смысле «развертывающего формирования» субъекта; оно «образует» (формирует) его, исходя из предвосхищающего, соразмерного определяющего вида, который зовется «прообразом». Это дает философу основание толковать известную платоновскую притчу о пещере, сосредоточиваясь на существе образования как деятельном процессе, чтобы через «наглядность» рассказанной истории «сделать зримым и познаваемым существо *пайдейи* (то есть образования). Ибо находиться с детства в пещере, а затем подняться вверх, увидеть Солнце (образ того, в чем со-

стоит собственно сущее всего сущего) и снова вернуться в область изначального местопребывания значит прибегнуть к изменению всего человека»¹³.

Следовательно, образование есть формирование индивида при руководствовании определенным «образом», а именно перенесение человека из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается в «пещере», в другую область – «непотаянного». Именно как «непотаянное» М. Хайдеггер понимает греческое слово *алетейя* – истина¹³. Безусловно, философское понятие перехода из «потаянного» в «непотаянное» есть выражение деятельной сущности мышления, которая достигается различными способами, в том числе и образованием. Конечная цель образования, полагает философ, – сущее, или истина.

М. Хайдеггер спрашивает, что же смысляет «образование» и «истину»? Ответ приводит к весьма широкому толкованию феномена, так как *пайдейя* означает обращение человека к другой области, в отличие от того «круга вещей», с которыми он сталкивается с детства. «Это перенесение, – считает философ, – возможно лишь благодаря тому, что все, прежде открытое человеку, и тот способ, каким оно было ему известно, делаются другими. То, что является человеку так или иначе непотаянным, и род этой непотаянности должны перемениться»¹⁵. Непотаянность, или по-гречески *алетейя*, и есть истина. Для философского мышления это «означает соответствие между мыслительным представлением и вещью: *adaequatio intellectus et rei*»¹⁶.

По мнению М. Хайдеггера, если исходить из буквального смысла значений слов *пайдейя* и *алетейя*, то образование и истина сольются в сущностное единство. Образование, следовательно, – отвоевание истины у потаянного. Ведь «пещера» и есть, хотя и открытое в себе, но одновременно и ограниченное сводами со всех сторон пространство, «замкнутое землей». Однако открытая внутри себя замкнутость пещеры с находящимися в ней и тем самым скрытыми ею вещами предполагает и некоторую простирающуюся наверху, в свете дня, непотаянность. В то же



время помысленная греками в *алетейе* сущность истины – потаенная (искаженная и скрытая) непотаенность – способна иметь связь с образом (то есть истиной) вне света пещеры. «Где существо истины другое, не непотаенность или, по крайней мере, не обусловлено ею, там “притча о пещере” не может претендовать на наглядность»¹⁷.

Таким образом, акт образования – это субъективный акт, который заключается в том, чтобы увести людей от их непотаенного и привести к *непотаеннейшему*. В этом заключены и самость образования, и его сущностная полнота. Отметим, что изначально доступ к образованию пролегает через рефлексию. Однако здесь рефлексия направлена не на отношение субъекта к объекту, а к субъективности субъекта. Подобная рефлексия в качестве такового отношения уже есть обратное отношение мыслящего Я к мыслящему Я, то есть мыслящего к мыслящему или мышления к мышлению. Исходя из этого, мышление в факте образования высвечивает весь ход данного явления. Именно такой ход, во-первых, собирает целое субъективности в ее развернутое единство; во-вторых, в данном единстве мы обнаруживаем другую сторону образования – ее объективность. Объект как бытие, хотя и опосредован рефлексией, является неким внутренним движением мысли в объективные для человека сферы. Движение осуществляется в рамках закономерных противоречий, к которым, по нашему мнению, можно отнести противоречия между объектом и субъектом, субъектом и его познавательной деятельностью, образованием и идеей.

Субъективность образования заключена в сознании, мышлении *ego*, которое нечто *представляет* и относит (или соотносит) это представление к себе, собирает в себе, осуществляя движение как внутри себя, так и вовне, то есть от субъекта к субъекту, с одной стороны, и субъекта к объекту, с другой. К тому же в обозначенных действиях субъект производит и воспроизводит свою субъективность: продуцирует ее. Следует также подчеркнуть, что подобное продуцирование есть *необходимость* homo sapiens, определенная объективными обстоятельствами.

Интересно в этой связи утверждение М. Шелера, что образование – не «учебная подготовка к чему-то»: к профессии, специальности, ко всякого рода производительности. Напротив, образованию *благообразно* сформированного человека¹⁸ предшествует подготовка к «чему-то», лишенная всяких внешних «целей». Образование, по Шелеру, – «предназначение». Что в таком подходе может означать термин «предназначение»? Прежде всего, предназначение – предопределение человека к чему-то, назначение в данную область деятельности, которое может идти от *сущности самого субъекта* и среды, в которой он находится.

Уже ставя вопрос о человеке разумном, следует говорить об образовании как предназначении. Однако М. Шелер не ограничивается только таким подходом. Для философа образование – нечто духовное, происходящее из самого божества, из силы его и чистоты его дыхания. Человек в этом смысле как идеал есть «Цельное и Подлинное, Свободное и Благородное, раз он решил быть образованным». Главное в образовании – процесс образования духа¹⁹.

Вместе с тем образование как предназначение и предопределение является вполне рациональным в связи с сущностью человека разумного, что в общих чертах было обозначено нами выше. Метафизический аспект М. Шелера важен для нас, во-первых, потому, что изменяет природу образования, делая его несоизмеримо большим по масштабности феноменом, приравненным к космологии. В образовании как предопределении содержится, по мнению философа, соотношение микро- и макрокосмоса, выраженное в «зове предназначения». Во-вторых, метод М. Шелера может настраивать на новые практические действия в области образования по принципу «бытие-в-мир», когда существо бытия продумывается и формируется так, как требует этого и слово, и дело. Здесь мы разделяем с философом мнение о том, что только от бытия могут прийти значения тех предназначений, которые станут «законом и правилом для людей»²⁰, поскольку человек, экзистировав в истине бытия, послушен ему.



Исходя из сказанного выше, понятие *воспитание* или педагогическое воздействие на личность – это прямое воздействия среды, в том числе воздействие воспитателя на воспитуемого. Такое воздействие определяет предназначение, влияет на жизненный выбор личности, но зависит от степени взаимодействия «учитель-ученик». В этом случае *самовоспитание* – процесс самосовершенствования определен внутренней интенцией и выражает скрытую, субъективную сущность образования и является, по существу, образованием в «узком» смысле. Тогда социализация – воздействие макросоциума на личность, движение от бытия, т.е. воздействие опосредованное. Следовательно, *воспитание и социализация*, по смыслу, понятия более узкие, чем *образование*, так как представляют характеристики отдельных сторон образовательного процесса. Уточним, что понятие *социализация*, являясь концентрированным выражением общественной функции образования, не подменяет его по смыслу, а раскрывает образование на основании связи «общество-личность» и регистрирует динамику взаимодействия микро- и макрокосмоса.

Таким образом, понятие *образование* есть обозначение явления личностно-социального, и по отношению к понятиям *воспитание* и *социализация* оно первично. Образование – это философская категория, обнаруживающая название сущего, что, в конечном итоге, делает образование хотя и сходным с двумя другими понятиями, но – приоритетным по отношению к ним. В этой связи задача построения оптимальной модели социализации молодежи на основании проведенного анализа может быть решена только при условии целостности сферы образования.

Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- ¹ См.: Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы / Т.В. Керимова. М., 2009; Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс; Ин-т соц.-полит. исслед. 2-е изд. М., 2003.
- ² См.: Человек – наука – гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. акад. А.А. Гусейнов. М., 2009.
- ³ См.: Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка / Н.Ф. Голованова. СПб., 2004. С.5.
- ⁴ См.: Голованова Н.Ф. Указ. соч. С.30–31.
- ⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие. М., 1993. С.83.
- ⁶ Хайдеггер М. Указ. соч. С.87.
- ⁷ Гердер И.-Г. Избранные сочинения / И.-Г. Гердер. М.; Л., 1959. С.286–288.
- ⁸ Гегель Г.В. Феноменология духа / Г.В. Гегель. М., 1959. С.356.
- ⁹ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. М., 1958; Витгенштейн Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопр. философии. 1984. №8. С.142–149; Лекции об этике // Историко-философский ежегодник / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 1989.
- ¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М., 1991. С.358.
- ¹¹ Ясперс К. Указ. соч. С.359.
- ¹² Хайдеггер М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Время и бытие. М., 1993. С.350.
- ¹³ Хайдеггер М. Учение Платона... С.350.
- ¹⁴ Friedlaender P. Platon: in 3 bd. / P. Friedlaender. Berlin, 1954. Bd.1. S.233–237.
- ¹⁵ Хайдеггер М. Учение Платона... С.351.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.354.
- ¹⁸ Шелер М. Формы знания и образование / М. Шелер // Человек. 1992. №5. С.64.
- ¹⁹ Шелер М. Указ. соч. С.64.
- ²⁰ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. М., 1993. С.218.

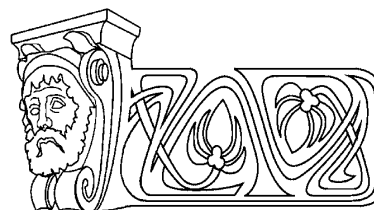


УДК 130.2

СИЛА И ВЛАСТЬ ТЕХНИКИ: ИЗБЫТОК ИЛИ НЕХВАТКА?

С.В. Соловьева

Самарский государственный университет
E-mail: metaphisica@rambler.ru



В статье осмысляются властные и силовые аспекты техники в горизонте экзистирования человека. Проблематизация вопроса о связи техники и жизни человека позволит исследовать не политический и не институциональный, а экзистенциальный смысл власти.

Ключевые слова: сила, власть, техника, экзистенция, избыток, нехватка.

The Force and Power of Technology: Too Much or Not Enough?

S.V. Solovyova

This article dwells upon a question of power and force aspects of technology as far as the existence of human is concerned. Problematization of the point of connection of equipment and human life will help research neither the political nor the institutional but the existential meaning of power.

Key words: force, power, equipment, existence, too much, not enough.

Влияние техники на жизнь общества, цивилизации и человека трудно переоценить. Как верно подмечает Х. Сколимовски, «техника превратилась, если использовать хайдеггеровский термин, в часть Бытия человека». Мы приветствовали этот симбиоз человека и машины до тех пор, пока влияние техники на прогресс и развитие казалось благоприятным. В технологической эйфории 1920–30-х гг. Ле Корбюзье, Б. Фуллер и другие мыслители называли дом «машиной для жилья»¹. Эта эйфория позади. Сейчас мы пересматриваем все наше технологическое наследие, пытаемся по-новому сформулировать проблему власти и влияния техники на жизнь человека.

В отношении техники словарь власти достаточно разнообразен: техникой овладевают, техникой управляют, при помощи техники накапливают, распределяют, преобразуют и пр. Помимо клишированных значений интерес вызывает другой ракурс вопрошания: что собой представляет сила и могущество техники? В чем выражается силовой аспект власти техники? Вопрос о количест-

венных определениях силы техники – это вопрос для инженера и изобретателя, в философии он приобретает иную формулировку и поворот мысли. Думается, что сила техники по отношению к бытию человека определяется через состояние избыточности (а может быть, недостаточности?), порождающее (или, напротив, порожденное?) эффектом включения техники в жизнь человека. Если исходить из интуиции, что техника выступает способом властного освоения природы, то что в экзистировании человека позволяет ему действовать таким образом, каковы истоки власти техники в экзистировании? Кажется, что техника появляется из нужды, но как объяснить стремительность ее прогресса, массовость, обилие, разнообразие? Этот вопрос кажется существенным, ведь, несмотря на мотив нужды в создании и использовании технических средств, во власти техники присутствует и заявляет о себе избыточность² сил, движение от одного обилия и разнообразия к другому. Очевидно, что природа технической избыточности выражает избыточность человеческой экзистенции.

В понятии избыточности содержатся значения изобилия³, полноты, множества. Избыточность чаще понимают как категорию количественную, то, что характеризует излишнее, сверх достаточного. В избыточности уже на уровне языка присутствуют два важных для рассуждения о власти и силе техники смысла – это обилие и разнообразие. Избыточность показывает сущее не только со стороны его разнообразия, но также и богатства, полноты, она имеет не просто количественный характер, но уже характеризует сущее в перспективе качества или определенности. А это имеет решающее значение в понимании силовой природы власти в целом и техники, в частности.



Избыточность техники в самом очевидном смысле получает свое воплощение в угрожающих обилии и масштабности производительных сил. Можно вспомнить множество художественных и документальных фильмов, где показываются картины индустриального пейзажа, громада и широта заводского ландшафта, который заполнен до отказа производственно-техническими средствами и произведенной продукцией. Избыточность производства и техники в экономическом смысле выражается в прибавочном продукте, т.е. в создании такого избыточного блага, которое выходит за рамки удовлетворения непосредственных потребностей. Прибавочный продукт создает новую социальную проблему – проблему избыточности благ или богатства, и техника играет заметную роль в его производстве, как в материальном, так и в информационном отношении. При посредстве техники происходит интенсификация процессов наполнения мира материальным благом.

Силовые аспекты техники открываются в реальности «усилия» человека в действии по осваиванию мира природы. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, техника представляет собой «усилие ради сбережения усилий» и имеет два решающих признака. Во-первых, техника уменьшает усилия, обусловленные обстоятельствами, она есть нечто энергосберегающее для человеческого существования. Во-вторых, техника изменяет окружение, среду, тем самым облегчая жизнь человека. Из силового понимания природы техники испанский мыслитель приходит к заключению: человек – это не вещь, а усилие, стремление к экономии сил вызывает к жизни рождение техники. Человеческая жизнь не совпадает с составом природных потребностей, человек никогда полностью не совпадает с объективными условиями и обстоятельствами, он нечто отличное от них. Технические действия – это совокупность таких актов, которые ведут к преобразованию человеком природы с целью удовлетворения своих потребностей. «Техника – это преобразование природы, той природы, которая делает нас нуждающимися, обездоленными»⁴. Техника – это

не приспособление субъекта к среде, но, напротив, приспособление среды к субъекту, это своеобразный бунт против окружения и неудовлетворенность миром. Мысль Ортеги-и-Гассета о силе техники как разумно управляемом и использованном «усилии» представляется важной.

Думаю, что человек создает технику не по причине нужды своего природного существования, но от избыточности экзистенции. «Человеку необходимо лишь объективно излишнее, – пишет Ортега-и-Гассет. – Как это ни парадоксально, но данный вывод – чистая истина <...> Даже то, что человеку объективно необходимо, является таковым, лишь когда связано с избыточным, излишним. Здесь нет и не может быть двух мнений: человек – это такое животное, которому нужно излишнее»⁵. Возможность избыточного – вот ключ к пониманию экзистенциального смысла власти техники как произведения человеческой жизни. Техника – это производство избыточного, и этот тезис имеет значение в любую историческую эпоху, начиная с примитивных орудий, заканчивая современными армадами технических средств. Сходную мысль высказывает и Э. Юнгер: «Тот, кто желает господства подлинно производительных сил, должен также суметь, стремясь охватить целое, составить себе представление о подлинном производстве как о великом и всеобъемлющем *плодородии* (курсив мой. – С.С.)»⁶. Нам ближе позиция Ортеги-и-Гассета и Э. Юнгера, которые полагали, что человек – технический творец преизбытка, что человек, техника, благосостояние и полнота – синонимы. Это изначальное состояние избытка может быть выражено в любом направлении действия и поступка, может быть реализовано через любую возможность экзистенции. Особенность техники как стратегии целенаправленной деятельности человека состоит в том, что она имеет революционный (Э. Юнгер) или протейческий (Х. Ортега-и-Гассет) в отношении к реальности характер.

Противоположную позицию занимает Ф.Г. Юнгер: техника создает небывалый рост могущества, но всякая техническая организация связана с решением вопроса: «каковы



границы эффективности технической организации»? Ф.Г. Юнгер парадоксально отвечает на этот вопрос: «Главный и самый заметный признак организации состоит в том, что она направлена не на приумножение богатства, а на распределение бедности. С распределением бедности неизбежно происходит ее распространение <...> По мере того как это происходит, уменьшается неорганизованная сфера, пока не наступит момент, когда организация терпит крушение из-за того, что стало нечего распределять»⁷.

Технический прогресс не ведет к обогащению, но, напротив, старается сделать более эффективным упорядочивание бедности! Никому же не приходит в голову, как замечает философ, распределять предметы, которые имеются в изобилии, зато недостаток, нехватка, дефицит понуждают принимать такие меры и сразу все организовывать, ничего не производя, но истребляя существующее богатство. Верным признаком бедности является прогрессирующая рациональность организационных структур, всеобъемлющее, проникающее во все области хозяйственной жизни подчинение человека бюрократическому аппарату управления. Техника и организация, по Ф.Г. Юнгеру, есть олицетворение нехватки. Изобилие и недостаток вызывают ассоциации с плодородием, но никак не с техникой, которая ничего не творит, но организует спрос. Рационализация техники только усиливает нехватку и увеличивает потребление. По мнению Ясперса, Ф.Г. Юнгер создает безвыходную картину подчиненности техникой. На самом деле Ф.Г. Юнгер проблематизирует разделяемый многими тезис, что техника освобождает человека от труда и увеличивает его досуг (к чему присоединяется и Ясперс). Но Ф.Г. Юнгер не останавливается на этом и выдвигает более радикальный тезис: техника не увеличивает богатство, так как богатство – это не владение имуществом, а особое бытие человека. «Богатство есть не что иное, как царственное могущество человека-властелина <...> Верным признаком богатства является то, что оно, словно Нил, изливает вокруг себя *изобилие* (курсив мой. – С.С.). В человеке

оно проявляется в царственной щедрости, которая золотыми жилами принижывает все его существо»⁸. Изобилие, избыток – не конечная цель и стремление деятельности человека, но оно изначально, и, имея бытийный опыт изобилия, избытка, человек может создать материальное и техническое могущество. Такова интуиция и идея избыточности Ф.Г. Юнгера.

Ясперс утверждает обратное: техника служит освобождением от *нужды*. Задача человека состоит в том, чтобы самостоятельно найти путь к управлению техникой, «техника господствует только над механизмом, над безжизненным, универсальным», во власти техники только механически постигаемое. Он отмечает, что создаваемое при помощи техники носит «универсальный, а не индивидуальный характер», «техника нацелена на типичность и массовую продукцию». Для Ясперса техника – это нечто лишнее выражения, безличное, бесчеловечное: «техника всегда связана с материалами и силами, которые ограничены». Технический способ действия человека в мире исходно вытекает из нужды и ограниченности сил и ресурсов. Современная техника нуждается в материалах, ресурсах, энергии, и если они закончатся, то век техники станет прошлым, но человечество не погибнет, лишь количество людей уменьшится, следовательно, «техника ограничена в своих открытиях возможной целью и ее характер определен ее концом»⁹.

Линию экзистенциального анализа власти техники блестяще продолжает М. Хайдеггер. Он, исследуя вопрос о сущности современной техники, говорит о том, что способом раскрытия потаенного в современной технике выступает производство. Структура производства ставит «перед природой неслыханное требование быть поставщиком энергии, которую можно было бы добывать и запасать как таковую»¹⁰. Философ метко подмечает фундаментальный аспект современной техники – ее энергийный, силовой характер. Он полагает, что нынешняя техника есть способ выкачки энергии из природы, тем констатируя *добывающий* смысл современной техники. Думается, что технический



способ организации жизни есть не только добыча (любопытно, что слово «добыча» в современном мире по своему смысловому содержанию отлична от добычи охотника или воина). Техника разворачивается не только в сторону добычи и сбережения, но сама по себе представляет определенный тип управления энергией. Техника добывает из природы энергию только в силу того, что сама есть энергетическая, силовая машина по производству, управлению, сбережению энергии. Из энергетического (которое можно считать онтологическим) устройства техники вытекают все экономические, социальные, человеческие последствия, что емко выражено в таком клише, как «энергетический бюджет государства, цивилизации».

Внутри понятия техники существует, по крайней мере, два базовых смысла: с одной стороны, техника – это орудие, средство для присвоения энергии и силы природы, с другой стороны, это технэ, искусство, способ действия. Сила техники объявляет себя и в рациональном управлении техникой как средством, и в совершенствовании способа действия (технического покорения природы). Созданный человеком мир техники несет в себе силовое начало, чем и объясняется способность техники проявлять власть.

Современный техногенный мир – это структура по управлению энергиями, прежде всего природными, но к ним добавились информационные, медийные, антропологические и пр. Тотальность власти техники проявляется не только в том, что современный человек не способен обойтись без технической платформы функционирования цивилизации в организации комфорта его жизни, но в той ориентации сознания, которая вырабатывает алгоритм повседневности. Думается, что популярность в среде среднего класса освоения телесных техник (например йоги) и психотехник имеет своим основанием техногенный характер существования цивилизации. Всевозможные виды техник организуют современную повседневность, где техника – не только инструмент для организации экономических процессов, но способ организации сознательной жизни индивида. Произво-

дительный и энергичный характер техники вырастает из установок рационального сознания и субъекта власти, в основе которого лежит освоение мира на основе рационального знания. Хайдеггеровская критика власти техники раскрывает ее добывающе-производящий характер и называет этот тип управления ресурсом – «состоянием-в-наличии». Техногенному миру цивилизации Хайдеггер противопоставляет мир силы и могущества земли, почвы, бытия и открытости истины. Постав, состояние-в-наличии против мистической силы почвы, энергетическая экономия против плодородия земли – такова композиция видения проблемы силы и власти техники у Хайдеггера. Как замечает Левинас, «Разоблачая безраздельное господство технического могущества человека, Хайдеггер превозносит дотехнические формы обладания <...> Онтология становится онтологией природы, анонимным изобилием, безликой щедрой матерью, истоком конкретных вещей, неисчерпаемым материалом вещей»¹¹.

Большинство исследователей исходят из того, что субъектом власти техники выступает инженер, изобретатель, техническая рациональность и пр. Отклонением от этой позиции становится концепция Э. Юнгера, для которого субъектом власти техники выступает гештальт рабочего. Для осознания избыточного характера силы и власти техники недостаточно классового сознания (о культивировании которого писал К. Маркс), так как классовое сознание – эффект бюргерского мышления. Необходимо войти в режим мобилизации гештальта рабочего. Самым адекватным типом подобной мобилизации выступает техника. Рабочий выступает субъектом техники, так как он выявляет ее силовую природу. Силовым аспектом власти техники выражается в состоянии мобилизации или максимального концентрирования силы в одной точке.

Э. Юнгер выступает против двух пространственных заблуждений: первое гласит, что человек творец – властитель техники, второе, что человек – ее жертва, объект подчинения. Для него техника – это «способ,



каким гештальт рабочего мобилизует мир», это «владение языком, актуальным в пространстве работы». В технике соединяются акт владения, использования (первое) и акт силы в образе мобилизации, концентрации ресурсов и напряжения мира (второе). Исполнение этих актов по плечу исключительно рабочему, а не тому типу действия, который реализует бюргер, христианин и пр. Гештальт рабочего тотально разрушает все старые и чуждые технике узы, но пока рабочий живет в мире бюргера, только «техника в это время выступает как *единственная власть* (курсив мой. – С.С.), не подверженная этим симптомам, что явно выдает ее принадлежность к иной, более значительной системе отсчета»¹².

Техника как вид силы альтернативна силе любой веры, и прежде всего христианской. Необходимо отрешиться от понимания техники как элемента экономики и прогресса, только война раскрывает присущий технике властный характер¹³. Техника, по Э. Юнгеру, никогда не являлась нейтральной, напротив, она сама выступает силой, властью и ресурсом для тотального пространства работы и средством для революции. Поставить технику на службу, создать единую и плотную сеть технического пространства может лишь легитимная власть рабочего и работы. Концепция Э. Юнгера блестяще раскрывает суть силы техники, которая связана с рождением нового типа власти – власти рабочего, но не диктатуры пролетариата в политическом срезе (Маркс), а нового властно-силового способа основания мира, действия в нем, который был назван Э. Юнгером «гештальтом Рабочего».

Таким образом, тема силы, избытка и нужды, которая располагается за очевидным описанием власти техники, важна, так как именно из экзистенциальных состояний избытка или нехватки возникают всякого рода коллизии власти. Экспликация исходной интуиции об избыточности бытия, в том числе в ситуации владения, овладения вещами и природой, приводит к ряду выводов. Особенность современной ситуации состоит в том, что индивидуальный опыт владения,

власти над вещами в нынешнем техногенном мире лишается отпечатка уникальности и самобытности, но становится социальной и интеллектуальной машиной подчинения и господства. Когда создатели и производители техники начинают ввергать человека в сферу нужды и ограниченности, тогда человек начинает сопротивляться и опознавать технику как власть, устроенную по модели господства, а не произведения, становления, свершения. Нужда и вечное бегство за ресурсами, силой и энергией, структурированное в жесткие рамки технических средств, извращает власть, делая ее внешней и враждебной для человека. В то же время осознание избыточности экзистенции может привести к пониманию техники как способа реализации избыточности и силы бытия человека. Идея избыточности человеческого существования как экзистенциального фундамента власти позволяет выработать новое представление о власти. Здесь власть не разрушает человека, не загоняет его в жесткие рамки социального функционирования, но позволяет решиться на событие, сделать выбор, а также повлиять на выбор другого, минуя ситуацию господства и подчинения.

Эти рассуждения об экзистенциальных коллизиях избыточности (или нехватки) как основания власти и силы техники не настолько спекулятивны, как могут показаться с первого взгляда. Прежде всего, это касается последствий от внедрения техники в жизнь общества, среди них наиболее очевиден процесс рационализации и технологизации сферы политического. Если ключевым понятием старой политики было понятие блага, то современная политика предотвращения и рационального функционирования решает, прежде всего, технические задачи, которые не требуют публичного обсуждения. О кризисе идеологии и политики, даже ее смерти в эпоху тотальной власти техники говорят многие. Вот что пишет Д. Эллюль по этому поводу: «Техника – фактор порабощения человека. Но, разумеется, не только порабощения! Она могла бы быть, гипотетически говоря, фактором его освобождения. Единственная реалистическая революция направит-



ся именно по этому пути, и она будет иметь своим последствием радикальное отвержение любых идеологий <...> Беда в том, что политика, какую мы ее видим сегодня, совершенно не в состоянии справиться с техникой и сама ею полностью детерминирована»¹⁴. Парадокс новой технократической мысли, по мнению Эллюля, в том, что дальнейшее развитие техники и возрастание ее социальной роли он считает возможным только при радикальном переключении энергии общества с технических целей на духовные. Он говорит об опасности срастания информационно-технического ресурса с бюрократической властью, которое приведет к тому, что власть застынет несокрушимой глыбой.

Мы соучаствуем в процессе коррозии системы либеральной и демократической идеологий, которая уступает место деполитизированному обществу массового потребления. Ю. Хабермас, следуя за Маркузе, рассматривает технику и науку как современный тип идеологии. По его мнению, технократическое сознание становится «менее идеологическим» в сравнении с предшествующими идеологиями. В то же время «доминирующая теперь, скорее, прозрачная идеология заднего плана, превращающая науку в фетиш, является более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа». Тотальность и всеохватность современной идеологии технократизма состоит в том, что она уже не оправдывает частные интересы господства одного из двух классов, но «затрагивает интересы эмансипации человеческого рода как такового». Объектом эксплуатации технической власти становится не один класс («эксплуатируемый», по Марксу), но все человечество в целом¹⁵.

Таким образом, власть техники выстраивается не только по модели господства, которое вытекает из социальных условий её функционирования, но также имеет глубокие экзистенциальные основания, которые были описаны в традиции антропологического по-

нимания сущности и власти техники. Власть и сила техники фундирована состоянием избыточности/нехватки бытия экзистенции.

Примечания

¹ См.: Сколимовски Х. Философия техники как философия человека [Электронный ресурс] / Х. Сколимовски // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000959/st000.shtml> (дата обращения: 12.10.2009).

² «**Избыточность**, наличие в техническом устройстве возможностей сверх тех, которые могли бы обеспечить его нормальное функционирование. **Избыточность** вводится для повышения надёжности работы изделия в различных условиях эксплуатации <...> **Избыточность** – запас времени для повторного выполнения операции <...> энергетическая **Избыточность** – запас мощностей, который может быть использован в более тяжёлых условиях эксплуатации или при старении изделия (См.: Большая Советская энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article051085.html> (дата обращения: 12.10.2009).

³ В греческом слове **βάθος** (изобилие) содержатся следующие значения: глубина, бездна, пропасть, длина, высота, *перен.* обилие, *перен.* глубокомыслие, серьёзность (См.: Большой древнегреческий словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarus.info/grk.php?id=%26%23946%3B> (дата обращения: 12.10.2009).

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избр. тр. / Пер. с исп., сост. и ред. А.М. Руткевича. М., 1997. С.171.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С.175.

⁶ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб., 2000. С.156.

⁷ Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф.Г. Юнгер; пер. с нем. И.П. Стебловой. СПб., 2002. С.34.

⁸ Юнгер Ф.Г. Указ. соч. С.27,28.

⁹ См.: Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М., 1994. С.133–137.

¹⁰ См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. М., 1993. С.226.

¹¹ Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. М., СПб., 2000. С.84.

¹² См.: Юнгер Э. Указ. соч. С.239–240.

¹³ Там же. С.245.

¹⁴ Эллюль Д. Другая революция [Электронный ресурс] / Д. Эллюль // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000949/st000.shtml> (дата обращения: 11.01.2009).

¹⁵ См.: Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас // Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007. С.98–99.

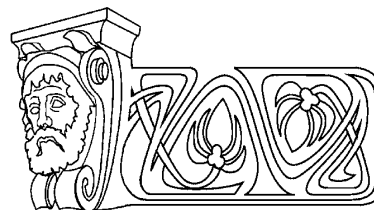


УДК 1(091):124.5

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ XX ВЕКА

В.В. Сутужко

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: vavasut@mail.ru



Предмет аналитического исследования в статье (проблема оценки) в философии XX в. оказывается неразрывно связан с категорией «ценность» (основным критерием при вынесении оценочных суждений). В оценке как в феномене раскрывается единство значения и личного смысла, пронизывающих мир социальных и индивидуальных ценностей. Посредством оценок осуществляется познание, представление в сознании сущности ценностей (как вещей), ценностного бытия. Оценка – один из способов актуализации ценности в действительности. Оценивание невозможно вне субъекта, так как представляет собой проявление той ценностной предметности, которая стала предметом оценочной деятельности. Вместе с тем оценка несет информацию об этой ценностной предметности, т.е. отражает специфические стороны общественного бытия.

Ключевые слова: оценка, оценивание, ценность, ценностная предметность, знание.

The Problem of Estimate in Philosophy and Science in XX Century

V.V. Sutuzhko

The subject of analytical research in this article (problem of estimate) in philosophy in XX century appears indissolubly connected with category «value» (the basic criterion at removal of estimated judgments). In estimate as in phenomenon the unity of value and the personal sense, world social and individual values reveals. By means of estimation acts the knowledge, representation consciousness of essence of values (as things) valuable life is carried out. An estimation – one of the ways of actualization of value actually. Estimation is impossible outside of the subject because it represents display of that valuable concreteness which became a subject of estimated activity. At the same time the estimation bears the information on this valuable concreteness, that is reflects the specific parties of social being.

Key words: estimate, estimation, value, valuable concreteness, knowledge.

В философии, гуманитарно-социальных науках и социальной деятельности постоянно происходит процесс разнообразного оценивания феноменов действительности, существа человеческого поведения, сознания и деятельности, идей и поступков людей. В оценках выражается взаимодействие *объективного и субъективного* (действительности и человека). Объективный мир дифференцируется субъектом с точки зрения ценностного характера (добра и зла, пользы и вреда, просто-

ты и сложности, любви и ненависти). Вторичное деление реальности обусловлено социальной действительностью и весьма сложным образом отражено не только в языковых, как считают Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, Е.М. Вольф, но и в иных психических структурах. При оценочно-ценностном подходе к социальным и природным явлениям, продуктам человеческой деятельности предполагается выбор объектов, которые значимы, необходимы для удовлетворения потребностей и самого существования человека. Поэтому следует согласиться с устоявшимся суждением, что ценностные отношения представляют собой особую группу отношений значимости, реализующуюся только в человеческом обществе и лишь благодаря этому существующую как социальный феномен¹. Исследуя природу ценностного отношения, Э.Ш. Брайтмен справедливо отмечал, что сущность «Я» составляет его активность, обладающая способностью выбирать и оценивать².

Предмет аналитического исследования в данной статье – проблема оценки в философии – оказывается неразрывно связанным с категорией «ценность» (основным критерием при вынесении оценочных суждений), следовательно, возникает необходимость не только отдельно охарактеризовать понятия ценности и оценки, но и проанализировать взаимоотношения названных философских категорий. Еще в начале XX в. Э. Гуссерль был поражен несоизмеримостью сущности и факта, т.е. тот, кто отправляется в своем исследовании от фактов, никогда не придет к отысканию сущности. Исходя из принципов феноменологии, если искать фактичность, лежащую в основании социальной оценки, то социальные сущности индивидуальной оцен-



ки, самооценки и взаимодействия индивидуальных оценок никогда нельзя восстановить. Однако не отрицая идею фактичности (в феноменологии следует идти «к самим вещам» с помощью эйдетической интуиции «идеального восприятия всего подлинно проявляющегося»), концепцию оценивания можно сделать более пластичной, отведя место опыту сущностей и ценностей. Более того, необходимо согласиться с мнением Ж.П. Сартра, что только сущности позволяют классифицировать и обследовать факты³.

В процессе оценивания обнаруживается *единство* личностного смысла и общего значения, которые пронизывают систему персональных и социальных ценностей. Оценка (как факт) феноменологически выступает *проявлением ценности* (как сущности), другими словами, посредством оценок осуществляется познание, представление в сознании сущности ценностей (как вещей), ценностного бытия. В ходе оценивания ценности актуализируются. В оценке проявляется *ценностная предметность*, ставшая для субъекта предметом оценивания. В ней содержится информация о ценностной предметности, отражаются значимые для субъекта стороны социального бытия.

Во всякой ценности объективная ценностная предметность выявляется только в рефлексии, детерминированной выбором определенных оценочных критериев субъектом. Ценность – это предмет во взаимоотношении с человеком, но это не отражение ценностной предметности в сознании субъекта, каким является в определенном смысле нормирование (эквивалентное оценивание), которое выражает интересы субъекта и представляет собой проявление ценностной предметности, субъективно-обусловленный способ, каким объективная ценностная предметность является субъективному сознанию. Несмотря на то, что ценности содержательно проявляются нерационально, на досознательном уровне (вне сознания), форму ценности приобретают только в процессе нормирования (оценивания в соответствии с созданным эквивалентом, эталоном). Существование ценности в форме нормы есть факт

сознания. В этой плоскости ценность представляет собой не саму вещь, а ее особый (общественный) способ бытия. Оценки и ценностные предметности изменчивы, совершенствуются вместе с трансформациями социальной практики и познаваемы. В процессе оценивания ценностная предметность, как всякое объективное отношение, признак, предмет, открывается познающему субъекту только в его отношениях к ней (объекту оценивания) и выражается сквозь призму социальных отношений. При обнаружении и познании конкретной ценностной предметности (объекта оценивания) происходит осознание функций оцениваемого объекта и их общественной обусловленности.

В этой связи ценности не являются чисто психическим образованием и, в первую очередь, представляют собой *социальный феномен*, продукт социального бытия, жизнедеятельности общественных институтов, социальных страт и групп. Помимо существования в общественном сознании и в объективированной форме в продуктах человеческой деятельности и творчества, ценности общества представлены и в структуре личности конкретных индивидов. Усвоенные общественные ценности включаются в структуру личности в форме личностных ценностей, которые определяются как *идеальная модель Должного*, отражающая в себе опыт жизнедеятельности человеческой общности, присвоенный и интериоризованный индивидуальным субъектом, указывает направление желаемого преобразования действительности и выступает источником жизненных смыслов, приобретаемых объектами и явлениями действительности в контексте Должного. Говоря словами Д.А. Леонтьева, «личностные ценности выступают функционально автономными по отношению к потребностям источниками смыслообразования, подключаемыми при этом индивидуальную жизнедеятельность к жизнедеятельности социума и, в конечном счете, человечества»⁴. В отличие от потребностей личностные ценности освещают жизненный смысл объектов и явлений действительности под углом отношений, устойчивых интересов развития соци-



ального целого, преломленных и осмысленных субъектом в качестве ценностных ориентиров его жизни.

Проблема взаимоотношений ценностей и оценок была необходимой составной частью большинства философских, социологических и психологических концепций, в особенности тех, где специально изучались проблемы человеческой деятельности. В обобщенном виде все исследователи отмечали несколько особенностей: ценности характеризуются одновременно как объективные и субъективные; всё то, что человеку представляется положительным, имеет смысл лишь в силу наличия своего антипода; соотношение между противоположностями ограничивается некоторым субъективно определяемым пределом, за которым дискуссия о ценностях теряет всякий смысл. Со второй половины XIX в. категории «ценность», «ценностный мир», «оценка» и «оценочное суждение» становятся предметом специализированной философской рефлексии. Р.Г. Лотце, подчеркивая интерсубъективный характер ценности, считал, что без чувств субъекта ценности не существует, но оценивающие суждения обуславливаются *объектами* оценки. Должное в известной мере определяет само сущее, поэтому, с точки зрения исследователя, этика является «началом» метафизики. Близкий подход к исследованию аксиологической проблематики использовал А. Ричль (Ritschl), соотносивший предметы веры с формулировками оценочных суждений и утверждавший, что любое познание не только сопровождается, но и *направляется* чувством (то есть оценкой). Ф. Brentano развивает учение о внутреннем опыте как источнике самопрезентации психических феноменов. По его мнению, все психические феномены подразделяются на представления, суждения и душевные переживания. Последние отвечают за чувства удовольствия/неудовольствия, испытываемые субъектом по отношению к объектам, а также наслаиваются на представления и определяют *оценочные* суждения.

Повышенный интерес философии культуры и этики конца XIX в. к оценочно-цен-

ностной проблематике был обусловлен во многом иррациональными идеями Ф. Ницше, не создававшего развернутого учения о ценности, оценке и оценивании, но всегда строившего свою философию жизни на оценочно-ценностном видении мира и выразившего метаэтический принцип призывом к переоценке всех ценностей. Вместе с тем только в начале XX в. в философское пространство для обозначения учения об оценках и ценностях вводится термин «аксиология». Аксиологическая тематика становится едва ли не преобладающей в социально-философской мысли – не остается сколько-нибудь серьезного направления философии, которое не обозначило бы своего отношения к оценкам и ценностям, к их роли в жизни человека и общества. Именно в это время М. Шелер, Э. Гуссерль, Н. Гартман и другие создали фундаментальную теорию ценности, в рамках которой *оценка* (как ценностная ситуация) предполагает наличие трех необходимых компонентов: субъекта («оценивающего»), объекта («оцениваемого») и некоторого отношения между ними («оценивания»). Например, социология только тогда стала подлинным и эффективным учением об обществе, когда в ее основу был положен метод «отношения к ценностям» В. Виндельбанда и Г. Риккерта, впоследствии развитый М. Вебером, Д. Лойрдом и П.А. Сорокиным. П.А. Сорокин, как отмечал Ф. Ковел, произвел революцию в теории социологии, подчинив последнюю ценностям как главной побудительной движущей силе в обществе, показав на деле, что социология является по преимуществу теорией ценности⁵. Д. Лойрд верно прогнозировал, что ценности, возможно, дадут ключ, который, в конечном счете, освободит все гуманитарные науки от их современного положения «патетической поверхности»⁶.

В первой половине XX в. оценочно-ценностная проблематика становится основой социально-философских и гуманитарных исследований. Именно в тот период аксиология полноправно вошла в структуру основных философских направлений. Последующий этап её развития характеризуется критикой и переосмыслением оценочно-ценностных те-



орий. М. Хайдеггер высказал мысль о том, что *ценности* суть логически безупречные псевдопонятия. По его мнению, в определенном смысле ценность выступает немощным и прохудившимся *прикрытием* для потерявшей объем и фон предметности *сущего*⁷. В итоге он сделал вывод, что *оценивание* всего есть *субъективация*, которая оставляет *сущему* возможность *не быть*, а – на правах объекта оценки – всего лишь *считаться*⁸. Б. Рассел, критикуя аксиологию, подчеркивал вненаучность ценностной проблематики. Л. Витгенштейн считал оценочные суждения неverifiedируемыми, а ценности неопределимыми и релятивными. В то же время в критико-теоретическую разработку проблемы оценки и ценности достойный вклад внесли Дж. Дьюи, Р.Б. Пери, Дж.Э. Мур и др.

В герменевтике и феноменологии напрямую не использовался термин «оценка», однако вольно или невольно во многих теориях данных философских направлений разрабатываются под другими названиями оценочные проблемы. Основные категории этих философских концепций («объяснение», «понимание», «истолкование», «интерпретация феномена»), по сути, выражают количественно-качественные характеристики оценивания. В свою очередь, интерпретационные методы являются видами оценочной деятельности. Э. Гуссерль и его последователи, характеризуя интерпретацию феномена как отождествление явления, сущности и бытия объекта, отражают основные моменты *оценочной деятельности* субъекта. Оценивая объект (интерпретируя феномен), субъект непременно выражает свое отношение к проявлению (форме), сущности и бытию самого объекта. Конечно, результат оценочной деятельности может быть истинным или ложным, соответствовать реальности или нет. Вместе с тем при верном оценивании сознание субъекта стремится проявлять, «делать более явным» интересующий его феномен. Начиная с середины XX в., П. Рикер пытается синтезировать феноменологический и герменевтический подходы. В созданной им феноменологической герменевтике он ограни-

чивает субъективность интерпретации (оценки) с помощью специальных методов анализа. Герменевтическое понимание, понятийно близкое к рациональной оценке, осуществляется на нескольких уровнях. Прежде всего, оно нацелено на установление *глубинного смысла*, лежащего в основе поверхностного содержания. Таким образом, П. Рикер и М. Хайдеггер считали, что понимание (адекватное оценивание) является *способом бытия*, а не способом познания. Но вместе с тем, в отличие от М. Хайдеггера, П. Рикер не стремился в своих работах изучать бытие, ограничиваясь герменевтическими проблемами интерпретации. Хотя введенный им принцип «герменевтической арки»⁹ (от понимания к объяснению и от объяснения к пониманию) и не рассматривается им как социально-философская закономерность, по своей сути, так же, как и «герменевтический круг» (В. Дильтей, Ф. Шлейрмахер), он является механизмом межличностных (преимущественно, оценочных) взаимоотношений.

В конце XX столетия зарубежная аксиология имела широкую прикладную направленность, скромную теоретическую значимость и незначительную репрезентативность. В психологических науках ценности включались в механизмы регуляции поведения (А. Маслоу, 1968), в этике ценности и оценки используются как предельные нормативные основания (Ф. фон Кучера, 1992), реализация ценностей и оценки исследуется в философии науки и эпистемологии (Л. Лаудан, 1984) и т.д. По известным причинам отечественная аксиология вплоть до начала 60-х годов XX в. не развивалась в достаточной мере. Только в 1960 г. была опубликована монография В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», положившая начало разработке основных аксиологических понятий с марксистских, естественно, позиций. Затем появились десятки научных статей на эту тему, в 1964 г. на украинском языке вышла книга В.А. Василенко «Ценность и оценка». Исследования советских ученых утверждали «правомерность» рассмотрения понятий «ценность» и «оценка» в качестве категорий марксистско-ленинской философии; термин же «аксиология»



использовался лишь при критике буржуазных концепций. В 1965 г. впервые официально проводится широкая дискуссия по проблеме ценностей в рамках всесоюзной научной конференции. Современная российская аксиология переживает достаточно продуктивные времена, как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. Аксиологическая тематика представлена и самостоятельно (в рамках философии), и в различных социально-гуманитарных, технических и экономических науках (в рамках психологии, социологии, метрологии, экономики, квалиметрии, юриспруденции и других).

Основными проблемами теоретической аксиологии являются вопросы о том, какова природа ценности; существует ли ценность реально, объективно или она существует благодаря нашему сознанию субъективно. Без решения этих и других проблем нельзя сформировать полное и верное представление о социальной сущности феномена оценки. Несмотря на то, что понятие ценности было введено в философский лексикон очень давно, и в него вкладывался вполне определенный смысл («значимость чего-либо в отличие от существования объекта или его качественных характеристик»¹⁰), до сих пор этот термин не имеет однозначной дефиниции. Основная проблема ценности заключается в том, что всякая наука и философия рассматривают мир таким, каков он есть, каким он дан в действительности, а не таким, каким он кажется человеку, в каком значении предстает перед ним. Иными словами, наука воспринимает мир с помощью предиката «*есть*». Однако в мире есть такие вещи, которых материально не существует. Например, достоинство – его нельзя измерить тем, что существует на самом деле. Это же относится и к *идеалу*. Реальная действительность никогда идеальной не бывает, в ней всегда наряду с добром существует зло. Идеал же выступает как некое требование, долженствование. Независимо от того, в какой мере *идеал* осуществлен реально, он сам по себе остается *абсолютным*. На то он и идеал, говоря словами О.Г. Дробницкого. Идеал переносится в «иное измерение» мироздания, в

мир без пространства и времени. В результате, человек и его мир оказываются разорванными на две части – на сферу *должного* (мир ценностей) и на *действительность*, которая никогда не сможет согласоваться с должным.

В другом случае ценности – все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений, которые *можно оценивать* в плане добра и зла, истины и неистины, красоты и безобразия, допустимого и запретного, справедливого и несправедливого и т.д. Также ценностями можно назвать предпочтительные для индивида или группы значения явлений. Это представления о значимом, важном, которые детерминируют жизнедеятельность человека, позволяют ему различать желательное и нежелательное, то, к чему следует стремиться и чего следует избегать. Ценность – это положительная или отрицательная *значимость* какого-либо объекта, выполняющая нормативную, предписательно-оценочную функцию в отношении явлений общественного сознания. Кроме того, А.А. Ивин еще выделял *нулевые ценности* и отмечал, что слово «действие» является общим именем не только для собственно действия, но и для воздержания. Поэтому ценностное отношение имеет место как в том случае, когда предмет оказывается объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, так и в том случае, когда предмет исключается субъектом из сферы своих интересов, когда ему приписывается «нулевая ценность»¹¹.

Различаются *предметные* ценности (естественное благо и зло, потребительская стоимость продуктов труда, культурное наследие прошлого, моральное добро и зло, эстетические характеристики объектов) и *субъектные* ценности (общественные нормы, идеалы, проекты, принципы действия, цели). Предметные ценности можно отождествлять с ценностными характеристиками (свойствами) предметов. К ценностям сознания относятся идеи о должном, справедливом, прекрасном, благе, счастье, свободе, боге, которые формируют идеалы, нормы поведения, критерии оценки, принципы переустройства



общества. Здесь ценностями сознания выступают ценностные представления. Предметные ценности являются объектами направленных на них потребностей, интересов, устремлений. Внешний предмет (продукт потребления, природный пейзаж, совершенный кем-то поступок, явление общественной жизни) вызывает к себе положительное или отрицательное отношение со стороны человека. Ценностные представления выражают это отношение в субъективной, идеальной форме. Это потребности и интересы, переведенные на язык мыслей и чувств, понятий и образов, представлений и суждений. Предметные ценности являются *объектами* наших *оценок*, их достоинство надо еще установить. Ценностные представления позволяют производить *оценивание* (это как бы оптическая призма, через которую люди рассматривают окружающую действительность, чтобы определить ее значение для себя). Оценивая какой-то отдельный поступок, человек пользуется имеющимися у него *представлениями* о добре и зле вообще. На основании своих ценностных представлений люди не только *оценивают* *сущее*, но и выбирают определенные поступки, требуют и добиваются справедливости, осуществляют то, что является для них благом.

В широком смысле слова, все ценности можно разделить на материальные и духовные. *Материальные* относятся к ценностям, определяющим повседневные потребности человека, например к вещам. В отличие от материальных ценностей *духовные* соответствуют умственной, эмоциональной и волевой способностям. Понятие ценности относится к *свойству объекта*, которое удовлетворяет желание субъекта. Другими словами, когда объект обладает определенным свойством, удовлетворяющим желанию или воле субъекта, и признается субъектом в качестве отвечающего его требованиям, это особое свойство объекта можно назвать ценностью. Ценность есть *нечто*, принадлежащее объекту. Она становится реальной, только если субъект признает ее в качестве таковой. Например, есть нечто (цветы), ценность этих цветов не станет реальной, пока кто-либо

(субъект) не осознает их красоту. Чтобы ценность обозначилась, субъект должен *признать* свойство объекта и *оценить* его как имеющее значимость.

Наряду с разделением ценностей на материальные и духовные их можно классифицировать соответственно общеизвестным областям социальной жизни (производство, потребление, экономика, политика, право, мораль, искусство, религия), иногда выделяют *познавательные* ценности, подчеркивая значимость знания и истины. Оценивание означает выявление количественных и качественных характеристик ценности. *Количественная* характеристика ценности включает в себе ее количественную оценку («красивый/некрасивый»). При определении *качественных* признаков ценности (красоты) оцениваются присущие ей различные оттенки (изысканность, благоговение, возвышенность, оригинальность, утонченность). Один и тот же предмет *оценивается* различными людьми по-разному. Например, если луну наблюдают разные люди, одному она может показаться грустной, другому – веселой. Если один и тот же человек смотрит на луну в грустном, а потом в радостном настроении, то она может казаться ему грустной или веселой. Разное восприятие красоты зависит от установки и настроения, в котором пребывает субъект. Это справедливо не только по отношению к красоте, но и по отношению к добру и истине; то же самое относится и к вещным ценностям. Таким образом, различие в количественных и качественных признаках предмета зависит от оценки субъекта, переносимой им на объект. Иными словами, условия субъекта могут влиять на определение ценности, что называется «*субъективным действием*».

Определение ценности и оценки, данное представителями марксистского подхода в конце XX в. (В. Брожик, Ю.Д. Гранин, О.Г. Дробницкий и др.), представляется целостным и продуктивным. Не только человек существует как общественный субъект, но и существование мира вещей (природных или искусственно созданных объектов) также приобретает в процессе практики *общественный ха-*



рактик. По мере развития практической деятельности «ценность» включает в себя все большее число предметных элементов природы, которые, оставаясь частью природы, в то же время становятся «общественными предметами». К. Марксом термин «wertgegenstandlichkeit» использовался для обозначения определенного свойства вещей, а именно – для характеристики их бытия в качестве ценностной предметности (*общественного бытия*), для выделения существования их общественного предмета. Категория «ценностная предметность» выражает онтологический статус бытия «общественных предметов». В *оценке* проявляется как общественное положение *объекта* в отношении *субъекта*, так и положение *субъекта* в отношении *объекта*. Если ценностная предметность является продуктом опредмечивания в ней человека, а потому – общественным бытием вещей и отношений, то *оценка* – суждением о мере этого опредмечивания и его сущности¹². Поскольку такое суждение возможно, оценка служит незаменимой *формой самосознания* субъекта. Сознывая, чем являются для него вещи и отношения практики, субъект сознает то, чем он *сам является* в этой практике.

В заключение необходимо отметить, что в XX в. оценочно-ценностная концепция с разной степенью интенсивности развивалась в различных сферах философии и науки. В ходе историко-философского исследования выяснилось, что оценивание представляет собой процесс, в ходе которого ценностная предметность (сущность) предмета, события, факта, феномена реализуется в форме той или иной ценности или относится к разряду неценностей. Оценивание – необходимый момент и средство развития содержания сознания, универсальное свойство субъекта, которое выражает продуктивно-функциональный характер субъектно-объектной и субъектно-субъектной взаимосвязи¹³. Оценивание осуществляется во всех формах челове-

ской жизни, в процессе проявления которых познаются природа, общество и личность. Посредством оценивания выбираются те объекты, которые значимы, нужны человеку и обществу. С оцениванием взаимосвязаны такие категории, как цель, интерес и идеал, имеющие огромное значение для социального созидания, общественного строительства, нравственного развития личности. Вместе с тем историко-философское исследование проблемы оценки в философии и науке XX в. нельзя считать завершенным потому, что в настоящее время постоянно появляются новые идеи и факты, которые требуют глубокого переосмысления, дальнейших изысканий и неизбежных уточнений.

Примечания

¹ См.: Вендина Т.И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования / Т.И. Вендина // Славяноведение. 1997. №4.

² См.: Brightman E.Sh. Nature and value / E.Sh. Brightman. N.Y., 1945. P.57.

³ См.: Sartre J.P. Esquisse d'une théorie des émotions / J.P. Sartre. P., 1948. P.3.

⁴ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. М., 2003. С.124.

⁵ См.: Covell F.R. Values in human society. The contributions of P.A. Sorokin to sociology / F.R. Covell. Boston, 1970. P.49.

⁶ См.: Loird J. The Idea of value / J. Loird. Cambridge, 1929. P.19.

⁷ См.: Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. М., 1993. С.56.

⁸ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. С.212.

⁹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. М., 1995.

¹⁰ Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов / О.Г. Дробницкий. М., 1967. С.8.

¹¹ См.: Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. М., 1970. С.230.

¹² См.: Брожек В. Марксистская теория оценки / В. Брожек. М., 1982. С.128.

¹³ См.: Сутужко В.В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» / В.В. Сутужко // Эпистемология & Философия науки. 2008. №4. С.108–125.

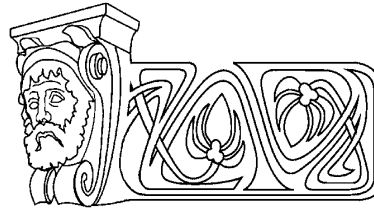


УДК1(430)+929Гуссерль

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЦИЗМА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

В.В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: feller-vv@mail.ru



Понятие «историцизм» существует в двух вариантах, представленных Э. Гуссерлем и К. Поппером. У первого оно противоположно абсолютному идеалу научной философии, у второго знанию «нашей» эпохи. Преодоление историцизма Гуссерль видит в осмыслении «духовных мотиваций» развития человечества в «монадическом единстве сознания».

Ключевые слова: историцизм, историзм, феноменология, романтизм.

The Notion «Historicism» in the Husserl's Phenomenology

V.V. Feller

Historicism as notion has two variants formulated by E. Husserl and K. Popper. Husserl opposed this notion to the eternal ideal of scientific philosophy, Popper opposed it to the «our» epoch knowledge. The overcoming of historicism Husserl sees in the «spiritual motivations» comprehension of mankind development in the «monadic unity of consciousness».

Key words: historicism, historizmus, phenomenology, romanticism.

Заслугу первоначального обоснования понятия «историцизм» часто относят на счет К. Поппера и датируют тридцатыми годами XX в.¹ На самом деле ввёл его Э. Гуссерль. В данной статье предложено исследование сущности этого понятия. В работе «Философия как строгая наука» (1911) он противопоставил историцизму и натурализму идею научной философии. Н.С. Плотников в этой связи отмечает, что попперовская «эволюционная теория познания с её тезисом о невозможности обоснования науки сама является «историцизмом» в гуссерлевском смысле»². Таким образом, следует отличать два различных смысла понятия «историцизм». У Гуссерля оно противостоит абсолютной идее научной философии, у Поппера выражает сущность эссенциально-холистических конструкций истории. Гуссерль считает, что ошибка историцистов заключается в том, что они отказываются от идеи «строгого научного исследования», данной сознанию в виде некоего созерцаемого «единства духовной жизни», в котором постепенно открывается и уточняется «морфологическая структура»

исторического развития. Поппер же полагает, что историцисты совершают ошибку, пытаясь в опоре на интуицию и созерцание создать умозрительную конструкцию исторического процесса. Отсюда следует не только различие, но прямая противоположность двух вариантов данного понятия, разделённых основополагающим воззрением на всеобщую историю и возможность ее познания.

Основатель феноменологии, осмысливая творчество В. Дильтея и дав ему высокую оценку, определил слабое место в его учении – «философию мировоззрения», которая объявляет мировоззрение каждой эпохи *метафизикой современности*, определяющей начальные и конечные условия познания мира. Началом болезни системной философии, идущей от Сократа и Платона, вершины достигшей в учении И. Канта, для него стал постфихтевский «романтический поворот». Именно из романтической философии, уверен он, вышло учение Г.В.Ф. Гегеля, которому и адресуются критические аргументы как главному виновнику отхода философии от принципов строгой научности. Романтизм ослабил волю философии «к строгой системной науке». Гегель же, завершая философию романтизма, под видом развития «метода», совершил подмену своей диалектикой подлинной критики разума. Он, более чем кто-либо, способствовал утверждению в науках о духе принципов и методов «рационализма XVIII века», так как устранил «всякую абсолютную идеальность и объективность оценки». Его учение «об относительной истинности всякой философии для своего времени» способствовало утрате «веры в абсолютную философию вообще»³.

Гегель утвердил презентизм в качестве исходного и конечного принципа исторического мышления. Он сделал это, подчинив



историческое сознание задаче идеологического обоснования «исключительных прав» Современности⁴. Свое обоснование он вел с точки зрения идеи гуманности (философии субъективности), намеренно «забывшей» о пред-данной ей религиозной форме. Ю. Хабермас пишет о том, что Гегель «отправляет в отставку и христианскую религию». Он впервые предлагает понять модерн, исходя исключительно из его собственного принципа⁵. Именно поэтому Ф. Ницше назвал Гегеля первым из «последышей времен»⁶. После крушения гегелевской метафизической системы образовавшийся метафизический вакуум был немедленно заполнен преимущественно натуралистскими построениями позитивистской философии и воинствующего материализма. Но затем последовала реакция, правда, только в сравнительно узких кругах высокой науки о духе. Гуссерль говорит об антинатуралистском повороте в западной философии на рубеже XIX и XX вв. как о духовной потребности и духовном порыве своего поколения⁷. Он тоже охвачен этим порывом. Желая разорвать порочный круг, в котором мировоззрение попеременно подпадает то под иго натурализма⁸, то под иго историцизма, он острее своей мысли направляет на обоснование необходимости возвращения к принципам научной философии.

Историцизм он отождествляет с развитием трех основных моментов учения Гегеля: релятивизацией исторического мышления, презентизмом исторического сознания и скептицизмом основного, соответствующего эпохе расположения духа. В позитивном же плане своё предметное основание «освободившийся» от метафизики историцизм нашёл в исследовании «мировоззрений» и «эпох», рассматриваемых как полностью автономные вещи особого рода, не связанные не только с другими вещами, но и, прежде всего, между собой. Абсолютизация разрыва между культурами, эпохами, мировоззрениями означала радикализацию индивидуальности этих «вещей», превращаемой в *единственность*. Исторический универсум здесь превратился в множество не связанных одна с другой единственностей, из которых привилегированное

место, естественно, занимала последняя, современная, «наша» эпоха. Следовательно, единственность самого исторического универсума, т.е. всеобщей истории человечества, здесь исчезала как значимость, как философская ценность.

Давая определение натурализму, философ замечает, что «натуралист, говоря вообще, в своём поведении – идеалист и объективист», он скрытно «натурализирует разум»⁹. Натурализация разума происходит в силу того, что над ним получают власть до конца им не осознаваемые идеалы и принципы естествознания. Поэтому естественно-научный подход, успешно решая технические задачи, не способен прояснить основные философские вопросы о человеке, мире и жизни. Он подводит к неверным ответам, в которых научные истины несут на себе незримые печати: 1) презентистского самозамыкания сознания; 2) процедурной теории истины, удовлетворяющейся фиксацией «отношений» и «эффективностью применений»; 3) поведенческой прагматики, основанной на идее прогресса. Эти демоны натурализма возносят на недостижимую вершину присвоенные «последним поколением» право «последнего слова» и право суда. Высшим достоинством живущего и действующего человека тут становится право вершить суд над прошлым, не обращая внимания и на будущее. Ведь любая истина будущего якобы будет искусственно создана из предпочтений очередной современности и её «властителей дум».

Историцизм раскрывается Э. Гуссерлем как релятивизм, презентизм, скептицизм. Натурализм воплощается в презентизме, перфекционизме и оптимистической вере в прогресс. Скептицизм в отношении истории противостоит оптимизму веры в прогресс, духовно-культурный релятивизм имеет противоположный вектор по отношению к «процедурному» насаждению исторических идентичностей. Следовательно, подлинная общность историцизма и натурализма заключается в их презентизме. Это значит, что общее основание как натурализма, так и историцизма заключается в их совместном противостоянии идее единства всеобщей истории человечества и утверждению абсолют-



ных прав современности, не считаясь ни с прошлыми, ни с будущими поколениями.

Выход из тупика, в который загоняют человеческий разум историцизм и натурализм, философ видит в открываемой феноменологическим методом способности рассматривать психические феномены не как внешним образом «являющиеся в опыте» реальности, а как «созерцательно усвояемое переживаний». Опытное познание психического феномена – это воспоминание и согласование в сознании этого воспоминания с другими воспоминаниями; но основанием для согласования феноменов является исходное «"монадическое" единство сознания», формы которого не имеют «ничего общего с природой, пространством и временем, субстанцией и причинностью». Наиболее общей формой становится «неограниченный поток феноменов» как «перечень всепроникающего единства», внутреннего времени, «лишённого начала и конца»¹⁰.

В основу феноменологического исследования здесь положено представление о самосознании как «монадическом» единстве сознания. Рассматривая «теоретико-познавательное заблуждение» историцизма В. Дильтея, философ признаёт способность к «вживанию» в смысл исторически реконструируемого образования, но отвергает претензии такого «вживания» на определение относительной ценности проясняемых смыслов культур и эпох. Он подчеркивает значение истории «в широком смысле», так как в ней открывается общий дух, равно как в естествознании открывается природа в ее пространственно-временных, физических свойствах и отношениях. Но для философии «история» все же важнее, чем «природа». Сравнивая описательную психологию Дильтея со своим феноменологическим проектом, он делает вывод, что первая даёт основание наукам о духе, а вторая – самой философии духа¹¹. В этом состоит, во-первых, признание родственности описательной психологии феноменологическому проекту; во-вторых, указание на ее ограниченность, неспособность связать миросозерцательные единства эпох во всеобщее единство истории разума. Причина этой неспособности заключается в эм-

пиризме исторического исследования, тогда как для познания исторического универсума востребовано феноменологическое исследование «чистых форм», исходящее из самосознания человека как существа родового.

Чтобы приблизиться к созерцанию «чистой формы», следует признать ограниченность дильтеевского метода «вживания» и дополнить его методом определения относительной ценности духовных единств и их смыслов, уже раскрывшихся в истории. Для этого необходимо критически ограничить идею гуманности, которая являет собой современную вариацию «идеала мудрости и глубокомыслия», противоположного идеалу «философии как строгой науки». *Исследование* как таковое должно встать над *идеалом*. На исследование следует смотреть как на *вневременной* процесс, т.е. не имеющую ни начала, ни конца практику духовного формообразования. Это практика прояснения первичной формы, не имеющей образа. Она не может быть ограничена объективистски, т.е. оптически, фиксированным идеалом. Для эмпирического человека, т.е. для нас с вами, она лишь «является» – в качестве вечной необходимости *движения к ясности*¹². Философ говорит о сверхвременном характере идеи науки, поскольку она «не ограничена никакими отношениями к духу времени». Дух времени и идеал эпохи не могут быть и «несовершенным осуществлением» идеи науки, так как противоположность между ними неустранима. Ее можно лишь прояснить исследованием, философско-историческим по предмету и феноменологическим по методу¹³.

Реализация единой идеи человечества – это, для Гуссерля, не только теоретический, но и практический вопрос. Историческая философия, которая сейчас является «самое большее, научным полуфабрикатом или неясным и недифференцируемым смешением миросозерцания и теоретического познания», не помогает нам разгадать ни одной из великих загадок действительности, человека, мира и жизни, но даёт возможность двигаться дальше, в научную философию. Последняя же через преодоление общего как для натурализма, так и для историцизма «суеверия



фактичности» обогатит «сокровищницу вечных значимостей, которая должна служить благополучию человечества»¹⁴.

Цель феноменологии состоит в том, чтобы дать основание этой, ныне аморфной, исторической философии, сориентировав философско-историческое познание на прояснение структуры «вечных значимостей». Для этого она должна устранить препятствия в лице идеала гуманности и вообще – идеала мудрости и глубокомыслия. Так будет создано основание для философского сравнения смыслов, которые реализовались в последовательности следующих одна за другой исторических эпох. «Всякое духовное образование, – говорит философ, – понимая это слово в самом широком смысле, охватывающем собой общественные единства всех родов: на низшей ступени единство самого индивидуума, но в то же время и любое культурное образование – имеет свою внутреннюю структуру, свою типичность <...> Все видимо устойчивое находится в потоке развития. Если мы вживемся путем глубоко проникающей интуиции в единство духовной жизни, мы в состоянии интуитивно нащупать господствующие в ней мотивации и благодаря этому “постичь” также сущность и развитие любого духовного образования в его зависимости от духовных мотивов единства и развития». Отсюда вырастает «громкая задача исследовать морфологическую структуру, типичность» символических форм, «а также связи их развития, и затем путём глубочайшего их переживания довести определяющие их сущность духовные мотивации до исторического уразумения»¹⁵.

Подводя итоги рассмотрению понятия историцизм, следует отметить четыре момента. Под общим именем «историцизм» в философском дискурсе используют два противоположных понятия – обобщенные Э. Гуссерлем и К. Поппером. Историцизм «по Гуссерлю» является сравнительно недавним историческим феноменом, остановившим в пер-

вой половине XIX в. поступательное развитие научной философии духа (исторической философии) и «извратившим ее пути»; его сущность – в релятивизме, презентизме и скептицизме. Поэтому возвращение исторической философии на «пути праведные» он связывает, прежде всего, с преодолением аморфного историцистского состояния. Преодоление фрагментации всеобщей истории может произойти посредством метода феноменологической актуализации «”монадического” единства сознания» и осмысления в нем «духовных мотиваций» развития человечества.

Примечания

¹ См.: Згурский Г.В. Словарь исторических терминов / Г.В. Згурский. М., 2008. С.181; Кукарцева М. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории / М. Кукарцева // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С.50.

² Плотников Н.С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея / Н.С. Плотников // Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. М., 2000. Т.1. С.21–22.

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль // Логические исследования. Картезианские размышления: Сб. Минск; М., 2000. С.672–673.

⁴ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. М., 2003. С.12–22.

⁵ См.: Хабермас Ю. Указ. соч. С.42–43.

⁶ См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров: Сб. М., 2000. С.84–85.

⁷ См.: Гуссерль Э. Указ. соч. С.674.

⁸ Необходимо отметить, что в немецкой философии начала XX в. понятие натурализма приобрело не только широкий, но и онтологический смысл. Например, для Э. Трельча оно означало сущность картезианства, исходящего из математической связи опыта с сущностью пространства (см. Трельч Э. Историцизм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. М., 1994. С.83–86).

⁹ Гуссерль Э. Указ. соч. С.676–677.

¹⁰ Там же. С.700–703.

¹¹ Там же. С.724–725.

¹² Там же. С.726–733.

¹³ Там же. С.731–733.

¹⁴ Там же. С.734–741.

¹⁵ Там же. С.718–719.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Л.С. Акопян

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: akolubov@mail.ru

В статье анализируется содержание страхов слабослышащих детей младшего школьного возраста, приводятся результаты сравнительного анализа страхов слабослышащих детей с содержанием страхов детей нормы. В качестве исследовательского инструментария использованы разработанный автором структурный опросник детских страхов (СОДС) и проективная методика «Нарисуй свой страх». Выявлены количественные и качественные отличия в содержании страхов, также выделены и описаны страхи, присущие слабослышащим детям.

Ключевые слова: страх, слабослышащие дети, эмоциональное развитие, вербальное и невербальное содержание страхов.

The Peculiarities of Fear Among Hearing-Impaired Children of Primary School Age

L.S. Akopyan

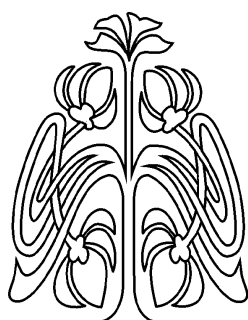
The content of fears among hearing-impaired children of younger school age is analyzed in the article, the results of the comparative analysis of fears among hearing-impaired children with the content of fears among normal children are revealed. As a research toolkit the structural questionnaire of children's fears developed by the author (SQCF) and a projective technique «Draw the fear» is used. Quantitative and qualitative differences in the content of fears are revealed; the fears inherent in children hard of hearing are allocated and described.

Key words: fear, situation of fear, hearing-impaired children, emotional development, the verbal and nonverbal contents of fears.

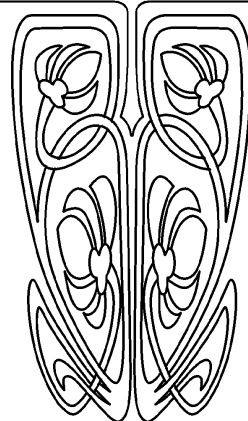
В работах отечественных и зарубежных психологов проблема детских страхов занимает особое место. Страх считается наиболее сильной и опасной из всех эмоций, оказывающей значительное воздействие на психическое развитие ребенка¹. Современные дети испытывают страхи, вызванные ежедневными сообщениями в средствах массовой информации о террористических актах, войнах, катастрофах и различных преступлениях. Проблема детских страхов все более обостряется в связи с масштабными изменениями в общественно-политической и экономической жизни современной России.

Особый отпечаток оставляет страх у детей с депривацией полноценного общения. Совершенно очевидно, что их эмоциональная сфера требует постоянного изучения, так как она подвержена большей деформации, обусловленной физиологическими различиями. Дети обеднены также полноценным общением с окружающими людьми в связи со спецификой их аудиального мира.

Сравнение детей с нарушенным слухом и с нормой развития говорит о том, что у первых наблюдаются нарушенное развитие психологического опыта, вызванное ограниченным сенсорным опытом, отставание в сроках формирования психических функ-



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





ций и качественные отклонения в развитии психической деятельности в целом². Развитие слабослышащего ребенка находится под влиянием многих факторов, начиная с позиции родителей и кончая фрустрацией из-за невозможности добиться понимания, причем сам недостаток звуковых раздражителей оказывает, безусловно, наиболее глубокое воздействие³.

Как отмечает Т.Д. Богданова, «личность ребенка с нарушением слуха формируется в ходе усвоения социального опыта, в процессе общения с взрослыми и сверстниками. Окружающая социальная среда раскрывается перед ним в столкновении с той или иной реальной позицией, которую ребенок занимает в системе человеческих отношений. При этом большое значение имеет и то, как он сам относится к своему сенсорно ограниченному положению»⁴.

Сложившаяся экономическая и социальная ситуация в нашей стране обусловила повышение уровня тревожности и страхов как у взрослых, так и у детей. Особенно к этому чувствительны дети, имеющие затруднения в своем развитии, как психологические, так и физические. Частичная сенсорная изоляция, безусловно, сказывается на эмоциональном развитии слабослышащего ребенка, и этой проблеме уделяется много внимания. В то же время содержание страхов данной группы детей, на наш взгляд, недостаточно исследовано. Целью нашего исследования явилось изучение содержания страхов слабослышащих детей и детей нормы, а также специфика их вербальной и невербальной представленности.

В исследовании приняли участие 120 детей: из них 60 – младшего школьного возраста – обучаются в специальном интернате для слабослышащих. У обследованных нами детей отмечалась двухсторонняя нейросенсорная тугоухость, некоторые дети пользовались специальными аппаратами. Противоположную группу составили 60 детей с нормой здоровья. Диагностическая работа проводилась с каждым ребенком индивидуально. Наше знакомство со слабослышащими детьми носило продолжительный характер, чтобы обеспечить привычную для каждого ре-

бенка ситуацию проведения исследования. Незначительная разница в стимульном материале для слабослышащих детей в отличие от детей нормы состояла в том, что помимо устных вопросов им выдавались отдельные карточки с каждым вопросом: это упрощало восприятие детьми предъявляемых вопросов.

Испытуемым было предложено ответить на вопросы структурированного опросника по выявлению детских страхов (СОДС), разработанного автором⁵. Опросник состоит как из открытых, так и закрытых вопросов, которые позволяют получать информацию не только количественного, но и качественного характера. Включение открытых вопросов в анкету дает возможность получения разносторонней информации непосредственно от самого ребенка со всеми ее оттенками, а также выявления нового содержания страхов (социально-экономические изменения в жизни общества, необычные ситуации и т.д.). Вопросы открытого характера позволяют детям свободно, по своему усмотрению отвечать на них, а опрашиваемому получать дополнительную информацию. Анкета состоит из 7-ми блоков, содержащих 18 вопросов. Первый блок вопросов имеет вводный характер, здесь выясняется наличие или отсутствие страхов у детей, а также содержание страхов. Во втором блоке объединены вопросы, определяющие частотный и интенсивный характер переживаемых страхов. Третий состоит из определяемых детьми страхов в их временном измерении: в прошлом, в настоящем и в будущем. В четвертом выявляются пространственные страхи: дети определяют самое опасное и безопасное для себя место. Пятый блок включает наибольшее число вопросов, в которых рассматривается проекция страхов детей на микро- и макросредовое окружение: родители и взрослые, друзья и сверстники. В шестом выявляется морально-нравственная установка в оценке переживания страха. Седьмой блок определяет способы совладания со страхами, используемые самими детьми.

Таким образом, во множестве высказываний детей о своих страхах выявляются количественно-качественные, пространственно-временные, микро- и макросредовые, а также



морально-нравственные и саморегуляционные характеристики обычно переживаемых страхов. Содержание вопросов таково, что они не провоцируют и не закрепляют тех или иных страхов. Сочетание сформулированных нами вопросов позволяет выявлять установки соглашательства или негативизма.

Дополнительно к анкете, позволяющей выразить содержание страхов у детей вербально, использовалась проективная методика с релевантной тематикой «Нарисуй свой страх». Это позволило получить дополнительно к вербально выраженным страхам их образное представление у детей⁶. В ходе проведения рисуночного теста ребенку предлагается выразить на бумаге всё то, чего он боится. Важным преимуществом рисования слабослышащими детьми объектов страха является то, что в связи с затруднениями речи рисование может передать больше информации о реально переживаемых детьми страхах, не всегда обнаруживаемых в вербальных методиках.

Данные, полученные в ходе проведения методики СОДС, позволяют говорить о наличии качественных и количественных различий в содержании страхов слабослышащих детей и обычных школьников (при сравнении двух выборок по качественно и количественно определенному признаку использовался критерий Фишера ϕ).

Результаты изучения содержания страхов слабослышащих детей показывают, что подавляющее большинство учащихся (90%) признают у себя наличие страхов: это 50% мальчиков и 40% девочек. Отрицают наличие страхов 7% мальчиков и 3% девочек. В целом для всей выборки характерны страхи животных: собак, медведей, пауков, змей («Маленькие собаки больно кусаются», «Дикие животные, которые живут в лесу, могут неожиданно напасть»). Далее по убывающей следуют: страх темноты, смерть близких, страх высоты («Когда смотрю из окна, боюсь упасть вниз, разбиться»), страх взрывов (терактов).

Проанализируем частоту испытывания страхов («Чего ты боишься чаще всего?») (табл. 1).

Таблица 1

Показатели содержания страхов по частоте их переживания, %

Виды страхов:	Выраженность страхов у:		Наличие значимых различий
	слабослышащих	детей нормы	
животных	38	16	$p < 0.01$
темноты	14	17	–
других людей	11	–	–
потусторонних сил	8	16	$p < 0.01$
транспорта	12	–	–

Подавляющее большинство детей чаще всего боится животных (медведя, осу, паука, собаку). Далее в порядке убывания преобладают страхи: темноты, других людей, потусторонних сил. Слабослышащие дети в отличие от обычных школьников отмечают страх других людей, возможно, обусловленный сенсорными особенностями, так как они чувствуют себя неуверенно в окружении незнакомых людей, боятся быть непонятыми ими. Страх транспорта, на наш взгляд, связан с тем, что этим детям гораздо труднее ориентироваться на улице, чем их здоровым сверстникам (страх «не услышать приближающийся транспорт», «не успеть вовремя перейти дорогу»). Значимые различия выражены в переживании страха потусторонних сил (индуцированные СМИ) и страхе животных.

Данные по интенсивности переживания страха («Чего ты боишься больше всего?») выявили значимые различия в страхе животных (пауки, жуки, пчелы, собаки, змеи, медведи) и темноты (табл. 2). Первый вид страха характерен и для детей нормы, так как встреча с этими животными вызывает страх за свою жизнь (волки, медведи) и неприятные ощущения (пауки, тараканы). Далее в порядке убывания следуют страхи одиночества и страшных сновидений, характерные в данном случае для слабослышащих детей.

Нами отмечено, что большинство слабослышащих испытуемых на вопросы («Чего ты боишься чаще всего?») и «Чего ты боишься больше всего?») отвечали одинаково, так как эти вопросы показались им похожими. Как известно, мышление у слабослышащих детей младшего школьного возраста развивается чуть медленнее, в отличие от их здоровых сверстников, в силу дефекта слуха⁷.



Таблица 2
Содержание страхов по интенсивности переживания, %

Виды страхов:	Выраженность страхов у:		Наличие значимых различий
	слабо-слышащих	детей нормы	
животных	29	12	$p < 0.01$
темноты	29	15	$p < 0.05$
одиночества	10	–	–
страшные сновидения	10	–	–
потусторонних сил	4	5	–

Во временном измерении, от прошлого к будущему, наблюдается следующая картина определяемых детьми страхов: у сенсорно депривированных детей по сравнению с обычными школьниками лидирует страх животных: в прошлом – 39%, в настоящем – 32%. Большое количество детей в обеих группах отмечают страх темноты в прошлом; в настоящем этот страх умеренно выражен; что касается учебных страхов, то существенных различий между обследованными группами не наблюдается.

В будущем вся выборка исключает страх животных, темноты и учебные страхи. Но слабослышащие дети предполагают в будущем наличие страхов в сфере взаимоотношений: «с директором», «начальством», «людьми». В то же время слабослышащие считают, что в будущем они смогут ничего не бояться, и связывают с ним большие надежды («я вылечусь», «буду лучше слышать» и т.д.). Как отмечают дети, уверенность будет возрастать, и они станут более успешными в жизни. Можно отметить тот факт, что во временном измерении, от прошлого к будущему, увеличивается количество слабослышащих детей, отрицающих наличие страхов, 87% объясняют это тем, что взрослые «никогда и ничего» не должны бояться. Только два человека отметили, что в будущем у них могут возникнуть медицинские страхи, в частности, страх больницы. Дети нормы не отрицали наличие у себя страхов в будущем.

Данные по содержанию пространственных страхов (дети определяли самое опасное и безопасное для себя место, отвечая на вопросы «Есть ли такое место, где ты ничего не боишься?»; «Где тебе страшнее всего?») выявили следующую картину: слабослышащие

дети называют самым безопасным местом дом и школу, в то время как их сверстники не считают последнюю безопасным местом. В школе для слабослышащих детей проводятся специальные занятия, они ощущают заботу, ласку, понимание не только со стороны учителей, но и со стороны сверстников. Для обычных же школьников школа это место, где они не всегда чувствуют себя защищенными. Можно отметить специфику одного из «безопасных мест» для слабослышащих детей младшего школьного возраста, многие из которых отметили, что они ничего не боятся, когда находятся в закрытом помещении.

Называя опасное место, обе группы детей значительно расширили этот перечень по сравнению с безопасным. Слабослышащими испытуемыми перечислены следующие «опасные» места: в темноте (20%), на большой улице, где много людей и машин (13%), в многолюдных помещениях. В список опасных мест входят также лес, темные помещения и дом, если ты в нем один, что характерно и для обычных школьников. Отмеченный испытуемыми страх перед причинением физического ущерба, возникающий на больших улицах, где много машин и людей, можно отметить как специфический для слабослышащих детей младшего школьного возраста. Очевидно, он обусловлен особенностями психического развития таких детей, вследствие сенсорной депривации, и основан на инстинкте самосохранения. В многолюдных помещениях слабослышащие дети ощущают тревогу и испытывают определенный дискомфорт в общении с большим количеством людей. Обычные школьники, наоборот, чувствуют себя комфортно в помещениях, где много людей, и, более того, чувствуют себя в определенной безопасности.

Отношение родителей к проявляемым страхам ребенка («Как твои родители относятся к тому, что ты боишься?») различно (табл. 3).

Большинство родителей слабослышащих детей демонстрируют такое поведение, которое мы определяем как негативно-действенное отношение к страхам ребенка: «ругают», «подсмеиваются», «обзывают», «ставят в угол»



Таблица 3

Отношение родителей к страхам детей, %

Отношение родителей:	Выраженность страхов у:		Наличие значимых различий
	слабо-слышащих	детей нормы	
успокаивают	22	33	–
ругают	27	11	$p < 0.01$
говорят «Не бойся»	52	10	$p < 0.01$

и т.д. Ответы мальчиков составляют большинство, что, вероятно, объясняется традицией семейного воспитания, согласно которой «мальчики ничего не должны бояться». Подавляющее большинство родителей, говоря «не бойся», в данном случае просто отмахиваются от проблем своих детей. В ответах обычных школьников отмечается, что «родители учат, как не бояться».

В ответах на вопрос «Как ты думаешь, есть ли люди, которые ничего не боятся?» количественных различий не выявлено, но в содержании они присутствуют. Слабослышащие дети (63.3%) признали, что есть люди, которые ничего не боятся, причем перечень называемых лиц разнообразнее, чем у обычных школьников (охотники, пожарники, дрессировщики, ученые, воспитатели, «геркулесы»). По высказываниям детей можно заключить, что воспитатели в жизни слабослышащего ребенка занимают особо значимое место (безгранично доверие детей к ним, так как они всегда рядом, и они все понимают, все могут), на втором месте находятся ученые, которые имеют особый статус как люди, которые придумывают особые слуховые аппараты, помогают в учебе (фильмы для глухих и другие технические средства). Обычные школьники (61%) выделяют милиционеров, собственных родителей. Количество мальчиков, признающих наличие таких бесстрашных людей, больше, чем девочек.

Показатели морально-нравственной оценки в переживании страха («Как ты считаешь, бояться чего-нибудь стыдно?») следующие: слабослышащим детям признаться в том, что они боятся, гораздо труднее, чем обычным школьникам – 53% и 37%. Возможно, это обусловлено тем, что они боятся показать свой «особенный» мир. Также можно про-

вести параллель между тем, что родители слабослышащих детей, в отличие от родителей детей нормы ($p < 0.01$), ругают их за страхи, отсюда и нежелание признать свои страхи.

Ведущей формой борьбы со страхами для слабослышащих детей является пассивно-защитный тип поведения, в результате которого испытуемые убегают, прячутся, закрываются в комнате, чаще они обращаются за помощью к сверстникам, учителям, чем обычные школьники. Встречаются следующие типы поведения, которые мы определяем как активно-защитные («занимаюсь спортом», «бью свой страх»), отвлечение с помощью чего-либо («пою песни», «танцую») и т.д.

Использование проективной методики «Нарисуй свой страх» позволило получить дополнительную информацию благодаря различной представленности страхов детей. Большинство испытуемых на своих рисунках изобразили в качестве объектов страха животных, высоту, пожар, смерть и злых людей. Страх пожара чаще отмечается у девочек (14%). Страх высоты выражается у испытуемых даже в боязни смотреть в окно с большой высоты («закружится голова и можно упасть»). Здоровые дети этих объяснений не приводят.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сформулировать следующие выводы: страхи слабослышащих детей младшего школьного возраста отличаются от страхов здоровых детей того же возраста и имеют свою специфику. Среднее число страхов (как у мальчиков, так и у девочек) у слабослышащих детей младшего школьного возраста достоверно превышает среднее число страхов у детей нормы того же возраста.

Во временном измерении, от прошлого к будущему, увеличивается количество детей, отрицающих страхи и объясняющих это тем, что взрослые никогда ничего не должны бояться. В то же время слабослышащие дети предполагают в будущем у себя наличие страхов в сфере взаимоотношений.

Специфическими являются для слабослышащих детей «опасные» и «безопасные» места. «Опасные» места – большие улицы,



где много людей и машин. «Безопасные» места – закрытые помещения (дом, своя комната). Для слабослышащих детей преобладающим является страх перед причинением им физического ущерба (связан со страхом больших улиц, падения с высоты, боязнью даже смотреть в окно с высоты, страхом пожара), который отличается от возрастных страхов здоровых детей младшего школьного возраста (школьные страхи, страх не соответствовать ожиданиям взрослых, магические страхи).

Сопоставление данных по методике СОДС и рисуночной методике выявило общее для испытуемых: страх животных, падения с высоты. Страх животных характерен также для здоровых детей того же возраста. Страх высоты (смотреть в окно с высоты, падения с высокого места, боязнь того, что закружится голова) можно отметить как специфический для слабослышащих детей младшего школьного возраста.

В целом, страхи слабослышащих детей имеют свою специфику и в количественном отношении их больше, чем у их здоровых сверстников.

Примечания

¹ См.: *Гарбузов В.И.* Нервные дети / В.И. Гарбузов. Л., 1990; *Захаров А.И.* Дневные и ночные страхи у детей / А.И. Захаров. СПб., 2000.

² См.: *Лубовский В.И.* Специальная психология / В.И. Лубовский. М., 2003.

³ См.: *Крайнин В.* Человек не слышит / В. Крайнин. М., 1984.

⁴ *Богданова Т.Д.* Сурдопсихология / Т.Д. Богданова. М., 2002. С.71.

⁵ См.: *Акопян Л.С.* Диагностика детских страхов и тревожности: методическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Л.С. Акопян. Самара, 2006.

⁶ См.: *Акопян Л.С.* Атлас детских страхов / Л.С. Акопян. Самара, 2003.

⁷ См.: *Лубовский В.И.* Указ. соч.

УДК 316.6

МЕТОДИКА ОРДЕРНОЙ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Л.Н. Аксеновская

Саратовский государственный университет
E-mail: aks@s-post.ru

Представлена авторская методика социально-психологической диагностики организационной культуры, разработанная на базе ордерной концепции организационной культуры. Даны общие описания методики, бланки опросных листов. Показан способ использования опросных листов для диагностики организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, ордерная концепция, методика, социально-психологическая диагностика, опросные листы.

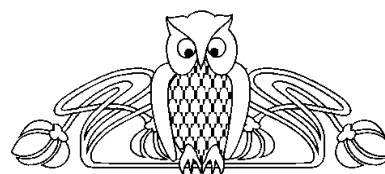
Methods of Order Diagnostic of Organizational Culture

L.N. Aksenovskaya

The author's technique of socially-psychological diagnostics of the organizational culture, developed on the basis of the order concept of organizational culture is presented. The general descriptions of a technique, forms of questionnaires are given. The way of use of questionnaires for diagnostics of organizational culture is shown.

Key words: organizational psychology, order concept, technique, socially-psychological diagnostics, questionnaires are given.

Интерес к теме организационной культуры неуклонно растёт, а вместе с ним возник и запрос со стороны организационных



психологов на обеспечение их практики соответствующим профессиональным инструментарием. Таким образом, существует очевидная потребность в создании и применении новых социально-психологических методов и методик работы с организационной культурой. Качество той или иной методики определяется многими факторами. Среди них следует отметить соответствие определённому методологическому стандарту, связь с конкретной концепцией и теоретической моделью изучаемого феномена, успешный опыт апробаций.

Цель статьи – представить описание методики диагностики организационной культуры. Методика разработана в рамках ордерной концепции организационной культуры¹ и её ордерной модели². Она используется в практической работе автора, а также в проводимых под нашим руководством диплом-



ных исследованиях студентов на кафедре психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В ордерном подходе организационная культура понимается как сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих взаимодействий, регулируемых смысловыми системами участников взаимодействия. Этот порядок задается двумя параметрами: а) доминирующим типом управленческого взаимодействия («родительским», «командирским», «пастырским», которые порождают такие типы организационной культуры как «семья», «армия», «церковь»); б) структурой социально-психологического механизма порождения оргкультуры (культура – социальное взаимодействие – отношения – избирательные психологические связи – потребности и восприятие [оценка, убеждение] – смысл). Целостная структура развитой оргкультуры содержит в себе три пропорционально развитых субордера: «семейный» (33%), «армейский» (33%), «религиозный» (33%).

В основе разработанной диагностической процедуры лежат такие принципы, как: а) системность; б) единство диагностики и изменения; в) сочетание количественных и качественных методов с акцентом на качественных.

Общая схема диагностики включает в себя четыре уровня: 1) личности лидера организации (выявление базовых параметров стандарта корпоративной культуры); 2) генерального директора предприятия; 3) управленческой команды предприятия (руководителей филиалов или отделов); 4) исполнительского персонала отделов. Следует учитывать то обстоятельство, что в различных организациях количество системных уровней, которые повторяет уровневая схема диагностики, может быть больше или меньше, чем в нашей модели, но в любом случае эти уровни должны быть идентифицированы.

Сущность применения методики состоит: а) в диагностике каждого уровня по двум позициям («как есть» и «как должно быть»); б) в сравнении результатов, полученных на каждом уровне, между собой и выявлении рассогласований с эталоном (1-й уровень); в) в разработке мер по сближению позиций

2–4-го уровней с позицией (видением/культурой) лидера.

Цель диагностики заключается в выявлении структуры и содержательного наполнения корпоративной культуры предприятия: 1) на уровне лидера; 2) на уровне руководителя структурного подразделения; 3) на уровне сотрудников отдела. Для этого необходимо: сравнить полученные результаты между собой; выявить совпадения и рассогласование в культурных стандартах; наметить пути ликвидации рассогласований с характеристиками культуры лидера.

Диагностика организационной культуры включает в себя использование целой группы методов: опрос; индивидуальное и групповое интервью по результатам заполнения опросных листов; групповая дискуссия по обсуждению образа желательного состояния корпоративной культуры и способов ее изменения.

Основой диагностической работы являются опросные листы (6 бланков): 1) «Функциональный смысл деятельности»; 2) «Убеждения (об организации; об отношениях: к организации; организации к сотрудникам; к работе; к вышестоящим руководителям; к коллегам; к подчинённым; к организационным правилам)»; 3) «Доминирующая на предприятии модель управленческого взаимодействия»; 4) «Психологический климат»; 5) «Взаимодействие руководителей»; 6) «Доминирующий субордер» (табл. 1–6).

Суть процедуры заключается в проставлении баллов в опросных листах опрашиваемым руководителем в ходе беседы с психологом, используется шкала от 0 до 10. У заполняющего опросные листы есть возможность задать уточняющие вопросы и прокомментировать свою оценку, разъясняя психологу причину этой, а не другой оценки. Следует отметить, что в тексте опросных листов используются специфические формулировки, характерные для языка конкретной корпоративной культуры.

Подсчет результатов производится путем сложения баллов в каждой строке. Полученные цифровые данные должны подкрепляться результатами интервью, бесед и наблюдений. Ниже представлены все шесть бланков опросных листов.



Таблица 1

Опросный лист № 1: «Функциональный смысл деятельности»

№ п/п	В настоящее время	Должно быть
I. Руководители заботятся прежде всего:		
а)	о сотрудниках	о сотрудниках
б)	о результатах производственной деятельности	о результатах производственной деятельности
в)	о соответствии умонастроения и поведения сотрудников имеющимся на предприятии целям, ценностям и правилам	о соответствии умонастроения и поведения сотрудников имеющимся на предприятии целям, ценностям и правилам
г)	как о сотрудниках, так и о результатах их деятельности	как о сотрудниках, так и о результатах их деятельности
д)	как о результатах деятельности, так и о соответствии умонастроения и поведения сотрудников имеющимся у предприятия целям, ценностям и правилам	как о результатах деятельности, так и о соответствии умонастроения и поведения сотрудников имеющимся у предприятия целям, ценностям и правилам
е)	другое	другое

Таблица 2

Опросный лист № 2: «Убеждения»

№ п/п	В настоящее время	Должно быть
II. Я считаю, что:		
Об организации	а) предприятие – второй дом	предприятие – второй дом
	б) предприятие – передовая на фронте экономической войны	предприятие – передовая на фронте экономической войны
	в) предприятие – круг людей, в работе с которыми обретаешь смысл жизни и постоянно совершенствуешься	предприятие – круг людей, в работе с которыми обретаешь смысл жизни и постоянно совершенствуешься
	г) Другое	другое
Об отношении к организации	а) предприятие – организация, к которой я испытываю чувство благодарности	предприятие – организация, к которой я испытываю чувство благодарности
	б) предприятие – организация, которую я уважаю	предприятие – организация, которую я уважаю
	в) предприятие – организация, которая для меня почти как религия (смысл моей жизни)	предприятие – организация, которая для меня почти как религия (смысл моей жизни)
	г) другое	другое
Об отношении организации к сотрудникам	а) предприятие – организация, которая поддерживает меня	предприятие – организация, которая поддерживает меня
	б) предприятие – организация, которая «применяет» меня для решения профессиональных задач	предприятие – организация, которая «применяет» меня для решения профессиональных задач
	в) предприятие дает смысл моей жизни	предприятие дает смысл моей жизни
	г) другое	другое
Я считаю, что:		
Об отношении к работе	а) работа – это большая, но не единственная часть жизни	работа – это большая, но не единственная часть жизни
	б) работа – это захватывающая борьба с нерешенными задачами	работа – это захватывающая борьба с нерешенными задачами
	в) работа – это смысл моей жизни	работа – это смысл моей жизни
	г) другое	другое
Об отношении к вышестоящим руководителям	а) мои руководители учат и поддерживают меня	мои руководители учат и поддерживают меня
	б) мои руководители ставят мне задачи и требовательно спрашивают за результаты	мои руководители ставят мне задачи и требовательно спрашивают за результаты
	в) мои руководители помогают мне становиться более сильным специалистом и более зрелой личностью	мои руководители помогают мне становиться более сильным специалистом и более зрелой личностью
	г) другое	другое



Окончание табл. 2

№ п/п	В настоящее время		Должно быть	
Об отношении к коллегам	а)	равные со мной по положению в организации понимают и эмоционально поддерживают меня		равные со мной по положению в организации понимают и эмоциональной поддерживают меня
	б)	равные со мной по положению в организации сосредоточены на решении своих задач		равные со мной по положению в организации сосредоточены на решении своих задач
	в)	равные со мной по положению в организации являются моими соратниками и единомышленниками и в жизни, и в работе		равные со мной по положению в организации являются моими соратниками и единомышленниками и в жизни, и в работе
	г)	другое		другое
Об отношении к подчиненным	а)	мои подчиненные – это младшие братья и сестры (порой дети), с которыми приходится много «возиться», чтобы они делали необходимое		мои подчиненные – это младшие братья и сестры (порой дети), с которыми приходится много «возиться», чтобы они делали необходимое
	б)	мои подчиненные – это мои солдаты, которые точно и быстро должны выполнять мои приказы		мои подчиненные – это мои солдаты, которые точно и быстро должны выполнять мои приказы
	в)	мои подчиненные – это поверившие мне и идущие вместе со мной по профессиональному и жизненному пути соратники		мои подчиненные – это поверившие мне и идущие вместе со мной по профессиональному и жизненному пути соратники
	г)	другое		другое
Об отношении к организационным правилам	а)	Основные правила предприятия: принятие друг друга взаимная поддержка терпимость друг к другу лояльное отношение к организации		Основные правила предприятия: принятие друг друга взаимная поддержка терпимость друг к другу лояльное отношение к организации
	б)	Основные правила предприятия: дисциплинированность подтянутость функциональность отношений и распоряжений субординация		Основные правила предприятия: дисциплинированность подтянутость функциональность отношений и распоряжений субординация
	в)	Основные правила: единомыслие и единомыслие стремление к совершенству во всем постоянное завоевание все новых сторонников максимальное совпадение того, что нам нравится, и того, какими мы являемся (совпадение наших идеалов и нашего поведения)		Основные правила: единомыслие и единомыслие стремление к совершенству во всем постоянное завоевание все новых сторонников максимальное совпадение того, что нам нравится, и того, какими мы являемся (совпадение наших идеалов и нашего поведения)
	г)	другое		другое

Таблица 3

Опросный лист № 3: «Доминирующая на предприятии модель управленческого взаимодействия»

№ п/п	В настоящее время		Должно быть	
III. Руководители ведут себя как:				
а)	заботливые родители		заботливые родители	
б)	строгие командиры		строгие командиры	
в)	вдохновляющие пастыри (священники)		вдохновляющие пастыри (священники)	
г)	строгие родители		строгие родители	
д)	заботливые командиры		заботливые командиры	
е)	верующие командиры		верующие командиры	
ж)	другое		другое	



Таблица 4

Опросный лист № 4: «Психологический климат»

№ п/п	В настоящее время		Должно быть	
IV. Я считаю, что психологический климат предприятия способствует эффективной работе, потому что обеспечивает:				
а)	эмоциональную поддержку сотрудников		эмоциональную поддержку сотрудников	
б)	четкое понимание целей, методов и правил выполнения работы		четкое понимание целей, методов и правил выполнения работы	
в)	творческую вдохновляющую обстановку в работе и в отношениях		творческую вдохновляющую обстановку в работе и в отношениях	
г)	другое		другое	

Таблица 5

Опросный лист № 5: «Взаимодействие руководителей»

№ п/п	В настоящее время		Должно быть	
V. Руководители взаимодействуют между собой как:				
а)	два родителя		два родителя	
б)	два командира		два командира	
в)	два священника		два священника	
г)	родитель и командир		родитель и командир	
д)	родитель и священник		родитель и священник	
е)	командир и священник		командир и священник	
ж)	два верующих командира		два верующих командира	
з)	другое		другое	

Таблица 6

Опросный лист № 6: «Доминирующий субордер»

№ п/п	В настоящее время		Должно быть	
VI. Наше предприятие больше похоже на:				
а)	семью		семью	
б)	армию		армию	
в)	церковь		церковь	
г)	«вооруженную семью»		«вооруженную семью»	
д)	«верующих бойцов»		«верующих бойцов»	
е)	другое		другое	

Работа с опросными листами и их интерпретация осуществляется определенным образом:

1) в опросном листе две колонки: а) в настоящее время (как есть); б) должно быть (как должно быть), позволяющие зафиксировать различие либо сходство между существующим состоянием культуры предприятия и желательным;

2) баллы суммируются отдельно для правых (как должно быть) и левых (как есть) колонок опросных листов;

3) пункты: «а» – в опросных листах дают информацию о степени развитости «семейного» субордера; «б» – «армейского» субордера; «в» – «церковного» субордера;

4) баллы суммируются по пунктам во всех опросных листах, после чего составляются сводные гистограммы и диаграммы (в баллах и в процентах);

5) пункты: «г», «д» и последующие («е», «ж») дают информацию о степени выраженности смешанного субордера, а также о дополнительных субордерах (особенно для развернутых ответов в графе «другое»);

6) заполнение опросных листов происходит индивидуально, в присутствии сотрудника, проводящего опрос. Он отвечает на вопросы опрашиваемого, дает ему разъяснения и сопровождает опрос беседой и наблюдением, результаты которых фиксирует в своем альбоме диагностических форм;



7) опросу предшествует беседа с руководителем, в ходе которой он формулирует собственное понимание сущности каждой из организационно-культурных метафор – корпоративной «семьи», корпоративной «армии», корпоративной «церкви» – и формулирует свой набор организационных правил для каждого субордера;

8) процедура повторяется для каждого уровня организационно-культурной системы, после чего полученные данные сравниваются между собой и выявляются совпадения и рассогласования как в количественных оценках, так и в качественных характеристиках.

Охарактеризуем планируемые результаты ордерной диагностики организационной культуры (табл. 7).

Таблица 7

Образец заполненной сводной таблицы подсчета баллов в опросных листах

	№ 1		№ 2														№ 3		№ 4		№ 5		№ 6			
			2.1.	2.2.	2.3.	2.4.	2.5.	2.6.	2.7.	2.8.																
	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС	СС	ЖС		
А	6	6	8	10	5	5	5	5	5	5	10	10	5	8	8	6	9	5	5	5	5	5	–	8	6	8
Б	8	10	5	5	10	10	1	1	5	5	8	8	10	8	5	6	7	6	8	5	8	10	–	–	5	6
В	4	10	8	10	5	8	9	9	10	10	5	5	5	8	5	8	5	10	5	10	5	10	–	10	3	10
Г(А+Б)	5	5																	8	5			3		8	5
Д(Б+В)	4	10																	5	5			8		8	10
Е(В+А)																			6	8						
																			ВБ+ВБ	ВБ+ВБ						

Примечание. № 1, № 2, ..., № 6 – номера опросных листов; А, Б, В – основные субордера («семья», «армия», «церковь»); Г, Д, Е – субордерные миксы; СС – существующее состояние; ЖС – желательное состояние.

Диагностика данного типа позволяет:

1) оценить степень развитости лидерских качеств руководителей предприятия. В структуре лидерских качеств выделены три позиции: а) лидер – «родитель» (Л–Р) с функцией обеспечения наличия и удержания нужных предприятию специалистов; б) лидер – «командир» (Л–К), обеспечивающий четкую постановку задач и жесткий контроль их выполнения; в) лидер – «священник» (Л–С), достигающий необходимого уровня увлеченности персонала работой и организацией (мотивированность);

2) оценить степень развитости каждого из основных субордеров и общую конфигурацию культурного ордера;

3) получить субъективную оценку уровня благоприятности психологического климата предприятия;

4) при сравнении результатов, полученных на каждом системном уровне (лидер – управленческая команда – исполнительский персонал), выявить зоны рассогласования в культурных представлениях и стандартах и разработать пути их сближения и интеграции на базе культуры лидера предприятия.

Результаты опроса оформляются в виде отчета, который далее используется: а) для обсуждения путей решения выявленных проб-

лем на уровне руководства предприятия; б) в групповой работе сотрудников конкретного подразделения, которая будет носить характер параллельного изменяющего воздействия (формирования, оптимизации, корректировки, трансформации).

Методика ордерной диагностики организационной культуры входит в состав средств ордерной технологии изменения организационной культуры. Важным принципом, заложенным при проектировании технологии в её основание, является единство диагностики и изменения. Представленная методика в полной мере реализует этот принцип, поскольку сам процесс работы над опросными листами и обсуждение нюансов их содержания является формирующим воздействием на участвующих в опросе, поэтому методика может применяться по отношению к нижним уровням организационно-культурной системы только по согласованию с лидером (лидерами) организации (верхний уровень организационно-культурной системы).

Примечания

¹ См.: Аксеновская Л.Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии: в 3 кн. / Л.Н. Аксеновская. Саратов, 2005. Кн.2.

² См.: Аксеновская Л.Н. Ордерная модель организационной культуры / Л.Н. Аксеновская. М., 2007.



УДК [316.6+316.354](470+571)

ВЛИЯНИЕ СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.К. Кравцова

Саратовский государственный университет
E-mail: widow666@rambler.ru



В статье описываются исследования эмоционального интеллекта лидеров организаций, проведённые в 2009 году. Приводятся наглядные примеры адаптации для русскоязычной культуры иностранного теста, измеряющего эмоциональный интеллект. Приводятся выводы о влиянии степени развития эмоционального интеллекта на эффективность управленческой деятельности.

Ключевые слова: организационная культура, эмоциональный интеллект, лидерство.

The Correlation of Emotional Intelligence Qualities and Management Effectiveness

A.C. Kravtsova

This article tells about researches of the emotional intelligence qualities of the leaders of the organizations, that took place in 2009. The examples of the foreign test measuring emotional intelligence adaptation for the Russian culture are discussed. The conclusions of the research are formulated. The main conclusion is the discovery of the connection of emotional intelligence qualities and management effectiveness for Russian culture.

Key words: organizational psychology, emotional intelligence, leadership.

Для организационной психологии тема эмоционального интеллекта становится всё более актуальной в связи с акцентированием внимания на сотруднике как на движущей силе работы. Развиваются такие направления менеджерской психотерапии как коучинг и соттеринг¹. Организационная культура играет важную роль в становлении компаний, нацеленных на успех. Организационная культура – это совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показавших свою эффективность и разделяемых большинством членов организации².

Для становления и определения лидерства в рамках организационной культуры необходимо применение определённого конструкта. В бывшем СССР организационная психология не представляла собой самостоятельной дисциплины и обычно рассматрива-

лась в рамках инженерной или социальной психологии. Под организационной психологией мы будем понимать применение психологических теорий и исследовательских методик к проблемам организации, управления и бизнеса, когда затрагиваются вопросы подбора персонала, мотивации, обучения и развития сотрудников, организационного поведения и т.д.³

Прямая зависимость между успешностью управленческой деятельности и интеллектом руководителя представляется, на первый взгляд, явной. Именно это представление, являющееся в действительности иллюзорным, очень долгое время фактически блокировало не только исследования в данной области, но и саму постановку вопроса о связи интеллекта с эффективностью управленческой деятельности. И лишь в начале 1960-х гг. была установлена исходная закономерность, связывающая эти два наиболее обобщенных явления – интеллект и эффективность управленческой деятельности. Американский психолог Е. Гизелли обнаружил, что между ними существует не прямая, а криволинейная зависимость. Это означает, что наиболее успешны руководители, имеющие не низкий и не очень высокий интеллект (имеется в виду IQ), а некоторую оптимальную степень его выраженности.

Эти результаты оказались довольно неожиданными и стимулировали новые исследования в данной области: в частности, Т. Коно обнаружил, что студенты, имевшие исключительно высокие оценки в школе и в университете, поступая в дальнейшем на службу в японские корпорации, не становятся там, как правило, высшими менеджерами⁴. В исследовании Ф. Филлера и А. Лейстера также были обнаружены очень невысокие (незна-



чимые) корреляции между интеллектом и успешностью деятельности руководителя⁵.

В начале 1990-х корпорации при отборе кадров стали обращать внимание на так называемый социальный интеллект, способность работать в команде, быть лидером коллектива. Учебники и спецкурсы по лидерству вошли в обязательные программы всех университетов.

Понятие эмоционального лидерства впервые появилось в статье Д. Гоулмена в ноябре 1998 г. Подытожив все исследования, проведенные на тот момент в области эмоционального интеллекта (ЭИ), он пришел к выводу, что успех менеджеров напрямую зависит от его уровня развития, т.е. все менеджеры, занимающие руководящие должности, имели высокий уровень развития ЭИ. «О каком бы уровне управления ни шла речь, значение эмоционального интеллекта в два раза превышало важность всех прочих составляющих, которые необходимы для достижения выдающихся результатов»⁶. Под лидером (от англ. *leader* – ведущий, первый, идущий впереди) подразумевается лицо в какой-либо группе (организации), пользующееся большим, признанным авторитетом, обладающее влиянием, которое реализуется в управляющих действиях, член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, т.е. наиболее авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе⁷.

Впервые понятие «эмоциональный интеллект» как фактор, определяющий успешность менеджеров, появилось в статье П. Салоуэя «*Emotional Intelligence*», вышедшей в 1990 г. Салоуэй и его соавтор Дж. Майер определяют эмоциональный интеллект как «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов»⁸. Другими словами, эмоциональный интеллект, по их мнению, включает в себя: 1) способность воспринимать или чувствовать эмоции (как свои собственные, так и другого человека); 2) способность направлять свои эмоции в помощь разуму; 3) способность понимать, что выражает та

или иная эмоция; 4) способность управлять эмоциями.

По поводу возможности развития ЭИ в психологии существует два отличных друг от друга мнения. Ряд ученых (к примеру, Дж. Майер) придерживаются позиции, что повысить уровень ЭИ невозможно, поскольку это относительно устойчивая способность, однако увеличить эмоциональную компетентность путем обучения вполне возможно. Их оппоненты (в частности, Д. Гоулмен) считают, что ЭИ можно развивать. Аргументом в пользу этой позиции служит тот факт, что нервные пути мозга продолжают развиваться вплоть до середины человеческой жизни. Последние исследования психологов и нейробиологов доказывают, что каждый из нас способен улучшить свой эмоциональный интеллект⁹. Существует ряд методов развития ЭИ таких, как групповой тренинг, индивидуальный тренинг, коучинг, тренинг детей в семейно-общественных детских центрах, семейное воспитание.

Приведем пять базовых и самых важных для профессиональной жизни качеств, определяющих эмоциональный интеллект, которые выделяет Д. Гоулмен: самосознание, самообладание, мотивация, эмпатия, социальные навыки¹⁰. Основополагающим является также вопрос об измерении ЭИ. Такое измерение с помощью опросников достаточно надежно и обладает приемлемой критериальной валидностью, но результаты таких опросников трудно отличить от результатов личностных опросников, что остро ставит проблему их инкрементной валидности. Измерение ЭИ с помощью тестов кажется более предпочтительным с теоретической точки зрения, однако его критериальная валидность недостаточно высока. Возможно, подобные тесты измеряют не столько определенную способность, сколько соответствие представлений испытуемого об эмоциях культурным нормам.

В настоящее время методики для измерения ЭИ, основанные на самоотчете, приводят ко многим трудностям. Различные концептуализации конструкта ЭИ недостаточно согласуются друг с другом, и нет внятных оснований для того, чтобы утверждать, что люди способны адекватно оценить свои спо-



способности в области понимания эмоций и управления ими. В частности, люди с низким ЭИ должны плохо осознавать свои способности в этой области. Эмпирические исследования позволили разработать достаточно надежные шкалы с приемлемой критериальной валидностью. Однако исходя из новизны понятия и связанной с этим сложностью диагностики эмоционального интеллекта, ввиду отсутствия разработанных отечественных методик, была поставлена цель разработать авторскую методику и адаптировать ее к русскоязычной выборке.

Целью данной статьи является обсуждение исследований, проведенных в 2009 г., которые заключались в следующем: проводился социально-психологический анализ степени социокультурной адекватности понимания инокультурного (британского) теста, оценивающего эмоциональный интеллект, и культуральная адаптация этого теста. Гипотеза исследования заключалась в том, что британский оригинальный классический тест, даже переведенный, но не адаптированный, не будет адекватно воспринят русскими испытуемыми. Некоторые вопросы теста будут допускать множественность интерпретаций.

Объектом исследования являлся эмоциональный интеллект людей, занимающих руководящие должности: 25 человек было опрошено в процессе непосредственного взаимодействия и 429 – в Интернете, предметом – социально-психологические особенности восприятия и понимания инокультурного теста, измеряющего эмоциональный интеллект.

Суть данного исследования заключалась в выборе самой продуктивной методики для измерения ЭИ, переводе ее на русский язык, доказательстве необходимости ее адаптации и последующей адаптации. Для доказательства необходимости ее адаптации, проводилось тестирование переведенного теста в режиме реального времени, фиксировались все комментарии и обсуждения каждого вопроса на выборке из 25-ти человек, по 5 человек в группе, каждая группа тестировалась по 3 часа. Для того чтобы доказать объективность результатов, был разработан тест на измерение степени осведомленности испытуемого о

западной культуре. Этот тест проходили испытуемые перед тем как приступить к выполнению теста на ЭИ. Чем ниже был показатель по первому тесту, тем больше комментариев и разночтений вопросов выявлялось у испытуемого во 2-м тесте. Тест, измеряющий ЭИ, был также проведен на большой выборке людей в Интернете, до и после адаптации. На вопросы, текст которых был изменен в процессе работы над тестом, в большинстве случаев ответы испытуемых изменились.

В ходе исследования были выявлены вопросы, требующие адаптации, как текстовые, так и изобразительные, для определения способности распознавать эмоции по визуальным признакам. Такие вопросы были во второй части теста.

Первые фотографии (рис. 1, 2) вызывали агрессивные эмоции у работающих в милиции и сфере торговли групп испытуемых ввиду того, что в нашей стране не пропагандируется толерантность в тех масштабах, в которых это происходит на Западе, испытуемые позволяли себе неpolitкорректные, оскорбительные выражения по отношению к людям другой расы. Группы 4 и 5 (представители бизнес-элиты г. Саратова) сочли практически невозможным распознать эмоции на лицах людей из Азии. Практически все испытуемые при ответе на вопрос «Какие чувства скорее всего испытывал(а) ... когда её (его) фотографировали?», не находя в вариантах ответа кажущийся им правильным, либо выбирали ответ «не знаю», либо дописывали свой вариант ответа к тому, который казался им наиболее подходящим. На первой фотографии (рис. 2) изображена афроамериканка пожилого возраста (60–70 лет), этот момент также требовал адаптации, потому что, во-первых, афроамериканцы по сравнению с русскими более эмоциональны, во-вторых, в нашей культуре женщинам такого возраста не свойственно экзальтированное поведение, особенно если речь идет о положительных эмоциях (по мнению людей среднего возраста 25–50 лет, которые и являются главной целевой аудиторией данного теста). Имя Клодетт было изменено на Ирину – женщину средних лет, которая, согласно предыстории, играла роль женщины, вспо-



минающей благодаря разговору девочек своих лучших друзей, которых она не видела 15 лет, испытывающей смешанные чувства. У первой фотографии (рис. 3) имеется предыстория: изображённая пара находится на свидании вслепую. На Западе есть специальное выражение для такого типа свиданий: *Blind-date*, которое означает, что люди не только не виделись в реальной жизни, как, например, при знакомстве в Интернете, но и ни разу не общались, т.е. либо их познакомили друзья, либо они пришли в специальное мес-

то, где проводятся такого рода встречи для всех желающих. В России последние 20 лет (со времён распада СССР) такой практики нет, за редким исключением, нет и специально отведённых для этого заведений. Для нашей страны самым распространённым местом знакомства молодых людей после Интернета являются ночные клубы, бары и кафе. При адаптации были пересняты первые фотографии (см. рис. 1, 2, 3), все имена сменены на русские, изменена предыстория (см. рис. 3).

До адаптации



После адаптации



Рис. 1. Визуальные признаки эмоций у молодых людей

До адаптации



После адаптации



Рис. 2. Визуальные признаки эмоций у людей разного возраста

До адаптации



После адаптации

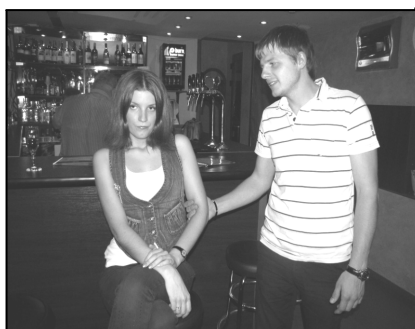


Рис. 3. Визуальные признаки эмоций в процессе коммуникации



При интернет-опросе неадаптированного теста в ответах на вопросы, оценивающие умение распознавать эмоции по внешним признакам (см. рис. 1, 2), ответы «Не знаю» или «Невозможно определить / никакое из перечисленных» встретились у 20% опрошенных, а в ответах на вопросы, относящиеся к фото (см. рис. 3), 6% опрошенных. После адаптации аналогичные ответы на те же вопросы (см. рис. 1, 2) были у 9% опрошенных. Во втором случае (см. рис. 3) результаты практически не изменились (5% опрошенных). При опросе до адаптации на вопросы теста ответили 284 человека, после адаптации 145.

В ходе исследования гипотеза подтвердилась: британский тест для измерения эмоционального интеллекта, действительно, нуждался в адаптации для людей, живущих в России.

Помимо подтверждения гипотезы в процессе работы над опросниками появились предположения, которые требуют дальнейшей разработки и доказательств: женщины, занимающие руководящие должности, имеют более высокие показатели ЭИ, чем мужчины, занимающие аналогичные должности; уровень развития ЭИ у детей младше 16 лет ниже, чем у людей среднего возраста, что говорит о непосредственном влиянии опыта на уровень развития ЭИ, и т.д.

Также стоит принять во внимание, что исследование проводилось, основываясь на предположении, что люди, занимающие руководящие должности, имеют заведомо высокий уровень развития ЭИ, оно подтверждалось исключительно для инокультурной выборки. Данное предположение для русскоязычных опрошенных должно было являться

фактором, который не оказывал бы дополнительного воздействия на результаты опроса в режиме беседы. Но при продолжении исследования 2009 г., когда появилась возможность обработки полученных при опросе результатов, выяснилось, что все люди, прошедшие данный тест, занимающие руководящие должности в различных сферах (милиции, торговле, бизнесе, управлении и т.д.), имели приблизительно равные показатели по результатам тестирования, которые были намного выше нормы. Это подтверждает гипотезу Гоулмена и для русской культуры, несмотря на кажущуюся разность приоритетов, образа мышления и способов достижения целей руководителями в организационных культурах разных стран.

Примечания

¹ См.: Аксеновская Л.Н. Ордерная модель организационной культуры / Л.Н. Аксеновская. М., 2007.

² См.: Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Э.Х. Шейн. СПб., 2002.

³ См.: Handbook of Industrial and Organizational Psychology / Ed. by M.D. Dunnette. Chicago, 1976.

⁴ См.: Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий / Т. Коно. М., 1987. С.47.

⁵ См.: Карпов А.В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности / А.В. Карпов. М., 1991. С.63.

⁶ Goleman D. Working with emotional intelligence / D. Goleman. N.Y., 1998. С.19.

⁷ См.: Кови С.Р. Лидерство, основанное на принципах (Principle Centered Leadership) / С.Р. Кови. М., 2009.

⁸ Mayer J.D. What is emotional intelligence? / J.D. Mayer, P. Salovey // Emotional development and EI: Educational implications / Eds. P. Salovey, D. Sluyter. N.Y., 1990. P.15.

⁹ См.: The Business Case for Emotional Intelligence / Consortium for Research on Emotional Intelligence in Organizations. Rutgers, 1999.

¹⁰ Гоулмен Д. С чего начинается лидер / Д. Гоулмен и др. М., 2005.

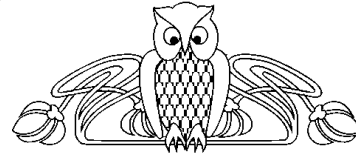


УДК 159.923+316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

И.В. Малышев

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: iv.999@list.ru



В статье рассматривается взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и ценностной сферы личности на основе материалов факторного анализа. Обосновывается социально-психологический аспект проблемы выгорания личности в процессе ее профессиональной социализации в экстремальных условиях.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, ценностная сфера личности, этапы профессиональной социализации.

Relation of the Emotional Burnout Syndrome and of the Value Sphere of a Personality in the Process of the Professional Socialization in the Extreme Conditions

I.V. Malyshev

The relation of the emotional burnout syndrome and of the value sphere of a personality on the basis of the dates of the factor analysis is considered in this paper. The social-psychological aspect of the burnout problem of a personality in the process of its professional socialization in the extremal conditions is substantiated.

Key words: emotional burnout syndrome, value sphere of a personality, stages of professional socialization.

Проблематика эмоционального выгорания сравнительно недавно стала привлекать внимание многих ученых, но ее актуальность не вызывает сомнений и прежде всего обусловлена научно-практической стороной вопроса. Оказывая негативное воздействие на личность отдельного служащего, его судьбу, синдром эмоционального выгорания наносит ощутимый моральный и материальный ущерб организации, снижая эффективность ее деятельности и влияя на социальные процессы, происходящие в коллективе.

Основоположниками изучения синдрома выгорания по праву считаются ученые-психологи Х. Фреуденбергер¹ и К. Маслач², которые одними из первых в 70–80-е гг. XX в. обратили пристальное внимание на проблему, ее значение в современном обществе. В отечественной психологии (В.В. Бойко, В.Е. Орел, Т.В. Форманюк и др.) активное изучение

эмоционального выгорания связано с преобразованиями в экономике и обществе начала 1990-х годов³.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной психологии сложились определенные представления относительно понимания феномена выгорания, его структуры и места в системе других явлений. Многие из них имеют достаточный вес и подкреплены длительными научными исследованиями. Выявлены факторы (социальные, организационные, индивидуальные), влияющие на формирование синдрома, рассмотрены его механизмы и определены перспективы исследования.

Однако сложный характер синдрома эмоционального выгорания, а также многообразие интерпретаций его причин и проявлений требует поиска новых исследовательских стратегий по оптимизации профессиональной деятельности, адаптации личности к быстро меняющемуся социальным, подчас экстремальным, условиям. Исследование и последующий анализ факторов, детерминирующих эмоциональное выгорание, позволили нам предположить, что определенная личностная и профессиональная направленность индивида, особенности ценностной сферы его личности влияют на развитие этого синдрома и соответствующий характер нарушений. Особый интерес вызывает изучение эмоционального выгорания и ценностной сферы личности в процессе профессиональной социализации служащих, чья деятельность связана с экстремальными ситуациями, высоким напряжением и другими воздействиями социальной среды. В соответствии с изложенным целью нашего исследо-



вания является изучение взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и ценностной сферы личности в экстремальных условиях профессиональной социализации.

В эмпирическом исследовании в качестве диагностических методов применялись: методика диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко⁴, методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “Ценности” и “Доступности” в различных, жизненных сферах»⁵. Исследования взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и ценностной сферы личности служащих в экстремальных условиях на разных этапах их профессиональной социализации проводилось посредством факторного анализа с последующим психологическим осмыслением данных.

Выборку исследования составили сотрудники служб, реализующие свою профессиональную деятельность в экстремальных условиях, и будущие специалисты правоохранительных структур. Всего в исследованиях участвовало 270 человек, в возрасте от 20 до 44 лет (120 милиционеров отдела вневедомственной охраны, 50 пожарных, 50 милиционеров из разных отделов УВД и 50 курсантов старшего курса юридического института МВД РФ). Все испытуемые служат (обучаются) в учреждениях города Саратова.

На основе установившейся традиции (Е.А. Климов, В.А. Бодров, Ю.П. Поваренков и др.)⁶, выделены четыре этапа профессиональной социализации, которые характеризуют служащих, связанных с экстремальными условиями. Ранний этап (стаж от 1 до 3 лет) – это социальная и профессиональная адаптация специалиста. Этап активной самореализации (от 4 до 10 лет) включает становление и совершенствование, развитие профессионализма. На этапе мастерства (от 11 до 15 лет) формируются социальная, материальная независимость личности, способность выполнять сложные задачи. Поздний (стаж 16 лет и более) этап составляет вершину мастерства служащего, потребность передавать накопленный опыт.

Из результатов факторного анализа следует, что на всех этапах профессиональной социализации присутствуют факторы, для которых значимыми, системообразующими являются переменные, наиболее связанные с

симптомами эмоционального выгорания или ценностно-мотивационной сферы личности. Так, на начальном этапе профессиональной социализации выявлены два фактора (табл. 1). В первом преобладают ценности, отражающие стремление к независимости в поступках и действиях, уверенности в себе, которые при отсутствии сдерживающих моментов создают предпосылки в развитии такого симптома выгорания, как «расширение сферы экономии эмоций». В результате происходит эмоциональное пресыщение в общении с окружающими. Из результатов анализа второго фактора следует, что в процессе развития синдрома не только полностью утрачивается интерес к субъекту профессионального взаимодействия, но и возникает негативное отношение к нему, которое выражается в выработанной системе ценностей, подразумевающей самоуверенность, элементы вседозволенности, в целом – антигуманный настрой. В дальнейшем происходят психосоматические нарушения.

Таблица 1

Характеристика факторов на начальном этапе профессиональной социализации

Симптомы выгорания и ценности	Факторы	
	1	2
Расширение сферы экономии эмоций	0,357	
Деперсонализация		0,764
Психосоматические нарушения		0,528
Уверенность в себе, свобода от внутренних противоречий	0,367	0,619
Свобода как независимость в поступках и действиях	0,999	

Примечание. 1 – эгоистические тенденции личности и эмоциональное пресыщение во взаимоотношениях; 2 – самоуверенность и антигуманный настрой личности при деперсонализации.

Анализируя пять факторов этапа активной самореализации, можно сказать, что здесь произошли более глубокие изменения, в том числе на личностном уровне (табл. 2).

В первом и третьем факторах больший вес имеют симптомы выгорания и только после этого свою роль играют ценностные ориентации, а во втором, четвертом и пятом значении ценностной сферы выше и оказывает непосредственное влияние на развитие симптомов выгорания. В пятом факторе на-



Таблица 2

Характеристика факторов возможностей личности в профессиональной социализации на этапе активной самореализации

Симптомы выгорания и ценности	Факторы				
	1	2	3	4	5
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,833	-0,367			
Общий показатель напряжения	0,825				
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	0,597	0,324	-0,353	0,216	-0,219
Эмоционально-нравственная дезориентация		0,556			
Расширение сферы экономики эмоций	0,207	-0,369		0,124	
Эмоциональная отстраненность			0,964		0,231
Психосоматические нарушения	0,631			0,396	
Общий показатель истощения	0,464		0,649	0,251	
Интересная работа					0,972
Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)				0,954	
Познание		0,987			
Свобода как независимость в поступках и действиях	0,543		0,241		

Примечание. 1 – выраженные проявления синдрома эмоционального выгорания с сопутствующими изменениями личности; 2 – роль познавательного компонента в преодолении негативного воздействия стрессов; 3 – нарушение эмоциональной сферы с признаками профессиональной деформации; 4 – самоуверенность и свобода от противоречий выгорающего профессионала; 5 – интересная работа.

блюдаются даже позитивные изменения, когда значимые ценности профессионального плана не позволяют активно развиваться несквозьким симптомам выгорания, но, несмотря на это, полностью предотвратить формирование симптомов здесь не удастся. Так, во втором факторе на личностном уровне очевидной становится морально-нравственная проблема, в пятом возможны психосоматические изменения, а в четвертом при неблагоприятном развитии личности (неадекватной оценке своих возможностей и потребностей – преувеличении ценности «свободы») выражены значения двух фаз выгорания – «резистенции» и «истощения». В целом, из-

менения ценностной сферы (первый и третий факторы) влияют на характер формирования синдрома, его особенности, затрагивая всю личность и делая процесс необратимым.

На этапе мастерства выявлено три фактора (табл. 3). В первом наблюдается яркое проявление симптомов всех трех фаз. Это заметно в нарушении эмоциональных контактов с близкими людьми, эмоциональном пресыщении, недовольстве собой, общением, профессией. В результате, у человека возникает острая потребность в построении личных взаимоотношений (усилении контактов) с людьми, которым можно доверять.

Второй фактор отражает стремление к реализации творческих возможностей, что предупреждает ярко выраженные нарушения, связанные с синдромом («деперсонализация»), но проблемы в области семейных взаимоотношений не позволяют снизить синдром или повлиять на его возникновение, что видно из симптома «эмоциональная отстраненность». В третьем факторе выделяются симптомы выгорания – «редукция профессиональных обязанностей» и «деперсонализация». Они протекают на фоне активной деятельной жизни, которая, скорее всего, направлена не на конкретный результат, а связана с процессом труда.

Таблица 3

Характеристика факторов этапа мастерства в профессиональной социализации

Симптомы выгорания и ценности	Факторы		
	1	2	3
Неудовлетворенность собой	0,718		
Расширение сферы экономики эмоций	0,767		
Редукция профессиональных обязанностей			0,795
Эмоциональная отстраненность		0,645	
Деперсонализация	0,635	-0,252	0,462
Активная, деятельная жизнь			0,711
Наличие хороших и верных друзей	0,505	0,240	
Счастливая семейная жизнь	0,393	-0,590	
Творчество (возможность творческой деятельности)		0,907	

Примечание. 1 – синдром эмоционального выгорания и потребность в установлении доверительных взаимоотношений; 2 – реализация творческих возможностей в условиях ущербности эмоциональных контактов; 3 – профессиональный цинизм и снижение эмоциональных затрат при высокой активности.



На этапе поздней профессиональной социализации выявлены два фактора (табл. 4). В первом на фоне значительных изменений, связанных с формированием синдрома, у личности возникает потребность в поддержке и сочувствии со стороны надежных друзей, кроме этого сильно ухудшается «физическое и психическое здоровье». Во втором факторе значимая роль отведена ценностной сфере, а затем симптомам выгорания: здесь увлечение личности творчеством или перевод деятельности в «творческое русло» снижает предпосылки возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания (СЭВ).

Таблица 4

Характеристика факторов этапа поздней реализации в профессиональной социализации

Симптомы выгорания и ценности	Факторы	
	1	2
«Загнанность в клетку»	0,918	0,395
Эмоциональный дефицит	0,999	
Эмоциональная отстраненность	0,716	-0,317
Здоровье (физическое и психическое здоровье)	0,782	0,391
Наличие хороших и верных друзей	0,831	
Творчество		0,947

Примечание. 1 – поиск поддержки и сочувствия в доверительных взаимоотношениях при выраженном СЭВ; 2 – потребность в творческой деятельности (включение компенсаторных механизмов при преодолении стресса и выгорания).

В целом, исходя из результатов факторного анализа, следует, что более существенные изменения произошли на этапе активной реализации своих возможностей, вследствие: 1) характера формирования синдрома (участие 2–3 фаз выгорания); 2) сильной взаимосвязи переменных синдрома выгорания и ценностно-мотивационной сферы. Далее следуют: начальный этап, поздней реализации и этап мастерства. Учитывая характер некоторых взаимосвязей, мы можем говорить об определенных закономерностях. Так, «реализация творческих возможностей» препятствует возникновению синдрома и предполагает наличие компенсаторных механизмов при преодолении стресса и выгорания. Близкие характеристики имеют и факторы «эгоистические тенденции в личности и эмоциональное пресыщение во взаимоотноше-

ниях» и «самоуверенность и антигуманный настрой личности при деперсонализации». Существенное значение при их формировании имеют ценности «уверенности в себе» и некоторые показатели симптомов выгорания. Ряд ценностей («активная деятельная жизнь», «познание») имеет двойственное значение при формировании синдрома выгорания. Отмечено, что определенное положение, вес ценностей в системе представлений личности «выгорающих» оказывает влияние на характеристику синдрома и его течение.

В заключение можно сделать выводы: на каждом этапе профессиональной социализации выявлены взаимосвязи синдрома выгорания и ценностной сферы личности, которые при определенном положении показателей подчеркивают схожие черты («реализация творческих возможностей», «потребность в творческой деятельности») или свой неповторимый характер.

Обнаружено, что в процессе профессиональной социализации личности в экстремальных условиях на фоне эмоционального выгорания ценности активной деятельной жизни уступают место другим, отражающим эгоцентрические тенденции («свобода как независимость в поступках и действиях», «уверенность в себе»). Особенно это характерно для первых двух этапов профессиональной социализации. В свою очередь, ценность, отвечающая за реализацию творческих возможностей, которая компенсирует негативное воздействие выгорания, представлена только на этапе мастерства и на позднем этапе профессиональной социализации. Недостаточно актуальны у большей части испытуемых ценности «счастливая семейная жизнь», «любовь», «наличие хороших и верных друзей», которые в условиях длительного воздействия стрессов сдерживают развитие выраженного СЭВ.

В качестве негативных проявлений синдрома отмечено снижение адаптационных возможностей к психоэмоциональным нагрузкам у большинства испытуемых представленных групп, проникновение СЭВ в их систему ценностей и установок личности, нарушение в межличностном и профессиональном общении, вследствие чего наблюдается усиление синдрома. Позитивным мо-



ментом является компенсация отмеченных негативных изменений через потребность в установлении контактов с окружающими и обращении к своему творческому потенциалу (сдерживающий фактор развития СЭВ).

Примечания

¹ См.: *Freudenberger H.J.* Staff burn-out / H.J. Freudenberger // *J. of Social Issues*. 1974. Vol.30. P.159–165.

² См.: *Maslach C.* Burned-out / C. Maslach // *Human Behavior*. 1976. Vol.5(9). P.16–22.

³ См.: *Бойко В.В.* Энергия эмоций / В.В. Бойко. СПб., 2004; *Орёл В.Е.* Синдром психического выгорания личности / В.Е. Орёл. М., 2005; *Форманюк Т.В.* Синдром «эмоцио-

нального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В. Форманюк // *Вопр. психол.* 1994. №6. С.57–73.

⁴ См.: *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика: Методики и тесты / Д.Я. Райгородский. Самара, 1998.

⁵ См.: *Фанталова Е.Б.* Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» / Е.Б. Фанталова // *Журн. практич. психолога*. 1996. №2. С.32–37.

⁶ См.: *Бодров В.А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности / В.А. Бодров // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / Под ред. В.А. Бодрова. М., 1991. С.3–26; *Климов Е.А.* Психология профессионала / Е.А. Климов. М.; Воронеж, 1996; *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. М., 2002.

УДК 159.923

ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

А.С. Мариза

Саратовский государственный технический университет
E-mail: Alexei.mariza@gmail.com

В статье описывается построение теоретической социально-психологической модели личности военнослужащего (СПМЛВ), которое выполнено путем выделения социально-психологических качеств, соответствующих профессиональной и социальной деятельности военнослужащего, из существующих моделей личности. СПМЛВ применяется для практического социально-психологического диагностирования военнослужащих, в ходе которого определяется уровень их соответствия этой модели. В ходе эмпирической части данного исследования было определено допустимое отклонение личности от модели, при котором военнослужащий является «успешным».

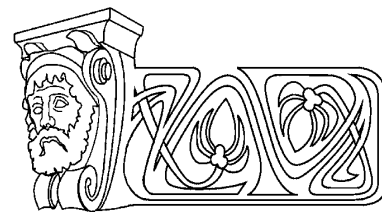
Ключевые слова: социально-психологическая модель личности военнослужащего, профессиональное социально-психологическое диагностирование, социально-психологическая структура группы.

Theoretical Socio-Psychological Model Construction for Personality of a Serviceman

A.S. Mariza

This article describes the construction of theoretical socio-psychological model for personality of a serviceman (TSPMS), which is conducted by separation of military professional activity criteria from the existing personality models. This model is used to virtual professional socio-psychological diagnostics of servicemen. During the research the permissible variation from the ideal values of parameters was determined. Possessing parameters with permissible variation serviceman is still «successful».

Key words: socio-psychological model for personality, professional socio-psychological diagnostics, socio-psychological group structure.



Для создания проекта стандарта комплексной подготовки военного, включающего формирование определенных социальных свойств личности и подготовки как члена группы, начиная с профессионального отбора на обучение до специфических тренировок качеств лидера в военной сфере, необходимо выполнить ряд задач. В их число входит построение теоретической социально-психологической модели личности военнослужащего (СПМЛВ) технической военной специальности, например, командира радиолокационного взвода. В результате проведенных теоретических исследований, а также анализа разработок в сфере психических моделей личности можно выделить ряд уже существующих стандартных моделей, на основе которых может быть построена необходимая для наших целей модель. СПМЛВ строится, исходя из требований, которые предъявляются к социально-психологическим особенностям военного. Полученная модель позволит обеспечить подбор наиболее подходящих кандидатов при помощи диагностики соответствия её параметрам. Она может быть



специализирована для определенного рода войск, каждый из которых имеет свои специфические характеристики. Такая специализация может быть проведена специалистом-психологом с учетом требований к психическим особенностям военнослужащего определенного рода войск. Требования могут быть сформулированы начальником военной кафедры в общем виде, на основании которых психологом-специалистом будут внесены изменения в универсальную модель. Обозначим требования, которые предъявляются к социально-психологическим особенностям военного, анализируя практические ситуации профессиональной деятельности.

В ходе исследования профессиональной деятельности военнослужащих различных родов войск выяснилось, что базовые виды деятельности можно условно разделить на четыре категории:

1) первая заключается в командовании и работе в коллективе (формальные и неформальные отношения с подчиненными);

2) вторую категорию можно разделить на три части: солдат на позиции, солдат в наступлении, солдат в обороне. На позиции осуществляются управление подразделением, работа с техникой, тактическая работа с картой, принятие решений; в наступлении – выполнение приказа, здравые, внимательные действия, моментальные решения; в обороне помимо перечисленных выше действий необходима психическая устойчивость (например, к вербовке);

3) третья категория включает в себе профессиональную деятельность, связанную с выполнением миротворческих функций;

4) четвертая предполагает учебно-аналитическую работу.

Поведение каждого отдельного военнослужащего в приведенных выше ситуациях зависит от социально-психологических особенностей: известно, что некоторые военнослужащие эффективны в определенных ситуациях, тогда как другие – нет, поэтому необходимо построить теоретическую модель «эффективного» военнослужащего.

Синтез СПМЛВ основан на существующих моделях личности: интерперсональной модели Лири¹, из которой можно выделить социальные качества личности военного, пятифакторной модели личности², а также

восьмисекторной модели личности³. За основу взяты анализ персональной деятельности военнослужащего, приведенный выше, изучение психологических особенностей военнослужащего, влияние боевой обстановки на личность воина, особенности взаимоотношений в воинском коллективе. Критериями синтеза служат данные, приведенные ниже, полученные при использовании лексического подхода: выделение критериев для описания личности военнослужащего из анализа естественного языка и последующей научной таксономизации.

Проанализируем пятифакторную модель личности (ПМЛ) П. Коста и Р. Мак-Кра⁴. В её рамках рассмотрим следующие психологические параметры.

Экстраверсия–интроверсия (общительный, асертивный, энергичный, активный). Крайние значения как интроверсии, так и экстраверсии ведут к дезорганизации и слабостью приспособляемости в сложных военных ситуациях, а также при взаимодействии с коллективом.

Добродушие (сотрудничающий, доверяющий). Командир – это начальник, которого не могут послушаться, таким образом, такие качества как добродушие, доверчивость должны быть минимальными. Качество «сотрудничающий» может доминировать лишь в командной игре. Практика показывает, что между военнослужащими нередко возникает конфликт. Научные исследования свидетельствуют о том, что ежедневно по разным причинам в среднем возникает до 10-ти конфликтов: наиболее часто они происходят между начальниками и подчиненными – до 70% всех межличностных конфликтов⁵. Их причины: слабая исполнительность и низкое качество воинской деятельности отдельных военнослужащих (32%); стремление некоторых из них занять социально высокий статус в коллективе (борьба за лидерство, признание, авторитет) (15%); неумение конструктивно общаться (взаимодействовать) с окружающими (19%); отстаивание собственных чести и достоинства, нарушенных прав (10%); действия, направленные на восстановление справедливости, против безнравственных действий сослуживцев (5%); другие причины (19%). Стратегии поведения в конфликте⁶ могут быть различны (см. рис. 1).

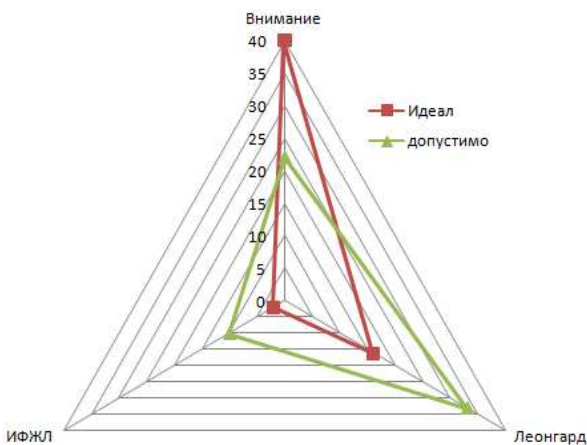


Рис. 1. Диаграмма значений интегративных параметров тестов, включающих в себя исследуемые параметры личности теоретической модели военнотружущего

Конформность (добросовестный, ответственный, дисциплинированный). Данная характеристика, очевидно, должна стремиться к своему максимальному значению. Во многих вышеописанных ситуациях она является приоритетной для военнотружущего. Неявно в ней присутствует отношение к долгу, чести и другим нравственным категориям, определяющим мотивированность военнотружущего к выполнению тех или иных задач, к достижению определенных целей. Здесь можно выделить не присущие для военного ценности: мира, добра, равноправия, справедливости, либерализма, любви, свободы, гуманизма так же, как и анархии. Для выявления и анализа присутствия этих ценностей предлагается тест «Идеологическая формула жизнедеятельности личности» (А.А. Понукалин).

Эмоциональная стабильность (спокойный, не невротичный, не подавленный). Значимость эмоциональной стабильности военнотружущего доказана научными исследованиями⁷. Опасности, перегрузки, превышающие возможности людей, лишения, активность и огонь противника, сложность решаемых задач, необходимость крайнего напряжения всех сил могут порождать различные психические состояния, затрудняющие деятельность воинов и препятствующие достижению ее целей. К таковым можно отнести фрустрацию, беспокойство, тревогу, неуверенность, боязнь, подавленность, отчаяние, апатию, чувство неуверенности и т.д., страх и панику. Как и предыдущий параметр, этот является определяющим и, в идеале, должен

стремиться к максимуму. Эффективность действий военного в напряженной ситуации в значительной степени определяется уровнем сформированной готовности к развивающимся событиям, умением управлять своим эмоциональным состоянием. Неподготовленность военного к управлению собой, возникающие из-за этого ошибки и упущения могут содержать в себе предпосылки будущих «отказов» в профессиональной деятельности. Такая личность, как заметил И.П. Павлов, «владеет высшей реактивностью, а следовательно, социальной разрушаемостью, быстрой утомляемостью». Утомление ведет к преобладанию торможения, что может приводить к нарушениям психических функций. Для определения эмоциональной стабильности предлагается стандартный тест Леонгарда.

Открытость (интеллект, независимо мыслящий). Свободное мышление в военных условиях больше проявляется в способности принимать решения и критичности мышления, а также в показателях внимательности и трудоспособности в условиях разнообразных помех. Для определения независимости мышления предлагается набор стандартных тестов на внимание с использованием помех.

Рассмотрим интерперсональную модель психики Т. Лири применительно к военнотружущему⁸.

1. «Биовыживательный» контур: с военной точки зрения, он обеспечивает консолидацию сил единокровных родственников перед лицом общей опасности. Проявлением этого принципа в классической стратегии является такой образ действий, при котором потери минимальны.

2. Эмоционально-территориальный контур: в армии это проявляется как военная дисциплина, персонифицируемая сержантом. Именно этот контур отвечает за жестокость войн и психологическую специфику всех видов конфликтов.

3. Семантический контур: его идеальным воплощением является военное искусство классической «немецкой школы», базирующееся на идеях К. Клаузевица, Х.К. фон Мольтке-старшего и А. фон Шлиффена. Дело в том, что именно германский генеральный штаб породил новый тип офицера – никогда не участвующего в боях на полях сражений,



являющегося, скорее, ученым-аналитиком, создавшим теорию стратегии, нежели солдатом.

4. Социально-половой контур породил стратегию идеологической войны, направленную против чуждой культурогенной формы, которая, как правило, ведется путем формирования общественного мнения средствами пропаганды, характерными для политической борьбы. Особенностью этого контура является то, что человек для стратегического решения своих личных проблем использует чувства других людей, превращая их в форму своей сексуальной самореализации.

5. Нейросоматический контур: большинство командиров, принимающих судьбоносные стратегические решения, не умеют работать со старшими контурами сознания. В результате этого знаки, которые посылает им Вселенная, оказываются неправильно понятыми.

6. Значительно более богатые возможности содержит шестой, нейрогенетический контур. Если интуитивные озарения пятого контура происходят еще на уровне человеческой личности, то шестой контур работает на уровне базы данных коллективного бессознательного всего человечества.

Следующие контуры проявляются исключительно как сверхспособности, возникающие при подключении индивидуальной психики к седьмому – локальному квантовому контуру и восьмому – контуру метапрограммирования, которые отвечают за взаимодействие индивидуума с Вселенной на причинно-следственном уровне.

В итоге рассмотренных психологических моделей личности можно представить предлагаемую модель личности военнослужащего, теоретическую и допустимую (рис.2). Такое графическое представление модели может быть итогом анализа результатов «батареи» тестов, причем идеал по существующим трем тестам будет определяться по среднему значению от всех проведенных.

Данная модель была применена при диагностировании выборки студентов. Социально-психологическая диагностика по отобраным методикам проведена среди учащихся на военной кафедре Саратовского государственного технического университета (СГТУ) для определения норм по каждому из



Рис. 2. Основные стратегии поведения в конфликте

тестов, выборка составила 151 человек (большая группа). Проводилось тестирование и для малых групп, которые состоят из студентов, желающих поступить на военную кафедру. Нормы, полученные для большой группы, применялись для того, чтобы рекомендовать испытуемых к военной службе.

Большая группа сформирована по признаку учебы и реализации боевых учебных задач на военной кафедре СГТУ. Задача диагностики – выбрать «успешных». Вычисление норм большой группы прошло по интегративным показателям каждого теста. Норма определена следующим образом: при использовании математического ожидания интегративного показателя выборки, которое принималось за центр области нормы, от него откладывались средние квадратичные отклонения, которые и явились правым и левым пределом нормы для определенного интегративного показателя.

Приближение (репрезентативность большой группы) определялось по отклонению полученного распределения определенного параметра теста от нормального распределения (НР). Нас интересуют только те, кто относится к норме, в НР это равно 68%. Внимание у 94-х из 151-го испытуемого в норме (62,25%), что достаточно близко к 68%, тест Леонгарда – 58,28%, ИФЖЛ – 64,24%.

Социально-психологическая структура малой группы, сформированная по признаку учебы в одной академической группе, включает как норму, так и особые случаи, что в совокупности представляет структуру испытуемых (рис. 3). Отсюда следует, что группа испытуемых в 151 человек является репрезентативной и полученной нормой можно пользоваться как нормой популяции.

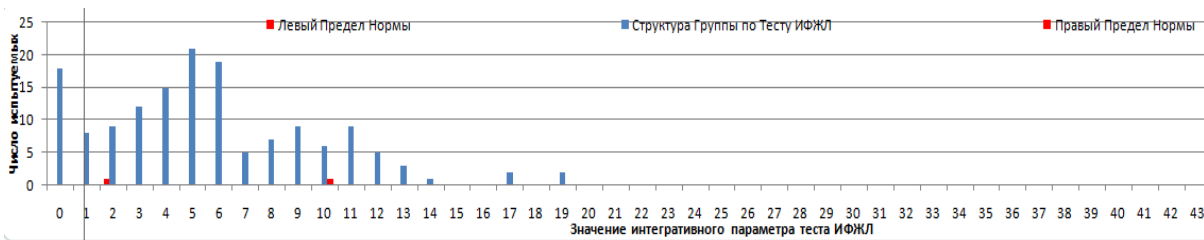


Рис. 3. Структура малой группы по тесту «Идеологическая модель жизнедеятельности личности»

Следует также вычислить и профессиональную норму. Предположим, что интегративные показатели психодиагностических тестов, применяемых в «батарее», ортогональны, т.е. не влияют друг на друга и не зависят друг от друга, тогда имеет место график с областью норм. Группа испытуемых в таком графике будет представлена некоей ограниченной трехмерной фигурой (рис. 4). В дальнейшем следует доказать ортогональность, используя вычисление соответствующих коэффициентов.



Рис. 4. Диаграмма распределения статистической нормы популяции по интегративным показателям тестов

В заключение можно сделать выводы: результаты диагностики выборки в 151 человек позволили вычислить норму популяции, которая может использоваться для рекомендации студентов к обучению на военной кафедре, исходя из соответствия интегративных параметров тестов нормам популяции. Норма популяции близка к нормальному распределению. Для более строгого и детального отбора требуется вычислить профессиональную норму по всем интегративным показателям теста.

В ходе проведенного исследования выявлено соотношение между малыми группа-

ми и большой. Как и большая группа, все малые не имеют асимметрии относительно нормального распределения. Так как большая группа составлена из малых, то будем считать, что в работе показано стремление распределения интегративного критерия каждого теста к нормальному распределению при увеличении выборки.

По итогам данной работы можно предположить, что испытуемые, входящие в профессиональную норму по интегративным показателям всех тестов, успешны в профессиональной деятельности и наоборот. Проверка этой гипотезы заключается в доказательстве того, что у всех успешных интегративный показатель каждого теста приблизительно одинаков. В дальнейшем предполагается верификация данной гипотезы, а задачей последующего теоретического и практического обучения будет приближение военнослужащего к данной социально-психологической модели личности военнослужащего.

Примечания

¹ См.: Leary T. The Interpersonal Diagnosis of Personality: a functional theory and methodology for personality evaluation / T. Leary. N.Y., 1957.

² См.: Larsen R.J. Personality Psychology: Domains of Knowledge About Human Nature / R.J. Larsen, D.M. Buss. N.Y., 2002.

³ Психологические теории и концепции личности: Краткий справочник / Под ред. П. Горностая, Т. Титаренко. Киев, 2001.

⁴ См.: Указ. соч.

⁵ См.: Шамаев В.Г. Общественно-государственная подготовка / В.Г. Шамаев, Е.М. Локтев. Воронеж, 2004.

⁶ См.: Анцупов А. Конфликты в подразделениях, основные способы их предупреждения и разрешения / А. Анцупов, В. Ковалев // Ориентир. 2002. №2. С.50–53.

⁷ См.: Гурии В. Социально-психологические основы взаимоотношений в воинском коллективе и пути их укрепления / В. Гурии // Ориентир. 2001. №7. С.42–45.

⁸ См.: Морозов А.В. Психология личности / А.В. Морозов. СПб., 2002.

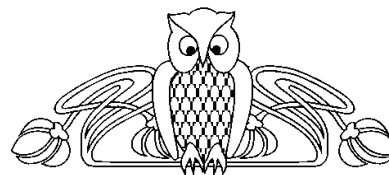


УДК 316.37

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

А.А. Понукалин

Саратовский государственный университет
E-mail: ponukalin@yandex.ru



В статье представлены психологические исследования инновационной деятельности. Основанием исследования является изложенное в Концепции 2020 положение о необходимости выбора инновационного пути развития. Ставится задача, которая предполагает научную разработку понятия инновации как многомерной величины, определяемой в пространстве многих переменных и, в том числе, – психологических. Указывается на необходимость разработки психологической теории индивидуальной инновационной деятельности, что позволит решать задачи управления данной деятельностью.

Ключевые слова: психология управления инновационной деятельностью, инновационная личность, Концепция развития России, структура личности, субъект деятельности, индивидуальная инновационная деятельность, массовое сознание, инновационная культура, социально-психологические установки.

Social Psychology of Management of Innovative Activity

A.A. Ponukalin

Psychological researches of innovative activity are submitted in given article. The basis of the given research is 2020 regulations about the necessity of a choice of an innovative way of development stated in the Concept. Problem which assumes scientific study of concept of an innovation as the multivariate size determined in space of many variables and including – psychological accept is formulated in the article. The necessity of development of the psychological theory of individual innovative activity that will allow solving problems of management of the given activity is underlined in article.

Key words: psychology of management of innovative activity, innovative person, Concept of development of Russia, structure of the person, the subject of activity, individual innovative activity, mass consciousness, innovative culture socially-psychological installations.

Социально-психологическое обеспечение высокопрофессионального производительного труда в современной социально-экономической ситуации, когда последствия мирового кризиса продолжают оказывать своё деструктивное влияние, предполагает решение научно-практических проблем активизации человеческого потенциала на качественно новом уровне проявлений творческой инициативы работников. Это уже требования инновационного общества, в котором становится крайне необходимым создание условий для интенсификации инновационной деятельности. Проблема социально-психологического обеспечения инновацион-

ной деятельности сегодня является одной из самых актуальных в соответствии со стратегией развития страны, представленной в «Концепции 2020».

Безальтернативность перехода России на инновационный путь развития предполагает необходимость решения теоретических задач в сфере организации систем инновационной деятельности (ИД). Для решения таких задач необходима теория ИД, которая к настоящему времени не разработана, по крайней мере, в контексте социальной психологии и психологии труда, поэтому, в первую очередь, требуется социально-психологическое описание инновационной деятельности и эта теоретическая задача ещё не решена.

Термин «инновация» и другие связанные с ним, по-видимому, впервые обрели легитимность в российском законодательстве в 1995 г. с принятием постановления Межпарламентской ассамблеи государственных участников СНГ от 13.05.1995 «О рекомендательном законодательном акте “Об основных принципах сотрудничества государственных участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности”», в котором инновационная деятельность характеризовалась как «деятельность, направленная на внедрение новых идей, научных знаний, технологий, видов продукции и т.д. в области производства, управления, труда на предприятии, в отрасли»¹. Впоследствии определение этого термина было дано в постановлении Правительства Российской Федерации от 24.07.1998 № 832 «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы».

С психологической точки зрения инновацию можно рассматривать как результат продуктивного мышления, которое организует продуктивную деятельность, и если она



осуществляется более или менее эффективно, то всегда направлена на объективно новый результат². На инновационном этапе развития современного общества исследованиям инновационной деятельности посвящены работы представителей самых различных научных направлений, даются определения инновационной деятельности вуза, региона, страны, например, такое: «Инновационная деятельность предусматривает широкую реализацию результатов научных исследований и разработок в области создания современных интенсивных технологий, выпуск высокотехнологичной, конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынках продукции»³.

Из этих, как и многих других определений следует, что ИД является сложной и профессионально разнообразной, требующей усилий многих специалистов. С этой точки зрения правильно было бы предположить, что она имеет системное строение, в ней распределены функции между исполнителями, которые связаны друг с другом определённым образом. Системное строение предполагает наличие структурных составляющих, которые необходимо организовать, и поддерживать ход ИД посредством управления, сохраняя организацию таких составляющих. Создание системы начинается с действия системообразующего фактора, который задаёт цель и связывает в одно целое необходимые для её достижения элементы образуемой системы.

В качестве системообразующего фактора может выступать подгруппа исполнителей, осуществляющих операции анализа следящих объектов:

результатов фундаментальных научных исследований в разных областях знаний, что позволяет решать задачи межпредметного синтеза как базы инноваций;

прогнозных моделей динамики потребительского рынка в разных временных интервалах, на базе которых создаются опережающие разработки востребуемых обществом товаров и услуг;

стратегических планов выпуска продукции мировыми производителями и их возможностей: временных, в плане объёмов и качества.

По результатам анализа разрабатывается «Тезаурус сбыта» и на его основе строится модель системы ИД с её структурными составляющими. Одна из ведущих задач подгруппы анализа – установление соответствия между прогнозируемой потребностью в потребительских товарах (и средствах их производства) и возможностью их производства на основе результатов фундаментальных научных исследований, выявление наиболее перспективных направлений исследования, определение приоритетов. Подгруппа анализа, таким образом, представляет собой высший уровень интеграции межпредметников, принимающих решения, и узких специалистов – консультантов. По существу, это социально-психологическая общность, от деятельности которой (в рамках ИД) зависит общественное благополучие.

В структуру системы ИД также включаются и другие подгруппы. Необходимо выделить и ту, которая изучает и формирует массовое сознание (в контексте стратегий и перспектив развития общества, его эволюции) реальных и потенциальных потребителей в отношении инновационной продукции, поэтому в систему ИД включены и будущие потребители, благодаря которым система будет экономически выгодной, надёжной и устойчивой, как минимум, рентабельной.

Кроме того, в эту систему входят исследователи, результаты работы которых оказались выбранными для внедрения; разработчики, выполняющие опытно-конструкторские работы по созданию образца продукции; технологи, оптимизирующие процесс серийного выпуска продукции; производители этой продукции; маркетологи и реализаторы; экономисты-плановики, логисты, которые заинтересованы в продуктивности ИД.

Организующим основанием системы ИД является единичный инновационный цикл с его результатами: экономическими, социальными, политическими, психологическими, идеологическими, технологическими, производственными, которые должны быть содержанием различных аспектов общей цели для всех субъектов деятельности, принятой ими сознательно как своей собственной. В этом случае можно говорить о том, что они



составляют группу как социально-психологическую общность, и тогда управление ИД есть управление такой группой. Одна из сложных социально-психологических задач при этом – согласование интересов подгрупп, организация межподгруппового взаимодействия на основе положительных отношений и социально-психологической атмосферы «общего дела», наличие которого означает, что все субъекты в системе осуществляют совместную деятельность. «Совместная деятельность является таким целостным феноменом, в котором концентрируются и интегрируются основные социально-психологические явления. Именно в совместной деятельности наиболее полно представлена взаимосвязь и взаимозависимость (через взаимодействие и взаимоотношение) основных психологических феноменов и понятий: личности, группы и деятельности, образующих вершины теоретического треугольника, его стороны при этом обозначают взаимодействия, а плоскость треугольника – совместную деятельность»⁴.

Социально-психологическая категория «совместная деятельность» может быть основополагающей в социально-психологической интерпретации инновационной деятельности как системы. Следовательно, в процессе ИД как совместной деятельности возникает взаимодействие и устанавливаются взаимоотношения в специфической группе личностей, осуществляющих интегрированные индивидуальные деятельности.

Специфика группы, с точки зрения А.Л. Журавлёва, в том, что концепция совместной деятельности представляет собой удачную теоретическую схему, объясняющую психологию устойчивых трудовых коллективов. Исходя из этого, система ИД включает устойчивый коллектив. Для целей нашей работы принципиальное значение имеет вывод этого исследователя о том, что теоретический потенциал концепции совместной деятельности наиболее успешно реализуется в прикладных отраслях, например: социальной психологии, психологии различных видов труда, управления, экономической психологии, имеющих дело с трудовыми группами в естественных условиях их жизни.

недеятельности. Он также полагает, что текущее десятилетие будет характеризоваться более интенсивным исследованием пограничных проблем социальной психологии и таких общественных наук, как экономическая (в частности, экономическая психология), наука управления (организационная психология и психология управления).

Журавлёв подчеркивает: «Феномен контекста или фона, на котором реализуется совместная деятельность, становится принципиальным в понимании социально-психологических явлений в группе»⁵. Он полагает, что таким фоном становятся различного рода изменения в обществе («инновационный фон»), проявляющиеся, в том числе, на уровне психологии первичного коллектива и его совместной деятельности, особенно трудовой⁶. Таким образом, при современных экономических изменениях инновационная деятельность рассматривается как трудовая деятельность. Общественно полезный труд как процесс производства социально ценного продукта и как область общественной практики составляет содержание индивидуальной или совместной трудовой деятельности. Но это и тот предмет, который специфическим образом отражен в общественном и индивидуальном сознании, поскольку сознание и труд филогенетически, онтогенетически и онтологически взаимосвязаны и непрерывным образом взаимодействуют. Вот почему «... очень важно рассматривать труд не только с точки зрения его объективного содержания, но и со стороны внутренней, субъективной – со стороны содержания сознания»⁷. Человек осуществляет трудовую деятельность, включающую осознаваемый компонент труда, имеющий определённое содержание.

У каждого человека в процессе смыслообразования формируется концепция труда, образ представления о нем с точки зрения необходимости и возможностей. Смысл и образ труда в их объективных и субъективных составляющих выполняют функции регуляторов трудовой деятельности, становятся факторами ее динамики и определяют различные ее параметры. Объективные и субъективные составляющие образуют совокупность субъективных переживаний, образов.



Анализ психологического содержания категории «субъект труда» (сложное единство когнитивных, мотивационных и операторных элементов) начинается с анализа отражения в сознании деяний – единиц труда (единство замысла, исполнения, оценки), как они определены Е.А.Климовым⁸. Конкретная трудовая деятельность порождается и направляется своим предметом, отраженным в психике в форме антиципируемого результата – материального или идеального, поэтому основной психологической характеристикой конкретной трудовой деятельности будут его субъективные качества. Важнейшие из них – источники возникновения (внешние или внутренние) будущего результата (формирование замысла); степень осознанности будущего результата, его устойчивость и динамика; субъективное отношение, переживание и понимание индивидуальной и (или) социальной ценности конкретного результата, необходимости его достижения, обусловленной личными или общественными целями или их совокупностью. При этом труд (в психологическом значении), как пишет Е.А. Климов, начинается тогда, когда будущий результат имеет позитивную общественную ценность, т.е. соответствует идеалам, нравственным нормам и принципам, а сознание этой ценности является ведущим реальным регулятором активности человека, осуществляющего трудовую деятельность как сознательную, целенаправленную.

Из теоретических положений Е.А. Климова следует, что ИД должна быть результатом формирования субъективного компонента труда как единого процесса, осуществляемого всеми субъектами труда, осознающими её социальную ценность. Цель инновационной деятельности при этом становится ведущим регулятором индивидуальных деятельностей личности каждого исполнителя. В этом плане важной будет не только их профессиональная подготовка, но и морально-нравственная, направленная на формирование гражданской позиции, социальной ответственности, чувства общественного долга.

В отечественной психологии разработана психологическая теория индивидуальной человеческой деятельности и категория дея-

тельности является одной из базовых в психологии. К описанию индивидуальной инновационной деятельности (с целью построения её теории) можно применить психологическую категорию деятельности. В основе такой теории структура деятельности, разработанная А.Н.Леонтьевым, в которую входят такие компоненты, как мотив, операции и действия, составляющие её систему⁹.

Индивидуальную инновационную деятельность мы рассматриваем как специфическую человеческую, в которой важнейшим компонентом выступает проблемная ситуация, преобразующая мотив в мотив-цель. Отсюда следует структура такой деятельности: мотив, операции, проблемная ситуация, действия, цель, мотив-цель. Психология инновационной деятельности обращена к социальным качествам человека, а потому её структура формируется в течение значительного периода его жизнедеятельности, поэтому субъект инновационной деятельности – личность, характеризующаяся сформированными адекватными инновационной деятельности личностными качествами¹⁰.

Индивидуальная инновационная деятельность в силу своей специфики предъявляет к психике своего субъекта определённые требования. Построив на этом основании психограмму, можно решать практические задачи подготовки профессионала как инновационной личности. Актуальной становится научная проблема разработки психологического портрета такой личности, выбора методов диагностики, построения планов и программ специальной психологической подготовки. Определив необходимые требования к психике человека в контексте формирования инновационной личности, можно поставить задачу формирования массового сознания населения с целью создания инновационной социально-психологической атмосферы в обществе, что, в конечном счёте, позволит построить общество инновационного типа, характеризующегося положительной инновационной средой. В такой среде необходимо решать задачи социальной регуляции организационного поведения¹¹. Исходный элемент социальной регуляции – институционализация: введение и установление



социальных норм как регуляторов поведения. «В организациях инновационная культура определяется такими факторами, как человеческие особенности членов коллектива, профессионально-квалификационный состав, стиль руководства и человеческие особенности администраторов, опыт и практика организационно-трудовых изменений в прошлом, наличие информации и информированность»¹².

В стратегии полной реализации психологического потенциала существенное значение приобретает специальная психологическая подготовка будущих профессионалов (как субъектов инновационной деятельности), которая должна стать неотъемлемой и одной из важнейших составляющих профессионализации. Объектом и результатом подобной подготовки является «инновационная» психологическая готовность как состояние субъекта, представляющее форму настройки его «психического организма» и системную реакцию на соответствующую реальную или прогнозируемую ситуацию. Поскольку основную роль в успешной реализации инновационного процесса играет человеческий фактор, то человек, участвующий в производственной системе, в процессе внедрения нововведений должен пройти, по крайней мере, четыре стадии готовности:

понять необходимость нововведения: понимание предполагает готовность принять новое;

принять целесообразность нововведения, его эффективность: принять означает стать его сторонником;

приобрести необходимые знания и на их основе быть готовым принять профессиональное участие в процессе реализации нововведения;

быть готовым реализовывать и развивать новое¹³.

Создание инновационной среды предполагает разработку и освоение инновационных методов управления процессами в этой среде, в первую очередь, в инновационных организациях, составляющих систему ИД. В мировой практике уже «осуществляется трансформация иерархического, бюрократического, авторитарного менеджмента в от-

крытый процесс, характеризующийся самоорганизацией и увеличением значимости самоуправления в атмосфере сотрудничества и организационной демократии»¹⁴. В работе И.Д. Коротца отмечается, что в наиболее успешных корпорациях современные менеджеры стремятся к изменению управленческой парадигмы в соответствии с пропорциями человеческой сущности, т.е. главным становится человеческий фактор¹⁵. При этом отдача когнитивного потенциала увеличивается при применении сетевых принципов, организационной демократии, гибких матриц и сотрудничества. Примечательно то, что члены корпорации начинают действовать в качестве лидеров (на основе самомотивации) и стремятся к эффективной командной работе. В подобных коллективах, пишет автор, проявляются творческий потенциал, взаимная поддержка, кооперация творческих усилий и другие факторы, т.е. всё, наиболее характерное для коллективов как трудовых групп, достигших высшего уровня своего развития.

Особое место в создании системы ИД занимает процесс формирования команды, в форме которой коллектив достигает высших результатов. Команда характеризуется таким качеством как сыгранность. Сыгранная команда приобретает системные свойства, не равные сумме качеств членов команды (способности не складываются, но умножаются). Сыгранность формируется в развитии коллектива в процессе формирования общности интересов, высший её уровень – интеллектуальный. Она строится на профессиональных знаниях и умениях и реализуется посредством коллективного управления. Интеллектуальная сыгранность эффективна в проблемных ситуациях.

Таким образом, можно отметить, что управление инновационной деятельностью строится на основе решения, в первую очередь, социально-психологических задач и главной из них – формирования коллектива как команды (системы ИД), интегрирующей не только высококлассных специалистов разных профилей, но и те или иные слои населения, составляющие неотъемлемую часть создаваемой системы, поскольку «нововведения нужны для удовлетворения новых по-



требностей, возникающих рано или поздно в любой социально-экономической системе»¹⁶. В разработке социально-психологических механизмов управления в системе ИД необходимо учитывать общие законы общественно-го бытия, в том числе и экономические. Таким образом, можно утверждать, что именно инновации являются источником материализации новых идей в обществе и ориентируют его на усиление динамики рыночного спроса и более полное удовлетворение возрастающих потребностей.

Примечания

- ¹ Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «О рекомендательном законодательном акте “Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности”» / Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ. СПб., 1995. С.1.
- ² См.: Новиков А.М. Методология учебной деятельности / А.М. Новиков. М., 2005. С.6.
- ³ Атоян В.Р. Вузовский технопарк как базовая структура инновационной деятельности региона / В.Р. Атоян, А.А. Коваль, В.Ю. Тюрина, Ю.В. Чеботаревский. Саратов, 2001. С.3.
- ⁴ Журавлёв А.Л. Развитие концепции совместной деятельности в современной отечественной психологии / А.Л. Журавлёв // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М., 1997. С.12.

⁵ Журавлёв А.Л. Указ. соч.

⁶ Журавлёв А.Л. Социально-психологические проблемы детерминации поведения личности и группы / А.Л. Журавлёв // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М., 1997. С.3.

⁷ Климов Е.А. Психология труда как область познания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия / Е.А. Климов // Вопр. психол. 1983. №1. С.14.

⁸ Климов Е.А. Психологическое содержание труда и вопросы воспитания / Е.А. Климов. М., 1986.

⁹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. М., 1977.

¹⁰ См.: Понукалин А.А. Психология инновационной деятельности / А.А. Понукалин // Социология инноватики: социальные механизмы формирования инновационной среды. М., 2008.

¹¹ Бедулин И.И. Инновационные подходы к регулированию организационного поведения / И.И. Бедулин // Социология инноватики: социальные механизмы формирования инновационной среды. М., 2008.

¹² Иванцова М.В. Формирование организационной культуры под действием инновационных изменений / М.В. Иванцова // Там же. С.284.

¹³ См.: Иванцова М.В. Указ. соч. С.285.

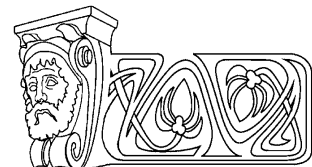
¹⁴ Клок К. Конец менеджмента / К. Клок, Дж. Голдсмит. СПб., 2004. С.368.

¹⁵ См.: Коротец И.Д. Некоторые условия обеспечения эффективности инновационной деятельности / И.Д. Коротец // Социология инноватики...

¹⁶ Жиц Г.И. Инновационная экономика в вопросах и ответах / Г.И. Жиц. Саратов, 2009. С.11.

УДК [316.6:156.923] (082)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ



А.В. Созонник

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: sznник@rambler.ru

В статье изложены результаты изучения динамики стратегий преодолевающего поведения курсантов высшего военного учебного заведения в условиях профессиональной социализации. Анализ данных, полученных в ходе проведенного исследования, позволяет определить собственное видение проблемы и необходимо в дальнейшем для обнаружения социально-психологических детерминант стратегий преодолевающего поведения.

Ключевые слова: стратегии поведения, преодолевающее поведение, просоциальные модели преодоления, агрессивное поведение, ассертивное поведение, поиск социальной поддержки, профессиональная социализация личности, нервно-психическая устойчивость.

The Features of the Overcoming Behavior of Cadets of the Military Institution in the Professional Socialization

A.V. Sozonnik

The article presents the results of studying the dynamics of strategies for overcoming behavior of students from the higher military educational institution in terms of professional socialization. Analysis of data, obtained in the course of the study, allows the author to reach their own vision of the problems, and also the analysis are needed in the future to determine the socio-psychological determinants of strategies for overcoming behavior.

Key words: strategies behaviors, overcoming behavior, pro-social model of coping, aggressive behavior, assertive behavior, search for social support, professional socialization of personality, neuro-psychological stability.



Устойчивость человека к стрессу в различных профессиях издавна привлекала внимание психологов различных направлений. Анализ факторов, вызывающих стресс в различных видах деятельности, показал, что существует ряд профессий, в которых человек начинает испытывать чувство внутренней эмоциональной неудовлетворенности и опустошенности, вследствие необходимости постоянной социальной ответственности за других людей и принятия жизненно важных решений. Профессиональная деятельность офицеров внутренних войск МВД России характеризуется воздействием значительного числа стрессогенных факторов и предъявляет повышенные требования к психологическим качествам личности, обеспечивающим преодолевающее поведение и эффективную стрессоустойчивость как в повседневной жизнедеятельности, так и при выполнении служебно-боевых задач. Понимание условий, причин и особенностей формирования стратегий преодолевающего поведения курсанта способствует определению детерминирующих факторов его становления в процессе профессиональной социализации и готовности к профессиональной деятельности в последующем.

Теоретические основы проблемы преодолевающего поведения в настоящее время очень активно разрабатываются в современной отечественной и зарубежной психологической науке, и они тесно связаны с проблемой стресса. Многие исследователи ищут ответы на вопросы, каким образом человек справляется со стрессовыми ситуациями, экстремальными событиями в своей жизни и профессиональной деятельности, как он их разрешает. В отечественной психологии изучение проблематики преодолевающего поведения (coping behavior) началось сравнительно недавно. Преодолевающее поведение, зависящее от двух факторов – личности и реальной ситуации, проявляется на поведенческом, эмоциональном и познавательном уровнях функционирования личности¹.

В концепции стресса Г. Селье и его последователей² основное внимание уделялось анализу внешнего воздействующего фактора, вызывающего стресс, однако психологи и, прежде всего, Р.С. Лазарус обосновали положение о том, что способность преодолевать

стресс в большинстве случаев более важна, чем природа и величина стрессирующих факторов. Это явилось теоретической основой развития когнитивной теории стресса и копинг-поведения Р.С. Лазаруса³.

В теории преодолевающего поведения важное значение имеют механизмы преодоления стресса, определяющие развитие различных форм поведения, приводящих к адаптации или дезадаптации личности⁴. Экспериментальные исследования показали, что для преодоления, совладания со стрессовой ситуацией каждый человек использует собственные стратегии преодоления на основе имеющихся у него личностного опыта и психологических резервов (личностных ресурсов)⁵. В настоящее время распространена классификация, согласно которой стратегии преодолевающего поведения подразделяются на активные и пассивные, адаптивные и дезадаптивные⁶. К активным исследователи относят стратегию «разрешение проблем» как базисную копинг-стратегию, включающую все варианты поведения человека, направленные на разрешение проблемной или стрессовой ситуации, и стратегию «поиск социальной поддержки», включающую поведение, направленное на получение социальной поддержки от среды. К пассивному преодолевающему поведению относятся варианты, включающие базисную стратегию «избегание», хотя некоторые формы избегания могут носить и активный характер⁷.

Проблема изучения стратегий преодолевающего поведения курсантов военного вуза определила цель нашего исследования, состоящую в выявлении динамики поведенческих стратегий преодоления и определении его социально-психологических детерминант. Для выявления личностных и социально-психологических детерминант стратегий преодолевающего поведения курсантов первоначально нами использовались: опросник SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (1994) в адаптации Н.Е. Водопьяновой (2008), анкета «Прогноз-2» В.Ю. Рыбникова⁸, тест «Индекс жизненной удовлетворенности» (О.С. Копиной, Е.А. Суловой, 2004). В выборку исследования вошли 265 респондентов с 1-го по 5-й курсы, проходящих обучение в Саратовском военном институте внутренних войск МВД России.



Обратимся к результатам исследования. Изучение динамики предпочтения той или иной стратегии совладания позволило выявить ряд особенностей на разных этапах профессиональной социализации курсантов. Так, наиболее предпочитаемыми стратегиями являются активные просоциальные модели такие, как: вступление в социальный контакт (24,3 балла), ассертивные действия (23,7), поиск социальной поддержки (23,01); менее предпочитаемыми являются избегание (15,06), агрессивные действия (15,3 балла). Как видно, в целом более предпочитаемыми являются просоциальные модели преодоления, являющиеся одновременно наиболее конструктивными в социальном взаимодействии. Показательным является тот факт, что преодоление путем асоциальных действий является менее выбираемой стратегией преодоления.

Сравнение результатов показало, что такие стратегии преодоления как ассертивные действия, вступление в социальный контакт имеют высокую степень предпочтения, а поиск социальной поддержки, осторожные, импульсивные, непрямые, асоциальные действия обладают средней степенью выраженности.

Так, на первом и втором курсах обучения для преодоления сложных ситуаций курсанты отдают предпочтение стратегиям преодолевающего поведения, выраженным в ассертивных действиях и поиске социальной поддержки (рис. 1, 2).

Однако следует заметить, что преодоление путем избегания и агрессивных действий имеют высокую тенденцию к росту на более старших курсах, т.е. в стрессогенных, в том числе, и конфликтных ситуациях курсанты склонны применять деструктивные, непродуктивные модели преодоления, ведущие к эскалации сложных стрессовых ситуаций, а не к их разрешению. Тенденция по всей выборке к применению агрессивных действий в преодолении стрессогенных ситуаций свидетельствует о недостаточном развитии самоконтроля в поведении курсантов. Актуализируется вопрос о необходимости формирования и закрепления конструктивных и снижения частоты использования деструктивных стратегий преодоления у курсантов (рис. 3,4).

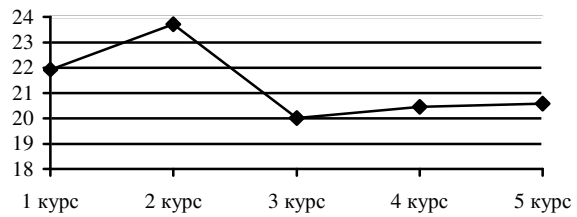


Рис. 1. Динамика показателей ассертивности

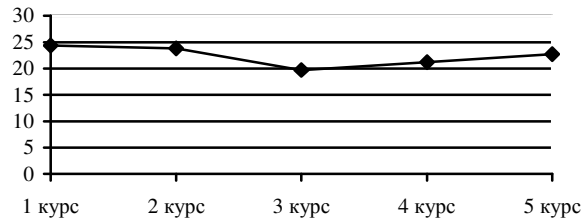


Рис. 2. Динамика поиска социальной поддержки

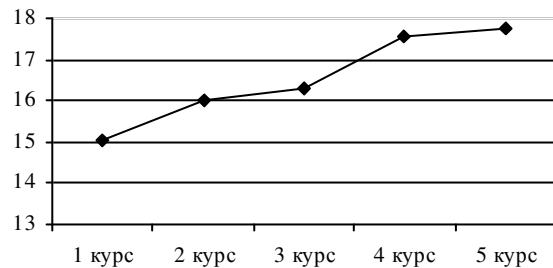


Рис. 3. Динамика избегания

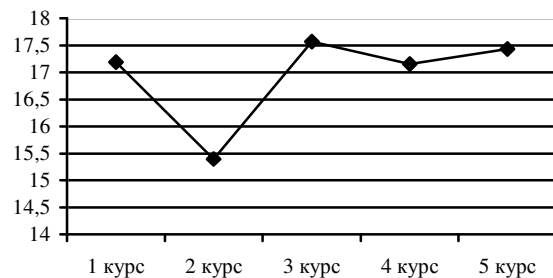


Рис. 4. Динамика агрессивности

Полученные данные позволяют констатировать неприятный для образовательного процесса военного высшего учебного заведения факт, заключающийся в том, что в период обучения курсантов изменяются их предпочтения в выборе стратегий преодолевающего поведения: при снижении выбора просоциальных и активных моделей копинг-поведения повышается уровень применения асоциальных, в том числе, агрессивных и



непрямых стратегий, что во многом объясняет факт учащения случаев конфликтных ситуаций, снижения успеваемости и увеличение отчислений курсантов.

Интересными для нашего исследования являются показатели уровня нервно-психической устойчивости испытуемых: они динамичны, изменяются в процессе военно-профессиональной социализации и отражают устойчивость личности по отношению к возникающим сложным ситуациям (рис. 5).

Нервно-психическую устойчивость можно определить, как способность индивида противостоять внешним воздействиям, которые могут выводить человека из состояния нервно-психического равновесия, способность самостоятельно, с высоким быстродействием возвращаться в состояние психического равновесия.

Наилучшей способностью противостоять сложным жизненным ситуациям обладают курсанты второго курса, имеющие показатели 8,84 балла (нервно-психическая устойчивость «хорошая»), показатели остальных курсов варьируются от 14,2 до 16,2 балла и имеют «удовлетворительное» значение (см. рис. 5).

Эти данные позволяют отметить, что для курсантов с активным, просоциальным типом преодолевающего поведения характерны высокий уровень нервно-психической устойчивости, устойчивость в стрессе, способность к повышению качества профессиональной деятельности в напряженных ситуациях. Тогда как для курсантов с асоциальным, пассивным копинг-поведением характерны низкий уровень нервно-психической устойчивости, неустойчивость в стрессе, повышенная склонность к снижению качества учебной и профессиональной деятельности в

напряженных ситуациях, высокая вероятность нервно-психических срывов, склонность к конфликтности.

При исследовании уровня общей жизненной удовлетворенности респондентов как показателя общего психологического комфорта и социально-психологической адаптированности для нас интересен тот факт, что при применении наиболее резистентных стратегий преодолевающего поведения, таких как асертивные действия, вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки, курсанты имеют наиболее высокие показатели уровня общей жизненной удовлетворенности в противоположность тем, кто прибегает к асоциальным, агрессивным и пассивным стратегиям преодолевающего поведения (рис. 6).

Исследование взаимосвязей между стратегиями поведения, нервно-психической устойчивостью и индексом жизненной удовлетворенности личности курсантов военного вуза осуществлялось путем применения корреляционного анализа. Результаты свидетельствуют о наличии прямых связей между активными просоциальными стратегиями преодоления: асертивными действиями, вступлением в социальный контакт и выбором социальной поддержки с индексом жизненной удовлетворенности личности; наблюдается значимая корреляция агрессивных действий и стратегии избегания с уровнем нервно-психической устойчивости. Вместе с тем при снижении показателей уровня нервно-психической устойчивости (положительная динамика) увеличивается индекс жизненной удовлетворенности и проявляются предпочтения в выборе активных просоциальных стратегий поведения (табл. 1).

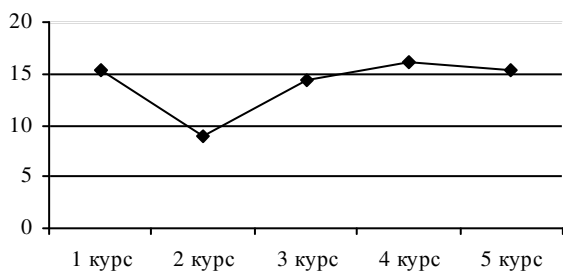


Рис. 5. Показатели нервно-психической устойчивости

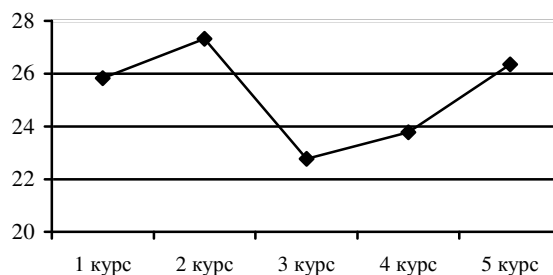


Рис. 6. Показатели уровня жизненной удовлетворенности



Таблица 1

Статистически значимые показатели корреляции

		Ассер- тивные действия	Вступле- ние в со- циальный контакт	Поиск социальной поддержки	Осто- рожные действия	Импуль- сивные действия	Избе- гание	Непрямые действия	Асоци- альные действия	Агрес- сивные действия	Индекс жизненной удовлетво- ренности
ИЖУ	<i>r</i>	0,26**	0,20**	0,13*	0,11	0	-0,10	0,002	-0,03	-0,28**	1
НПУ	<i>r</i>	-0,24**	-0,13*	-0,06	-0,1	0,13*	0,23**	0,02	0,05	0,29**	-0,37**

Примечание. ** – корреляция значима на уровне 0,01, с двух сторон; * – корреляция значима на уровне 0,05, с двух сторон.

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к ряду выводов. В условиях профессиональной социализации курсанты для преодоления сложных жизненных ситуаций прибегают к различным стратегиям преодолевающего поведения, наиболее предпочитаемыми из них являются активные просоциальные модели такие, как: вступление в социальный контакт, ассертивные действия, поиск социальной поддержки. Выбор просоциальных стратегий поведения позволяет курсанту адекватно адаптироваться к сложным психофизиологическим условиям военно-профессионального образовательного процесса.

Уровень нервно-психической устойчивости коррелирует с выбором той или иной стратегии преодолевающего поведения и индексом жизненной удовлетворенности. У курсантов с активным, просоциальным типом преодолевающего поведения высокий уровень нервно-психической устойчивости, устойчивость в стрессе, способность к повышению качества профессиональной деятельности в напряженных ситуациях. У курсантов с асоциальным, пассивным копинг-поведением низкий уровень нервно-психической устойчивости, неустойчивость в стрессе, повышенная склонность к снижению качества учебной и профессиональной деятельности в напряженных ситуациях, высокая вероятность нервно-психических срывов, склонность к конфликтности и низкий уровень жизненной удовлетворенности.

Выбор активных просоциальных стратегий совладания со стрессовой сложной ситуацией связан с повышением общего уровня жизненной удовлетворенности курсантов, у них проявляются положительные тенденции в адаптации, и наоборот, асоциальные модели поведения неизбежно влекут за собой снижение уровня социально-психологического комфорта личности, повышение вероятности нервно-психических срывов и общей дезадаптации.

Профессиональная социализация накладывает существенный отпечаток на всю структуру личности курсанта, включая поведенческие характеристики, а также ценностные и мотивационные, её определяющие. Выявленные тенденции свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения условий, причин и особенностей формирования стратегий преодолевающего поведения курсантов, определения их социально-психологических детерминант как определяющих факторов становления личности в процессе профессиональной социализации и готовности к профессиональной деятельности в последующем.

Примечания

¹ См.: Бодров В.А. Психологические исследования проблемы профессионализации личности / В.А. Бодров // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / Под ред. В.А. Бодрова. М., 1991.

² См.: Селье Г. Очерки об адапционном синдроме / Г. Селье. М., 1960; Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. М., 1979.

³ См.: Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л., 1970. С.178–208; Лазарус Р.С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу / Р.С. Лазарус // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. М., 1989. С.121–126.

⁴ См.: Вассерман Л.И. Психологическая диагностика и новые информационные технологии / Л.И. Вассерман. СПб., 1997; Лебедев И.Б. Копинг-поведение сотрудников ОВД / И.Б. Лебедев. М., 2000.

⁵ См.: Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции / А.Б. Леонова // Психол. журн. 2004. Т.25, №2. С.75–84.

⁶ См.: Сирота Н.А. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств / Н.А. Сирота, В.М. Ялгонский // Обзор. психiatr. и мед. психологии. 1994. №1. С.63–74.

⁷ См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса / Л.А. Китаев-Смык. М., 2009.

⁸ См.: Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля / В.Ю. Рыбников. СПб., 2000.

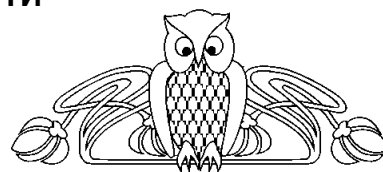


УДК [316.6:159.923] (082)

ВЗАИМОСВЯЗЬ «СУБЪЕКТНЫХ» СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ И СКЛОННОСТИ К ЗАВИСТИ

Р.М. Шамионов

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: shamionov@mail.ru



В статье излагаются результаты исследования взаимосвязи субъективных свойств личности и склонности к зависти. Лица с выраженной субъективной позицией демонстрируют низкий уровень зависти по отношению к ситуативно значимым сферам превосходства другого. Выявлены множественные связи между склонностью к зависти посредством косвенной оценки и самооценки с субъективными свойствами личности.

Ключевые слова: субъект, личность, склонность к зависти, отношение.

The Link «Subjective» Personal Properties and Envy

R.M. Shamionov

The article presents the results of the study of the relationship subject properties and propensity to envy. People with a subject position demonstrate low envy towards situation significant areas of the superiority of another person. Identified multiple links between penchant for envy by indirect assessment and self-assessment with subjective properties of the individual.

Key words: subject, person, propensity to envy, attitude.

Субъективная позиция в отношениях с социальным миром как интегральная характеристика личности, включающая ряд свойств и способностей, выступает главным звеном социальной активности. Она предполагает сознательные и целенаправленные действия, позволяющие личности не только добиваться успеха, но и создавать собственную стратегию жизни, отражающуюся в последовательном самоопределении. Становление субъективной позиции личности связано с эффектами социализации и усилением когнитивно-оценочной функции, когда автономный уровень самоуправления личности достигает определенного оптимума и позволяет ей реализовать свою активность не только в соотношении с внешними инстанциями (например, ожиданиями других), но и вопреки им, если это соотносится с внутренними ценностно-смысловыми образованиями, убеждениями, т.е. конгруэнтно своей личности.

Субъективный подход к изучению личности в отечественной психологии реализуется рядом исследователей (С.Л. Рубинштейн,

Б.Г. Ананьев, В.Ф. Петренко, К.А. Абульханова-Славская, В.В. Знаков, В.И. Моросанова, Е.А. Сергиенко, З.И. Рябикина, Л.И. Анциферова, В.Э. Чудновский и др.). По В.Э. Чудновскому, в характеристике личности, в поведении человека в рамках субъективного подхода подчеркивается роль активного, творческого начала; это означает, что человек не просто подчиняется внешним обстоятельствам, его поведение внутренне детерминировано, и это позволяет ему стать хозяином своей судьбы¹.

Особую область исследования составляет поиск субъективных характеристик личности. В отношении их определения в науке не сложилось однозначного представления. Субъективными характеристиками человека, как считает К.А. Абульханова-Славская, являются активность, способности к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию².

В исследовании Ю.А. Поссель³ доказано, что субъективная позиция личности, представленная связным комплексом личностных свойств, детерминирует социальную направленность личности: представления о социальной реальности, отношения, установки и стереотипы. Субъективная позиция личности в самом общем виде может быть представлена двумя полюсами: латентной субъектностью, характеризующейся подчиненностью, консерватизмом, конформизмом и экстернальностью, и реализующейся субъектностью, характеризующейся доминантностью, радикализмом, нонконформизмом и интернальностью.

Наиболее важной детерминантой социальной активности личности выступает ее социально-психологическая подструктура. В ряде исследований показано, что такие воле-



вые характеристики личности как активность, ответственность, самостоятельность, инициативность и т.д., а также интегральные образования как, например, социальная компетентность (Н.Е. Харламенкова) являются «субъектными».

Б.Г. Ананьев считал, что *позиция* личности как субъекта общественного поведения и многообразной социальной деятельности представляет сложную систему *отношений личности* (к обществу в целом и общностям, к которым она принадлежит, труду, людям, самой себе), *установок* и *мотивов*, которыми она руководствуется в своей деятельности, *целей* и *ценностей*, на которые направлена эта деятельность. Вся эта сложная система субъектных свойств реализуется в определенном комплексе *общественных функций – ролей*, выполняемых человеком в заданных социальных ситуациях развития⁴.

В отношениях проявляются многие характеристики отражения окружающего мира, из которых складываются целостные представления. Причем особенностью этого отражения является пристрастность личности, ее способность к эмоциональной оценке, соотношению с прежними впечатлениями, усвоенными нормами, установками и даже свойствами личности. Б.Ф. Ломов полагал, что эти отношения отражают то, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет (они отражают ценностные ориентации, привязанности, симпатии, антипатии, интересы и др.). По мысли ученого, система этих отношений составляет сложнейшее, многоуровневое, динамическое образование, которое можно описать как многомерное *субъективное «пространство»*, каждое измерение которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению (к труду, собственности, другим людям, политическим событиям и т.д.)⁵.

Мы полагаем, что отношение личности к объектам окружающего мира, социальным объектам и субъектам является той основой, которая побуждает субъекта к реализации последовательного социального поведения. Причем оно может характеризоваться как активностью и мобильностью, так и отсутствием таковых по отношению к своей жизни и

к социальным объектам. Довольно часто последнее проявляется избирательно: в одних сферах личность проявляет активность, в других – не проявляет, а порой их игнорирует. Иначе говоря, отношение становится катализатором направления активности, в том числе, и в межличностном взаимодействии.

Особое место в системе отношений личности принадлежит отношению к своему успеху и успеху другого. Этот вид отношений является интегральным, так как может быть связан и с деятельностью, и с общественными явлениями и социальным поведением, и материальным достатком, а также высокой субъективностью оценки. Отношение к своему успеху и к успеху другого могут быть представлены весьма неоднозначно: возможны разные их комбинации в зависимости от определенных ценностно-смысловых ориентаций личности. И в западной, и в отечественной психологии исследователи стремились выяснить вопрос о связи успешности личности (объективного и субъективного) в различных видах деятельности и отношения к нему (стремление к успеху, ожидание успеха, его игнорирование и т.п.). Отношение к успеху другого не менее разнообразно по своим содержательным характеристикам – принятие его, радость и поддержка по отношению к другому и его успеху, отвержение другого, снижение или превышение значимости успеха, наконец, отношение зависти. Многие характеристики этих отношений могут совпадать по направленности, однако есть та, которая обнаруживается в большей степени применительно к успеху другого, его превосходству в той или иной области. Последнее в большей степени интересует исследователей нового времени. Ряд исследований В.А. Лабунской и ее учеников, К. Муздыбаева, Т.В. Бесковой и др. обращены к концептуализации этого явления, его операционализации, выявлению ряда важных детерминант.

Наиболее важной причиной и условием возникновения зависти исследователи считают социальное неравенство (особенно лиц, принадлежащих одному кругу). Считается, что причиной завистливого отношения являются установка на уравнивание и выравнивание, которые актуализируют сравни-



тельно-оценочную деятельность, а также фрустрация потребности в подтверждении не просто со стороны значимых других, а именно тех других, которые вызывают зависть⁶. По мнению В.А. Лабунской, субъект зависти не просто фокусирует внимание на объекте зависти, а начинает преобразовывать свою жизнь, подражая, следуя ему, и, если такая задача становится для него непосильной, то субъект зависти переходит к характерным для него действиям (отобрать, разрушить то, что ему не принадлежит), преобразуя, как он думает, свое бытие. Вполне очевидно, что завистливое отношение основано не только на ценностно-смысловых образованиях субъекта и характеристиках самооценки, но и на определенных свойствах личности, так называемых субъектных свойствах. На наш взгляд, способность личности проявлять свою субъектную позицию для достижений (даже если в какой-то сфере это объективно не актуализировано или невозможно) при наличии установки на достижимость (надежды) является внутренним барьером к формированию завистливого отношения.

Исследование личностных коррелят завистливости, предпринятое К. Муздыбаевым⁸, показало, что завистливые обладают низким уровнем надежды на будущее, более обостренным чувством неадекватности и низкой степенью самоуважения, вероятно, обусловленными, в свою очередь, низким уровнем контроля над обстоятельствами жизни. Обнаружена тесная корреляция завистливости с эгоистичностью и мстительностью личности.

Таким образом, склонность к зависти может быть раскрыта через анализ различных отношений личности в их социально-психологическом ракурсе. Между тем, имеются и те внутренние инстанции, устойчивость которых обеспечивается длительным процессом социализации в неблагоприятной конкурентной среде и которые имеют непосредственное отношение к возникновению завистливого отношения и его подкреплению.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение взаимосвязи «субъектных» свойств личности и ее склонности к зависти.

Исследование проводилось на базе нескольких высших учебных заведений города Саратова. Всего в нем приняло участие 160 человек в возрасте 20–24 года обоего пола. Были использованы следующие методы и методики: анкета, составленная нами и содержащая ряд вопросов, относящихся к представлениям о зависти, ее «пониманию», самооценке; шкала оценки зависти по ряду сфер Т.В. Бесковой; опросник волевых качеств личности М.В. Чумакова (для выявления субъектных свойств личности); опросник «Доминирующее состояние» Л.В. Куликова. Для обработки полученных результатов использовались методы сравнительного анализа, контент-анализ, методы математической статистики (корреляционный анализ по методу Пирсона, методы сравнения: параметрический и непараметрический).

На первом этапе исследования нами выделены две крайние группы в зависимости от степени выраженности субъектной позиции. Далее мы провели типологический (методом крайних групп) и корреляционный анализы.

Поскольку склонность к зависти чаще охватывает психологическое поле успешности-неуспешности, особая область нашего исследования – отношение к успеху и неудаче другого. Лица с высокой субъектной позицией чаще упоминают в качестве неуспешности такие категории, как «отсутствие желания, цели» (40%) «лень» (20%), «отсутствие средств на начальных этапах», «обстоятельства», «занятие не своим делом», «неуверенность» (по 10%); лица с низкой субъектной позицией в большей степени считают причинами неуспешности «нехватку сил, выносливости, усилий» (30%), «невезение» (30%), «отсутствие желания, цели» (20%), «лень» (20%), «страх изменений, риска, консерватизм», «хаотичность действий, отсутствие плана», ожидание успеха как само собой разумеющегося («просто так») (по 10%). Из этих данных следует наличие склонности лиц с высокой субъектной позицией атрибутировать неуспешность либо личностными, либо объективными причинами. В то же время лица с низкой субъектностью в большей степени ссылаются на личностные «отношенческие» характеристики.



Другой аспект – зависть к успешности другого. Она изучалась нами с двух позиций – самооценочной и косвенной оценки. Из результатов исследования следует, что у лиц с высокой субъектной позицией ниже самооценка зависти ($t=2,89$) при одинаково средних баллах контрольной шкалы «Образ себя». При этом косвенная оценка зависти имеет и сходство, и различия, что свидетельствует о высокой степени достоверности самооценки. Заметим, что, по результатам корреляционного анализа, самооценка зависти связана с использованием такой стратегии преодоления, как поиск социальной поддержки. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что зависть выступает и своего рода проектором склонности к групповой поддержке, опоры на группу в решении проблем и, возможно, коллективистской ориентации личности. В связи с этим возникает вопрос: в какой степени субъектная позиция личности отражается на групповых отношениях? Учитывая результаты наших исследований, можно сделать вывод о том, что это зависит от соответствующей доминирующей установки

личности либо на собственные интересы, либо на общественные. Поэтому, изучая субъектную позицию, важно выявить ценностно-нормативную и индивидуально-групповую ориентированность личности.

Представители обеих выборок имеют схожие относительно низкие показатели по оценке зависти в отношении физического превосходства и здоровья, интеллектуального и профессионального превосходства, личностных качеств другого человека. Однако по ряду характеристик лица с низкой субъектной позицией демонстрируют более высокие показатели зависти: они в большей степени завидуют характеристикам социального превосходства (карьерному росту, положению/статусу в обществе, популярности) [$t=2,51$], материальному превосходству (дорогие и модные вещи) [$t=2,21$], превосходству в социальных взаимоотношениях (умение общаться, успех у противоположного пола, наличие преданных друзей) [$t=2,31$].

Обратимся к результатам корреляционного анализа (таблица).

Взаимосвязь завистливого отношения и субъектных свойств личности

	Ответственность	Инициативность	Решительность	Самостоятельность	Выдержка	Настойчивость	Энергичность	Внимательность	Целеустремленность
ФП	-0,034	-0,153	-0,319	-0,328	-0,325	-0,202	-0,189	-0,288	-0,133
СП	-0,320	-0,397*	-0,439*	-0,060	-0,263	-0,411*	-0,423*	-0,426*	-0,414*
МП	-0,060	-0,347*	-0,459*	-0,130	-0,239	-0,349*	-0,223	-0,240	-0,375*
ИП	-0,294	-0,195	-0,420*	-0,037	-0,293	-0,450*	-0,440*	-0,389*	-0,141
ПСП	-0,007	0,230	0,044	0,068	-0,234	0,091	-0,056	0,011	0,085
ПО	-0,298	-0,350*	-0,210	0,015	-0,259	-0,314	-0,396*	-0,262	-0,241
ПСЖ	0,009	-0,124	-0,153	0,074	-0,392*	-0,092	-0,254	-0,116	-0,215
ПД	-0,032	-0,225	-0,419*	0,151	-0,244	-0,314	-0,216	-0,198	-0,329*

Примечание. Связи на уровне значимости $p < 0,01$ отмечены звездочкой. Приняты следующие сокращения: физическая привлекательность (ФП), социальная привлекательность (СП), материальная привлекательность (МП), интеллектуальное превосходство (ИП), психологическое превосходство (ПСП), превосходство в межличностных отношениях (ПО), превосходство в семейной жизни (ПСЖ), превосходство в проведении досуга (ПД).

Больше всего корреляций завистливого отношения выявлено с такой характеристикой, как выдержка (см. табл.). Это «эмоциональный» параметр, так как лица с низкими показателями по данной шкале характеризуются свободой в проявлении эмоций, несдержанностью, низким самообладанием; они испытывают трудности перед необходи-

мостью переносить нагрузки и т.п. Видимо, эмоциональная неустойчивость, легкость возникновения эмоционального возбуждения (выдержка [$r = -0,632*$] связана с неустойчивостью эмоционального тона) являются существенной предпосылкой эмоциональной оценки превосходства другого. Остальные свойства, кроме самостоятельности, имеют



одинаковое количество связей. Зависимость от группы, внушаемость и низкая самостоятельность связаны с завистью в отношении физического превосходства партнера. Однако иные сферы в случае недостаточной самостоятельности не являются объектом зависти. Это может быть связано со статусом самостоятельности в структуре субъектных свойств, в частности, тем, что, по мнению Н.Е. Харламенковой⁹, умение обратиться за помощью к другому является показателем зрелой личности при условии активности в принятии и реализации полученной помощи.

Наименее детерминированы субъектными свойствами такие сферы зависти как психологическое превосходство и превосходство в семейной жизни. На наш взгляд, это связано с социально-возрастными особенностями выборки: семейная жизнь не имеет столь высокой степени актуальности, а личностное превосходство как ценность мало привлекательно (средние показатели зависти по данным параметрам наиболее низкие).

Поскольку социальная привлекательность является наиболее значимой и показателем зависти в этой сфере имеют достаточный разброс, именно этот параметр, на наш взгляд, является более информативным. В частности, обнаружены отрицательные корреляции зависти к социальному превосходству со всеми субъектными свойствами личности. Это свидетельствует о том, что при выраженной субъектной позиции личность оказывается более способной к движению по направлению к собственной цели, не фиксируясь на превосходстве другого. Кроме того, выраженная субъектная позиция, действительно, является своеобразным средством достижений: целеустремленные, инициативные личности в большей степени ориентированы на задачу и в меньшей – на эмоциональную оценку и рефлексию неравенства. Это косвенно подтверждают и иные результаты исследования: в частности, зависть к социальному превосходству связана с внешним атрибутированием («обстоятельства») собственного неуспеха [$r = 0,250$] и неуспешности вообще (невезением [$r = 0,426$] и ожиданием успеха как само собой разумеющегося, не прикладывая сил [$r = 0,239$]).

Обращает на себя внимание и групповая взаимосвязь зависти к социальному, интеллектуальному превосходству и превосходству в межличностных отношениях и ответственности и энергичности. Ненадежность, безалаберность и пессимизм, очевидно, являются объективными обстоятельствами «неудачи» в соперничестве в тех областях, где важное место занимают эти субъектные свойства – партнерство в общении, социальный статус, популярность. Вторая группа образована взаимосвязью зависти к физической, социальной, материальной, интеллектуальной привлекательности и решительностью, настойчивостью и внимательностью – свойствами, близкими по своим проявлениям. Неуверенность в связи с мягкостью (неудачи деморализуют их), а также низкой способностью к концентрации на проблеме дают основание для столь широкого разброса завистливости – от внешнего вида до интеллекта и материального статуса.

Изучение атрибуции неуспеха во взаимосвязи с завистливостью позволило также выявить некоторые особенности. Так, атрибуция внешними обстоятельствами, действиями других людей, завышенными целями и притязаниями положительно связаны с завистливостью и, напротив, ленью, отсутствием желаний, цели, собственной неуверенностью, страхом изменений, риска – отрицательно. Здесь проявляется не только взаимосвязь склонности к зависти и локуса контроля, но и самокритичности: завистливость связана с экстернальностью и некритичностью, а завистливость – интернальностью и самокритичностью.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о взаимосвязи завистливого отношения к превосходству другого в ряде сфер и низкой субъектной позиции личности. При этом отметим, что такая связь не является тотальной, а лишь в отношении тех сфер, которые ситуативно значимы для субъекта. Кроме того, выявленная атрибуция собственной неуспешности в какой-либо сфере и неуспешности других по-разному связана с завистливостью в зависимости от ее ориентации относительно интеллектуальных способностей, активности, мотивации, ответст-



венности и притязаний, а также самокритичности. Таким образом, внутренние инстанции личности во многом обуславливают формирование завистливого отношения. Оно связано с низкой субъектностью личности как прямо, так и опосредованно. В связи с этим важную область исследований составляет изучение соотношения субъектной позиции и социальной позиции личности в выявлении механизмов формирования ее завистливого отношения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социально-психологические детерминанты зависти как характеристики межличностных отношений» (проект № 10-06-00091а).

Примечания

¹ Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни / В.Э. Чудновский. М., 2006.

² См.: Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения / К.А. Абульханова // Психология индивидуального и группового субъекта / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М., 2002. С.34–53.

³ См.: Поссель Ю.А. Субъектная индетерминированность социальной направленности личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Поссель Юлия Альфредовна. Российский государственный педагогический университет; Науч. руководитель В.Н. Панфёров. СПб., 2000. С.23.

⁴ См.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. СПб., 2001. С.242.

⁵ См.: Ломов Б.Ф. Системность в психологии: Избр. психол. тр. / Б.Ф. Ломов. М.; Воронеж, 2003.

⁶ См.: Лабунская В.А. О соотношении зависти, безнадежности и надежды как способа преобразования пространства общения субъекта / В.А. Лабунская // Сборник материалов международной конференции «Психология общения – 2006»: На пути к энциклопедическому знанию / Отв. ред. А.А. Бодалев. М., 2006.

⁷ См.: Муздыбаев К. Завистливость личности / К. Муздыбаев // Психол. журн. 2002. Т.23, №6. С.38–50.

⁸ См.: Харламенкова Н.Е. Парадоксы развития субъекта / Н.Е. Харламенкова // Личность и бытие: субъектный подход / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М., 2008. С.59.



ПЕДАГОГИКА

УДК 378:811.111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.З. Гусейнов

Саратовский государственный университет
E-mail: guseynovaz@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем модернизации университетского образования в России. В ней определяются пути реализации и эффективного внедрения инновационных технологий образования.

Ключевые слова: модернизация образования, инновационные технологии обучения, компетенции, содержание образования.

Pedagogical Innovations in a Context of Development of University Education

A.Z. Guseynov

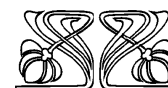
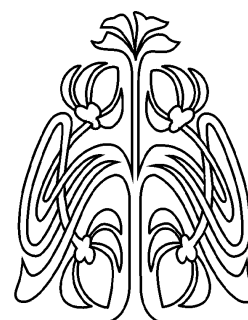
The article is devoted to one of the actual problems of modernization of university education in Russia. The ways of realization and effective introduction of innovative technologies of education are defined in it.

Key words: educational modernization, innovative technologies of education, competences, content of education.

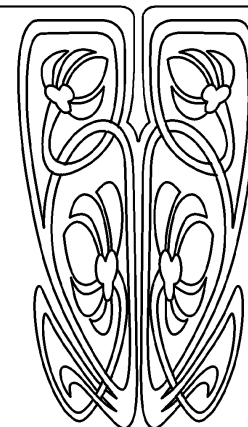
Кризис современного образования, проблемы, стоящие перед педагогической наукой, заставляют исследователей обращаться к истории образования и педагогической мысли. Полноценное понимание современных реалий зачастую невозможно без знания их генезиса, особенностей проявления, развития, знания примеров применения на практике и трансформации идей, определяющих сущность какой-либо теории и практики на разных этапах. Современные идеи личностно-ориентированного, гуманизированного, дифференцированного обучения очень сложно понять без знания того, что в своем развитии педагогика проходила и через этапы схоластического, обезличенного авторитарного образования.

В современных условиях развития общества особенно востребованными являются компетентностные возможности личности, так как социальный и научный прогресс определяется степенью подготовленности людей к профессиональной деятельности. Это определило социальный заказ на высокое качество университетского образования, основанного на инновационных решениях, способствующих успешной социализации обучающихся в обществе и их активной адаптации на рынке труда.

Уровень компетентности специалистов-профессионалов, призванных быть проводниками научно-технических и технологических идей, способствует установлению в стране стабильных социально-экономических отношений. На современном этапе



**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**





развития цивилизации возникла также необходимость вхождения России в мировое сообщество. Разработка глобальных проектов с целью рационального использования природных ресурсов планеты, экологические проблемы, освоение космоса требуют интеграции системы высшего образования в нашей стране с мировой системой, приближения уровня профессиональной подготовки у нас к уровню подготовки специалистов в наиболее развитых странах мира – США, Германии, Японии и др. Кроме того, деятельность российских вузов никогда не ограничивалась только образованием и наукой. Она всегда была связана с развитием народного просвещения и культуры общества. Просветительская и культурная роль вузов определялась высоким интеллектом профессорско-преподавательского состава, большинства аспирантов и студентов, их активной гражданской позицией.

Присоединение России к Болонскому процессу и введение многоуровневой системы высшего образования определены жизненной необходимостью интеграции российской системы образования с мировой. Для эффективного решения насущных проблем высшего образования в рамках многоуровневой профессиональной подготовки специалистов необходимо радикальное обновление содержания, методов, средств и форм обучения, что несомненно приведет к качественному улучшению образования. Успешное достижение поставленной цели возможно при опоре на личностно-ориентированный и компетентностный подходы, предполагающие целостный взгляд на студента как на личность, ориентацию на потребности, личный опыт и уровень построения образовательного процесса в зоне ближайшего развития обучающегося; совершенствование универсальных способностей личности, прежде всего, мыслительных, творческих, коммуникативных, рефлексивных как фундамента профессионализма, цикличность организации образования (проблемность ситуации, анализ ситуации и постановка проблемы, решение проблемы, рефлексия способов решения и самоизменений)¹.

В последние десятилетия просветительская роль вузов, многие традиции вузовской жизни, важнейшие функции высшего образования были в значительной степени утрачены. Наметился кризис идей и технологий. Определились существенные недостатки высшей школы: технократизм образования, обезличенность, «валовый подход» к учебно-воспитательному процессу, административно-бюрократический, формальный стиль организации вузовской жизни. Назрела необходимость в разработке новой модели высшего образования, предполагающей глубокие изменения в его содержании и структуре.

В основе разработки новой модели высшего образования лежат компетентностный, модульный и кредитный подходы, а также принципы, вытекающие из ее ориентации на разностороннее развитие личности: а) интеграция всех воспитательных сил общества (вуза, науки, производства и других социально-экономических институтов) в целях повышения эффективности учебно-воспитательного процесса; б) гуманизация обучения и воспитания – усиление внимания к личности каждого молодого человека, подход к нему как к высшей ценности общества, установка на формирование гражданина с высокими интеллектуальными и моральными качествами; в) дифференциация и индивидуализация обучения – создание условий для полного, максимального проявления и развития интеллекта и способностей каждого студента; г) демократизм жизни вузов – создание необходимых условий для высокогуманного, педагогически целесообразного и высокоэффективного творческого сотрудничества студентов и педагогов.

Компетентностный подход выражает идущие в мировом образовании процессы – переход от понятия «квалификация» к понятиям – «результат обучения», «компетентность»². Сегодня происходит изменение профессиональных качеств, востребованных на рынке труда. Ценится не квалификация, а компетентность, т.е. обладание определенными способностями. При этом компетенция не означает отказа от категории «квалификация», она включает квалификацию, т.е. профессиональные знания и умения. Компетен-



ции выражают ожидаемые и измеряемые результаты обучения – конкретные достижения студентов, которые определяют, что будет способен делать студент по завершении обучения. Они понимаются нами как интегральная характеристика обучающегося, т.е. динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент обязан продемонстрировать после завершения образования. Существенным является переход на обучение по вариативным учебным планам, раскрепощение преподавателей, студентов, приоритет идеологии развивающего обучения, достижение целостности и практической применимости знаний, полученных по различным дисциплинам на последовательных этапах образования.

Реализуемая ныне система отличается следующими инновационными особенностями: она характеризуется целостностью и иерархичностью; представляет собой комплекс взаимосвязанных приемов, методов и форм обучения; в ней находятся в оптимальном соотношении аудиторские и внеаудиторные формы организации учебного процесса; она строится с учетом последовательной конкретизации задач обучения и формирования у студентов навыков учебного труда.

Важнейшее направление многоуровневой подготовки специалистов – определение критериев отбора предметно-содержательного материала по учебным дисциплинам с целью его предельной интеграции (укрепления дидактических единиц) и усиления гуманизирующего и развивающего воздействия на личность студента. Прежде всего, ведется углубленная работа по анализу фундаментальных основ научных дисциплин, которые представляют собой общие теоретические положения, адекватно отражающие суть и объекты наук, способствующие формированию профессионального мышления, мастерства будущего специалиста.

Следует отметить, что в перспективе одним из источников приобретения соответствующих знаний станут симбиозные (смешанные) факультеты будущих вузов (биофизический, физико-математический, физико-геологический, физико-медицинский и

т.д.) с соответствующими наборами кафедр и научно-учебных лабораторий по специальностям. На этих факультетах предусматриваются специальности, предполагающие слияние наук в одно целостное мировоззрение. Например, студент-биофизик может быть одинаково сведущ в молекулярной физике, физике твердого тела полупроводников, термодинамике и статистике, в органической химии, в ботанике, биологии, физиологии, цитологии, генетике, в проблемах взаимодействия внешних полей и биообъектов, радиофизике, физике хаоса и т.д.

Путь к новому облику российского вуза – путь от вуза авторитарного и безликого к обновленному на самых высоких гуманистических началах. Данный путь предполагает усиление личностной направленности при изучении каждой научной дисциплины как естественно-научного, так и гуманитарного циклов³. Сегодняшнее образование призвано максимально обеспечивать интеллектуальное развитие молодого специалиста, воспитание у него культуры речи, общения, исторического мышления, бережного отношения к природе. Например, в техническом вузе должны изучаться основы педагогики и общей психологии. Инженер – это прежде всего организатор производства, воспитатель трудового коллектива. Такой инженер должен обладать развитым педагогическим и психологическим мышлением. Содержание курсов педагогики и психологии для студентов вузов сегодня коренным образом пересматривается, обновляется за счет современных достижений теории обучения, воспитания, педагогической психологии, конкретных рекомендаций. В нынешнем варианте данные курсы пока что представляют собой набор теоретических положений, концепций, раскрывающих разные общие аспекты воспитания, психологического развития человека. Составлены они так, что живого человека в них не видно.

Ведущим методом обучения в вузе, несмотря на его критику, остается лекция. В системе потоковых лекций повышение активности студентов достигается систематическим усложнением содержания изучаемого материала; постоянным повышением слож-



ности учебных заданий; изменением способов деятельности преподавателя и студентов при организации их выполнения. С учетом таких способов активизации познавательной деятельности студентов в вузах разрабатываются разные типы лекционного обучения (репродуктивно-поисковый, частично-поисковый, исследовательский и др.), создаются специальные дидактико-методические условия.

Как показывает опыт, большую роль в активизации студентов на лекциях играют общие установки, нацеливающие на самостоятельную познавательную деятельность. Такие установки оказываются особенно эффективными перед изучением крупных разделов. Мы обрисовываем место изучаемого раздела в системе курса и отмечаем, какими существенными отношениями он связан с последующими темами, обращаем внимание студентов на наиболее сложные, узловые темы и проблемы науки.

В ходе лекционного обучения студенты систематически вовлекаются в творческую дискуссию. В качестве ведущих идей выдвигаются такие, как учение с увлечением и учение без принуждения. Однако учение не может быть построено на одном увлечении, интересе, без волевых усилий, требований со стороны преподавателя. Учеба – тяжелейший интеллектуальный труд, требующий от обучающегося максимального напряжения умственных и физических сил, а без четких требований со стороны преподавателя нельзя осуществлять эффективную учебную работу.

Незаменимое средство обновления лекционного курса – связь с практикой развития системы образования. Перекосы социально-экономического развития в течение длительного времени наслаивались, противоречия в постановке дела образования обострялись, что не могло не сказаться на нем отрицательно. Не теряют своего значения экзамены и зачеты. Эффективными они становятся в том случае, если наряду с проверкой прочности и осознанности полученных знаний выявляются и умения их применять, а также уровень самостоятельности научного и профессионального мышления.

Одним из инновационных методов выявления уровня знаний, умений и навыков,

достигнутых обучающимися, являются специально разработанные задания-тесты. Они подготавливаются с учетом особенностей обучения на разных курсах и позволяют вскрыть многие внутренние связи между возрастными особенностями мышления обучающихся, характером изучаемого материала и методикой обучения⁴. Полученные данные играют существенную роль в разработке развивающей методики обучения. Для диагностики достигнутого уровня продуктивного мышления обучающихся с успехом используются критериально-ориентировочные тесты, направляющие на тот или иной вид учебно-познавательной деятельности. Такие тесты показывают, что человек знает и умеет, а не то, каков он на фоне других. Они диагностируют психические особенности, уровень знаний в их динамике, в то время как традиционные тесты интеллекта всегда таили в себе идею предела, определяли границу развития того или иного человека. Диагностические критериально-ориентировочные тесты подобной метафизичностью не грешат. Построенные на программном материале, с учетом логики усвоения конкретных тем того или иного учебного предмета, они служат надежным инструментом определения достигнутого уровня продуктивного мышления обучающегося в реальных условиях обучения.

В настоящее время в учебный процесс вводится модульная структура учебных программ. Изменения, происходящие в социальной, политической и экономической сферах деятельности нашего общества, требуют дальнейшей демократизации системы высшего образования и учета изменяющейся социальной мотивации обучения в связи с наличием рыночной экономики. Особенность модульной организации учебного процесса заключается в том, что связка студент – вуз – рынок работает в режиме самоорганизации, как некоторая самонастраивающаяся система в силу того, что регулярные связи в ней действуют автоматически, учитывая конъюнктуру рынка, стремления и возможности студентов. Это обеспечивается высокой вариативностью содержания, форм и сроков обучения в сочетании с высокой адаптивностью к набору студентов и выпуску нужных в на-



стоящее время специалистов. При модульном построении учебного процесса все дисциплины (модули) изучаются и аттестуются в течение одного семестра; фундаментальная подготовка унифицирована для широких групп родственных специальностей (например, физические, радиофизические, физико-технический факультеты). Все модули условно объединяются в несколько блоков: гуманитарный (история, философия, языки и т.п.); фундаментальной подготовки, характерной для базиса данной науки (физика, математика, химия, биология и т.п.); подготовки по специальности; профессиональной подготовки; подготовки по актуальной и профессиональной специализации – конкретному направлению науки, техники, культуры (выбор дисциплин осуществляется по рекомендации предприятий, фирм, научного руководителя, а также самим студентом).

Кардинальное направление интенсификации учебного процесса в высшей школе – это поиск новых форм организации самостоятельной работы студентов (СРС). СРС занимает значительную часть учебного времени и осуществляется в традиционных апробированных формах (основные из них: лабораторные работы исследовательского характера, участие обучающихся в проблемно-тематических семинарах и семинарах научных школ, решение задач фундаментального и прикладного характера с использованием современных информационных технологий и т.п.). Организация самостоятельной работы студента рассматривается как инструмент формирования творчески активной личности специалиста, его умения ориентироваться в теории и практических ситуациях, ставить и самостоятельно решать разнообразные задачи, постоянно возникающие в ходе познавательной деятельности. Следует учитывать одно важное обстоятельство: овладеть технологией умственного труда несколько не легче, чем содержанием какого-либо предмета, для чего проводятся специальные занятия по научной организации труда. Организуется своего рода тренинг по быстрому изучению печатных источников, отработке точности записей различных видов, по выработке навыков ясного, четкого изложения прочитан-

ного, услышанного и увиденного и т.д. Важно и то, что у обучающихся воспитывается стремление к всестороннему развитию личности, к проявлению личной инициативы в ходе самостоятельных занятий, формируется потребность в более глубоком овладении определенными областями науки и культуры, в самовоспитании. Все это достигается возбуждением и поддержанием у них устойчивого интереса к изучаемым дисциплинам – на основе использования прогрессивных, активных методов, а также постоянного и систематического соотнесения изучаемого материала с новейшими открытиями, перспективами развития науки и техники, с проблемами, нуждами производства, со значением приобретаемой профессии для общества и лично для каждого молодого специалиста.

Немаловажна для мотивации учения и форма познания. Преподаватели постоянно повышают заинтересованность студентов структурой изложения информации, последовательностью, стройностью сообщений и красотой суждений, умозаключений и т.п. Исследования показывают, что в мотивации учения ведущими структурообразующими элементами должны стать в единстве социальные и специальные (профессионально направленные) интересы. Эта проблема далека еще от успешного решения. Задача вузов – вести неустанный поиск способной и талантливой молодежи. Следует постоянно посредством тестирования, конкурсов, викторин, олимпиад, проводимых в вузах для школьников старших классов, выявлять учащихся с высокой одаренностью. Надо смело, решительно расширять сеть вузовских лицеев и колледжей. Настало время повышения престижа, имиджа вузовской жизни.

Важным условием развития вуза, способствующим внедрению инновационных решений, является всемерное расширение и развитие международных связей учебных заведений с зарубежными партнерами. Это могут быть: совместная подготовка специалистов в различных формах, включая разнообразные формы студенческого обмена; образовательные программы подготовки кадров по отдельным специальностям; научно-исследовательские программы и отдельные



научные исследования; совместная экономическая деятельность и др. Международное сотрудничество может (и должно!) вестись как на основе прямых договоров, заключаемых вузами с зарубежными партнерами, так и в рамках соглашений, достигнутых с международными организациями и другими зарубежными партнерами.

В современных условиях развития общества высшее образование становится движущим фактором социально-экономического прогресса. Для того, чтобы оно стало действительно таковым, необходимо реализовать взаимосвязи между всеми структурными и функциональными компонентами взаимосвязанных систем: целями, содержанием, методами обучения, деятельностью преподавате-

лей и обучающихся. Внедряемые в настоящее время инновационные педагогические технологии, несомненно, будут способствовать решению указанных задач образования.

Примечания

¹ См.: Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры / Б.С. Гершунский. М., 1997. С.67.

² См.: Болотов В.А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. 2003. №10. С.12.

³ См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года и методические рекомендации по ее реализации / Министерство образования Саратовской области. Саратов, 2002. С.8.

⁴ См.: Савельев А.Я. Инновационное образование и научные школы / А.Я. Савельев // Вестн. высш. шк. 2000. №3. С.16.

УДК 37

РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИДАКТИКИ

Г.И. Железovская

Саратовский государственный университет
E-mail: aporia@inbox.ru

В статье раскрывается сущность ретерминологизации как способа формирования дидактических терминов.

Ключевые слова: ретерминологизация, термин, дидактика, терминология.

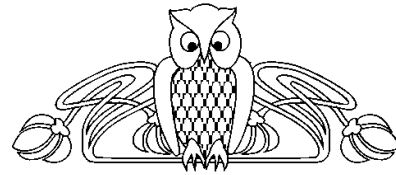
Reterminology as a Forming Way Terms in the Language of Modern Didactic Studies

G.I. Zhelezovskaya

The article gives us the characteristics of reterminology as a forming way of didactic terms.

Key words: reterminology, term, didactic, terminology.

Процесс ретерминологизации, переноса готовых терминов из терминологии одной науки в другую нужно, прежде всего, рассматривать как взаимодействие двух систем, развивающихся до момента взаимодействия обособленно. Термин переносится из системы языка-источника со своей лексико-семантической структурой в систему заимст-



вующего языка. Наибольшее число заимствований приходится на язык-источник синергетики, междисциплинарного научного направления, появившегося три десятилетия назад. Терминология синергетики – «молодая», поэтому она сама использует термины, перенесенные из языков других наук – физики, биологии, социологии и других. В понятийно-терминологической системе синергетики перенесенные термины приобретают метафорический смысл, а попадая затем в язык дидактики, они становятся метафорой «второго порядка». Они непонятны и крайне трудны для восприятия в языке дидактики, потому что претерпели «двойной перенос».

Приведем несколько примеров ретерминологизации в языке дидактики: «структуры-аттракторы», «открытая нелинейная среда», «автоосцилляции», «динамический хаос»,



«флуктуации», «энтропийные механизмы». Почти все эти термины и терминологические элементы некоторых из них были перенесены в синергетику из физики, теперь используются в языке дидактики. Естественно задать вопрос: дидактические ли понятия обозначают эти термины и если нет, то тогда – какие? На этот вопрос можно ответить, что эти термины обозначают научные понятия, новые как для дидактики, так и для других общественных и гуманитарных наук.

Предпосылкой переноса терминов явилось начало использования дидактикой методов, заимствованных из естественнонаучных дисциплин таких, как эксперимент, анализ, индукция и т.п. Аналогия методов неизбежно приводит к поиску аналогии языковых средств, способных описать данный научный метод.

Одной из основных причин ретерминологизации является несоответствие существующих языковых средств дидактики темпу развития самой науки, которое обусловлено изменением представлений о действительности. Дидактика как гуманитарная наука должна адекватно отражать ту часть объективной действительности, где общество обеспечивает передачу знаний и социального опыта последующим поколениям. Но само понятие «объективная действительность» изменилось; возник новый «образ мира» как «совокупности нелинейных процессов». Для отражения этого образа мира потребовалось создание специальной науки, методологических и языковых средств которой было бы достаточно. Под влиянием этой науки, синергетики, начался пересмотр концепций и фундаментальных понятий разных наук, в том числе и дидактики. В настоящее время меняются концепции образования, личности учителя и учащегося, содержания образования. Неудивительно, что для их отражения и, в свою очередь, по причине их возникновения термины переносятся в дидактику из науки, целью возникновения которой было описание нового «образа мира». Язык естественных наук, физики, например, – один из самых «древних»; он развит, приспособлен для анализа и позволяет описывать самые

сложные явления природы, процессы и состояния физических систем. Возможно, он окажется вполне пригодным для отражения новых концепций дидактики и позволит рассматривать понятие «высшее образование» как «открытую систему с бесконечным множеством функций» и т.п.¹

Попытаемся дать оценку ретерминологизации как явления и определить его место в процессе формирования терминов современной дидактики. Возможен ли такой перенос, «кодирование» в естественно-научные термины понятий дидактики? Он, в принципе, возможен, так как не противоречит условиям, сформулированным Д.С. Лотте. Он считает, что перенос термина с понятия, входящего в одну систему, на понятие другой системы можно производить, если понятия, входящие в разные системы, не сталкиваются; если переносимый термин (или его терминологический элемент) не применяется уже в другом значении в той системе, в которую он переносится; если конструкция не находится в противоречии с конструкцией терминов того же классифицированного ряда². Термины, перенесенные из синергетики, физики и других наук, означают понятия, которые не сталкиваются с дидактическими, поскольку не имеют аналогов в дидактике. Но, поскольку под влиянием новых представлений о мире меняется и сама научная парадигма дидактики, мы вряд ли сможем с уверенностью сказать, находятся ли в поле зрения современной дидактики понятия, обозначенные столь нетрадиционными для неё терминами. Если же эти термины указывают на дидактические понятия, то какое место они занимают в понятийно-терминологической системе дидактики? Необходимо проверить по треугольнику Г. Фреге наличие всех компонентов смысловой структуры термина дидактики.

Определим место ретерминологизации как одного из способов образования терминов в процессе формирования языка современной дидактики. Для этого разделим всю её терминологическую лексику на относительно автономные группы или классы и посмотрим, какой из них содержит наибольшее количество терминов, образованных спосо-



бом ретерминологизации: термины, обозначающие феномены теории (образование, обучение, развитие и т.д.); обозначающие методы (анализ, эксперимент, индукция, аналогия и т.д.); обозначающие специфические дидактические понятия (формы обучения, методы обучения, академизация образования, фундаментализация образования и т.д.); авторские неологизмы (синергетический эффект, динамический хаос, антиэнтропийные механизмы и т.д.). Таким образом, наибольшее количество терминов, перенесенных из разных наук в дидактику в готовом виде, приходится на авторские неологизмы и класс терминов, означающих методы.

Обратимся к фрагменту эмпирического материала с целью проверки, удовлетворяют ли перенесенные единицы требованиям, предъявляемым к терминам дидактики. Рассмотрим в качестве примера термин, часто встречающийся в дидактической литературе в последнее время, ставший «модным» – «нелинейные системы». Термин должен быть однозначным, ему должно соответствовать одно понятие в пределах определенной понятийно-терминологической системы. Рассматриваемый термин в физике означает «колебательные системы, свойства которых зависят от происходящих в них процессов». Это понятие – широкое, так как под определение «системы» попадают практически все объекты физического мира. Понятие «нелинейные системы» может быть использовано в любой системе научных понятий со специфическим преломлением, т.е. с учетом отражаемых реалий. В понятийно-терминологической системе физики оно обладает свойством системности, занимая свою «ячейку». Термин «нелинейные системы» не имеет дефиниции в терминологии дидактики, а следовательно, не может рассматриваться как дидактический. Он имеет «прозрачную семантическую структуру»: образован из единиц национального языка и соотносится в сознании носителей языка с соответствующими ему словами

из общеупотребительной лексики, что дает основание считать его мотивированным. Он также отвечает условным требованиям краткости и точности, так как состоит всего лишь из двух компонентов.

К заимствованному термину, по мнению Д.С. Лотте, предъявляется требование «усвоенности» терминологической системой заимствующего языка. Существуют критерии «усвоенности» языком заимствованных терминов, но исследователь определил и сформулировал их для иноязычных заимствований. Для межсистемных заимствований и в конкретном случае уместнее говорить о степени «внедренности» перенесенного термина в язык дидактики. Но на данном этапе функционирования говорить об этом еще рано, поскольку термин не имеет научного определения и своей ячейки в понятийно-категориальном аппарате дидактики. Можно сказать, что сейчас он имеет статус научной метафоры, образа настолько емкого, что может быть применимым для описания явлений любой науки.

Появление таких терминов-образов неизбежно, рост их числа будет пропорционален развитию науки. Научная метафора, появление которой обусловлено развитием науки, сама, в свою очередь, является предпосылкой развития науки. В этом реализуется её эвристическая функция, которая способствует появлению новых теоретических представлений о предмете науки. Научная метафора впоследствии может превратиться в научный термин через овеществление (реификацию), но начнет он функционировать как единица языка науки только в том случае, если будет построен согласно требованиям, к нему предъявляемым.

Примечания

¹ Князева Е.М. Синергетика как средство интеграции естественного образования / Е.М. Князева, С.П. Курдюмов // Высшее образование в России. 1994. №4. С.31–36.

² Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы и методики / Д.С. Лотте. М., 1961.



УДК 378

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ОСНОВЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Н.А. Медведева

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета
E-mail: mednataha@yandex.ru



Система подготовки студентов вуза к реализации программы «Основы здорового образа жизни» включает целевой, организационный, методический и диагностический компоненты. Уровень готовности студентов к реализации образовательной программы определяется на основании ряда критериев, характеризующих знания, умения и навыки, приобретенные в процессе обучения в вузе.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесберегающие технологии, здоровый образ жизни, система подготовки, критерии уровня готовности.

Training the Students of a Pedagogical Institute for Implementation of the «Basics of a Healthy Life-Style» Program in a General School

N.A. Medvedeva

The university student training system is necessary for the @Basics of a healthy life-style@ program implementation, it includes goals, organizational, methodological and diagnostic components. The level of students' readiness to perform the educational program is based on several criteria, which characterize knowledge, abilities and skills acquired by them in the course of studying at the university.

Key words: health, health-efficient, healthy life-style, training system, criteria of readiness.

Необходимость введения образовательного курса «Основы здорового образа жизни» (ОЗОЖ) продиктована многими причинами. Прежде всего, это ухудшение физического и психического здоровья нации: в настоящее время растет число соматических заболеваний, нервные перегрузки приводят к обострению психических болезней. Привычными ощущениями современного человека становятся потеря смысла жизни, неуверенность, беспомощность. Чтобы избавиться от душевной боли, люди употребляют алкоголь, табак, наркотики и другие токсические вещества. Опросы свидетельствуют о том, что 40% учеников 8–11 классов имеют опыт употребления различных наркотических веществ, а еще 20% живут и общаются с людьми, употребляющими наркотики¹.

Вследствие истощения душевных и физических сил у людей повышается уровень

конфликтности во взаимоотношениях, что отражается в семейных кризисах, разводах, проблемах «отцов и детей», росте взаимного отчуждения и равнодушия в обществе. Как проявление душевного нездоровья населения можно рассматривать повышение агрессивности и жестокости, увеличение числа убийств, изнасилований и др. Крайние проявления кризисного состояния личности влияют на рост количества самоубийств.

Наиболее уязвимыми категориями населения являются дети, подростки и молодежь, которым еще предстоит сформировать свое отношение к миру и к себе. Особенно опасно, если становление личности происходит при деформации структуры семьи, высоком риске безработицы, неэффективности функционирования государственных структур, ухудшении состояния окружающей среды, разобщенности людей, разрушении культурных ценностей.

Отсутствие у молодых людей знаний в области репродуктивного здоровья приводит к ранним беспорядочным половым связям, венерическим заболеваниям. Известно, что около 60% российских подростков начинают сексуальные отношения в возрасте до 17 лет. За последние 5 лет в России возросло количество заболеваний сифилисом более чем в 30 раз². Анкетирования, индивидуальные и групповые беседы с молодежью, проводимые Саратовским областным центром планирования семьи и репродукции, показывают низкую осведомленность молодых людей в гендерной и половой проблематике, что еще больше обостряет указанные проблемы.

Актуальным остается вопрос прерывания беременности. Ежегодно в России около 300 тысяч девочек-подростков прибегает к абортam. Это, а также последствия перене-



сенных заболеваний половой сферы нередко являются причиной того, что каждая 10-я супружеская пара в России страдает от бесплодия. Смертность в стране превышает рождаемость, в настоящее время эта проблема обострилась до такой степени, что можно говорить о реальной угрозе существования нации. В этих условиях системе образования отводится особая роль по подготовке молодежи к взрослой жизни³.

Школам Саратовской области предложена программа для средних классов общеобразовательных учреждений по «Основам здорового образа жизни», утвержденная министерством образования Саратовской области. Предлагаемая программа является научной, комплексной и последовательной системой обучения и воспитания здоровому образу жизни и призвана позитивно повлиять на сложившуюся в обществе систему, так как позволит сформировать новое отношение к здоровью на уровне установок, навыков и умений.

Цель регионального курса «Основы здорового образа жизни»: формирование личности, способной реализовать себя максимально эффективно в современном мире, творчески относящейся к возникающим проблемам, владеющей навыками саморегуляции и безопасного поведения. Программа предусматривает получение учениками знаний и навыков, необходимых для создания семейных отношений и воспитания детей, навыков гигиены и профилактики заболеваний, ухода за больными, рационального питания и других способов самосовершенствования, формирование потребности в здоровом образе жизни. Обучение осуществляется в форме лекций, семинаров, бесед, дискуссий, большое место уделяется практическим занятиям, на которых проводятся тренинги, игровое моделирование, анкетирование и тестирование. Предполагается широкое использование технических средств (аудио- и видеотехники), наглядных пособий (таблиц, схем, фотографий и др.), проведение индивидуальных и групповых консультаций. В программу включены совместные занятия родителей и детей. В образовательном учреждении необ-

ходимо организовать родительский всеобуч по ключевым вопросам воспитания подрастающего поколения⁴.

Для реализации программы «Основ здорового образа жизни» следует учитывать один из важных аспектов – учить здоровью должны специально подготовленные для этого педагоги: не преподаватели биологии, физики, химии, математики, начальных классов, священники или врачи, а «специалисты по культуре здоровья». К таким специалистам можно отнести учителей безопасности жизнедеятельности и физической культуры, имеющих глубокие знания в области педагогики, психологии, анатомии, физиологии, возрастной психофизиологии, гигиены, диетологии, при условии, что они имеют диплом по данным специальностям. Подготовка таких специалистов осуществляется в Балашовском институте (филиале) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского на факультете физической культуры и безопасности жизнедеятельности.

Система подготовка учителей физической культуры и безопасности жизнедеятельности к реализации программы ОЗОЖ в средних классах общеобразовательной школы включает в себя ряд компонентов: целевой, организационный, методический, диагностический и результативный.

Целевой компонент предполагал разработку, теоретическое обоснование и экспериментальную проверку эффективности авторской технологии подготовки будущих педагогов к реализации программы в общеобразовательной школе. Процесс подготовки будущих педагогов направлен на изучение всех аспектов здоровья и здорового образа жизни, способов сохранения и укрепления как своего, так и общественного здоровья. Результатом обучения является готовность студентов, будущих учителей физической культуры и безопасности жизнедеятельности к реализации программы в общеобразовательной школе.

Организационный компонент включает в себя:

учебный план по специальностям «Физическая культура» и «Безопасность жизнедеятельности»;



специальные курсы медико-биологического блока;

дисциплины, введенные в учебный план за счет регионального компонента и курсов по выбору.

Методический компонент подразумевает наличие межпредметных связей дисциплины «Основы здорового образа жизни» с другими науками: экологией, историей, медициной, биологией, философией, психологией, этикой, юриспруденцией и т.д. При подготовке специалистов используются наглядные материалы (таблицы, муляжи и т.д.), технические средства обучения (учебные видеофильмы, слайды, аудиозаписи, презентации и т.д.). В рамках проекта «Инициатива» был создан студенческий клуб «Познай себя», деятельность его была рассчитана на 12 месяцев. В течение этого времени было проведено 10 заседаний, организовано два круглых стола с привлечением специалистов в области физического, психического, духовно-нравственного здоровья, состоялся конкурс рекламы здоровья (радио-, теле-, настенной рекламы) и конкурс проектов «Как сделать школу здоровой?». Для преподавателей и студентов вуза были проведены три обучающих семинара по традиционным и нетрадиционным современным методам оздоровления. По истечении срока проекта деятельность клуба не прекратилась, а наоборот, приобрела особую значимость в студенческой среде, и клуб продолжает работать каждый учебный год. Тематика заседаний клуба «Познай себя» всегда актуальна и разнообразна, это и привлекает все новых участников.

Проводится также обучающий семинар «Профилактика нарушений репродуктивного здоровья у молодых людей» для студентов всех курсов специальностей «Физическая культура» и «Безопасность жизнедеятельности», по итогам которых студенты получают сертификаты, позволяющие в дальнейшем им вести беседы, участвовать в конференциях и круглых столах по конкретным темам как специалистам.

Диагностический компонент. Для итогового контроля, знаний полученных в результате обучения в вузе на выпускных курсах, со студентами факультетов физической

культуры и безопасности жизнедеятельности проводятся анкетирование, тестирование, беседы, опросы, творческие работы по темам: «Мое отношение к здоровью: “что хочу”, “что могу” и “что нужно сделать”», «Методические подходы к преподаванию ОЗОЖ с точки зрения директора школы»; большая часть студентов выполняют дипломные работы на темы сохранения и укрепления здоровья, здорового образа жизни и здоровьесберегающих технологий. В результате итогового контроля мы определяли уровень готовности студентов к реализации программы «Основы здорового образа жизни» в общеобразовательной школе.

Для определения уровней готовности нами были разработаны критерии:

уровень знаний (результаты промежуточной аттестации, тестирование по предметам, ранговая оценка уровня знаний);

степень владения методами оценки здоровья (физического, психического, социального);

умение определять факторы ЗОЖ, положительно и отрицательно влияющие на здоровье;

умение оказывать помощь окружающим в укреплении и сохранении здоровья;

адекватная оценка своего отношения к здоровью;

уровень преподавания ОЗОЖ в школе (по результатам учебной и преддипломной практик);

умение применять здоровьесберегающие технологии в зависимости от возраста, уровня подготовки учащихся, условий учебы и жизни.

Уровень знаний определялся по следующим разделам: специальность «Безопасность жизнедеятельности» – «Методика преподавания ОЗОЖ», «Основы медицинских знаний», «Психология здоровья», «ЗОЖ и его составляющие», курс по выбору «Вредные привычки»; специальность «Физическая культура» – «Основы безопасности жизнедеятельности и медицинских знаний», «Средства и системы оздоровления», «Здоровьесберегающие педагогические технологии», «ЗОЖ и его составляющие», «Методика преподавания ОЗОЖ», «Рациональная организация жизнедеятельности», «Психология



здоровья», «Методика организации оздоровительной работы», «Охрана труда в учебном процессе», курсы по выбору «Культура здоровья», «Идеалы красоты и здоровья».

Уровень владения методами оценки физического здоровья определялся на предмете «Физическая культура», где выявлялось умение определять физическую работоспособность по следующим тестам: Гарвардский степ-тест, PWC₁₇₀, ортостатическая проба и др. Психологическое здоровье оценивалось по психологическим тестам на предмете «Психология здоровья».

Умение определять факторы здорового образа жизни оценивалось в результате анализа ответов студентов на вопросы опросников «Исследование представлений о ЗОЖ» и «Отношение к здоровью». Умение оказывать помощь окружающим в укреплении и сохранении здоровья определялось с помощью тестов, позволяющих оценить уровень эмпатии. Умение адекватно оценивать свое отношение к здоровью определялось при помощи опросника Р.А. Березовской «Отношение к здоровью».

Степень готовности студентов к преподаванию «Основ здорового образа жизни» в школе определялась в процессе учебной практики студентов в школе при проведении урока ОЗОЖ, внеклассного мероприятия, определении валеологической активности класса, так как данный раздел оценивался с помощью метода экспертных оценок, то экспертами являлись методист по практике, учитель-предметник и студенты-практиканты.

Уровень применения здоровьесберегающих технологий в зависимости от возраста, степени подготовленности, условий учебы и жизни также определялся в процессе учебной практики при оценке качества проведения урока. Эксперты обращали свое внимание на умение студентов рационально использовать учебное время, проводить физкультминутки и физкультпаузы, переключать внимание учеников, применять наглядные пособия, использовать элементы оздоровительных методик других специалистов (например, методику Базарного).

На основе разработанных критериев выделены уровни готовности студентов: высокий, средний и низкий (таблица).

Характеристика уровней готовности студентов к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе

Уровни	Характеристика
Высокий	Студенты обладают прочными теоретическими знаниями в вопросах сохранения и укрепления здоровья, ведении ЗОЖ; умением применять их в профессиональной деятельности. Субъекты этой группы неравнодушны к своему здоровью, здоровью окружающих, ведут правильный образ жизни, стараются помочь людям сохранить и укрепить их здоровье. Они осознают необходимость формирования и развития у себя профессиональной компетенции в вопросах здоровья как одного из условий успешной профессиональной (оздоровительной) деятельности. Применяют здоровьесберегающие технологии в зависимости от возраста, уровня подготовки учащихся, условий учебы и жизни.
Средний	Знания в вопросах здоровья полные, хотя недостаточно развиты. Стремление к сознательному совершенствованию этих знаний намного ниже, чем у студентов с высоким уровнем. Осознание важности сохранения здоровья у них присутствует, но не является доминирующим. Стараются вести здоровый образ жизни, знают, но мало применяют на практике здоровьесберегающие технологии, при этом не учитывают возраст, уровень подготовки учащихся, условия учебы и жизни.
Низкий	Не осознают необходимости формирования готовности к реализации программы ОЗОЖ, имеют весьма слабые знания в вопросах здоровья и не считают важным сохранять и укреплять его, мотивируя тем что, они здоровы. Мало знают и не применяют здоровьесберегающие технологии.

Результатами обучения являются: повышение уровня знаний в вопросах сохранения и укрепления здоровья; готовность к применению здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности; готовность студентов – будущих учителей к реализации программ ОЗОЖ в общеобразовательной школе.

Примечания

- ¹ См.: Основы здорового образа жизни: программа для средних классов общеобразовательных учреждений и методические рекомендации для учителей. Изд. 2-е, доп. и перераб. / О.П. Аккузина, Ю.И. Буланый, Т.В. Кобзева и др. Саратов, 2001.
- ² См.: Указ. соч. С.3.
- ³ Там же. С.3–4.
- ⁴ Организация и оценка здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений: руководство для работников системы общего образования / Министерство образования Российской Федерации. М., 2004. С.4–5.